
сергѣй шишмаревъ

**ТИХОНЪ
ТИМОФѢИЧЪ
и его
практика**

парижъ

Сергѣй ШИШМАРЕВЪ

ТИХОНЪ ТИМОФѢИЧЪ И ЕГО ПРАКТИКА

«Подалѣе отъ этихъ хватовъ
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь,
въ Саратовъ...»

Грибоѣдовъ.

ПАРИЖЪ

1932

Tous droits réservés pour tous pays.

Copyright 1932 by the author.

Все права сохранены за автором.

НА «САМОЛЕТЪ».

Впервые встрѣтился я съ этимъ достопримѣчательнымъ человѣкомъ на волжскомъ пароходѣ.

Ѣхаль я тогда изъ Саратова въ Нижній по одному очень неприятному для меня семейному дѣлу.

Было это, помнится, осенью, такъ, примѣрно, въ концѣ Августа.

На всѣхъ перекатахъ пароходъ тащился самымъ малымъ ходомъ. То и дѣло съ носа доносилось протяжное :

— Пя-ать... Пять съ половина-ай...

И нѣтъ-нѣтъ, да днищемъ по песочку и чиркнетъ.

Въ первомъ классѣ совсѣмъ пусто.

Какіе то солидные золотые очки надъ рѣденькой бороденкой, нѣчто вродѣ инспектора провинціальной гимназіи изъ поповичей. Книжку карманнымъ гребешкомъ разрѣзаетъ и чай пьетъ со своимъ медомъ изъ липовой кадушечки.

Очень лихая дворянская фуражка со стѣкомъ каждому новоприбывшему задаетъ одинъ и тотъ же вопросъ:

— А вы случайно въ преферансикъ не играете? — А? — По маленькой?

Первая гильдія въ чесучѣ пьетъ лимонадъ-газезъ съ коньякомъ и въ англійскую газету смотритъ.

Заѣзжій французъ, комми-вояжеръ, съ утра шоко-

ладъ жуеть и играетъ однимъ пальцемъ на піанино «Мальбрука» и «Катеньку».

Насчетъ прекраснаго пола и того хуже.

На все, про все — одна единственная добродѣтельная матрона лѣзетъ изъ своего корсета, какъ опара изъ квашни, и при ней четверо младенцевъ обоего пола, да бонна «аусъ Рига», страдающая зубами.

— Ужъ не пересѣсть-ли, думаю, на другой пароходъ? А то, чего добраго, до Нижняго-то въ такой компаніи не мудрено и завянуть со скуки.

Но никуда ровно я не пересѣлъ и жалѣть мнѣ объ этомъ не пришлось.

Да вѣдь и то сказать: на нашихъ волжскихъ пароходахъ въ тѣ времена и поскучать-то ужъ вовсе не такъ плохо было, въ концѣ концовъ.

То осетринки по-русски себѣ scomандуешь, то стерлядку паровую колечкомъ. А какую тамъ ботвинью сервировали, какихъ раковъ фантастическихъ... лучше и не вспоминать объ этомъ.

А выйдешь, бывало, на палубу, — панорама единственная въ мірѣ. Золотыя облачка въ огняхъ заката догорають; Жигулевскія Горы осенній листь во всѣ цвѣта радуги разукрасиль; луговой берегъ чуть замѣтной полоской вьется, — ширь необъятная.

А какія ночи тамъ бывали, какіе ароматы съ береговъ вѣтеркомъ на васъ навѣвало...

Э, да что и говорить.

Налюбовавшись вволю на флюсь «аусъ Рига», рѣшилъ я понавѣдаться въ рубку еторого класса.

Не можетъ быть, думаю, чтобы тамъ не было какойнибудь румяной Настеньки съ голубыми глазками, взлѣбняной на домашнихъ сдобныхъ булочкахъ, разставшейся съ патриархальной тишиной родительскаго степ-

ного хутора и мечтающей о шумныхъ губернскихъ соблазнахъ.

И, дѣйствительно, Настенька оказалась тамъ на лицо.

Сидѣла она у окошечка, — не то грустная, не то задумчивая и прислушивалась, какъ рыдалъ подъ гитару въ своей каютѣ капитанскій помощникъ:

«Думы о прошломъ далекомъ
Мнѣ навѣваютъ они-и...»

Капитанскіе помощники на волжскихъ пароходахъ у насъ по романической части — народъ, исключительно дошлый. У нихъ ужъ такая профессиональная сноровка: завязка и развязка любого романа — отъ вахты до вахты.

— Обязательно, думаю, это онъ ее подгитариваетъ.

Тутъ же неподалеку, за накрытымъ столикомъ сидятъ, ожидая заказаннаго, двое. Какой-то полицейскій чинъ въ кавалерійскихъ рейтузахъ и очень благообразнаго вида мужчина среднихъ лѣтъ съ окладистой бородой и хитрыми глазами.

Я сѣлъ въ сторонку и взялъ со стола газету.

Полицейскій спросилъ:

— Да чѣмъ нехороша-то? Кажется, все у нея на мѣстѣ!

Борода отрицательно помотала головой.

— Хоть и на мѣстѣ, да намъ ни къ чему. Это, вонъ, господинъ помощникъ капитана этимъ дѣломъ заниматься можетъ, потому онъ пассажирку на пристань ссадилъ — и только она его и видѣла. А для насъ такое дѣло — не рука. Такая барышня человѣка слезами затопить можетъ въ случаѣ, напимѣръ, демобилизации.

Въ дверь просунулся лакей съ судочками на поднось, но, зазѣвавшись, налетѣлъ на чугунную колонку и едва не вывернулъ весь поднось на колѣни полицейскому.

Борода неодобрительно на него покосилась.

— Ты, почтенный, смотрѣлъ бы все-таки въ пространство-то, — не на велосипедѣ ѣдешь!

— Виновать-съ, Тихонь Тимофѣичъ, дѣйствительно, зазѣвался маленько, не подумавши.

— Не подумавши, братецъ ты мой, жить въ наше время не годится. Хорошо еще, если только морду свою разобьешь, а, ну, какъ новыя брюки господину становому приставу запакостишь? — Тогда что?

— Помилуйте-съ, какъ же это возможно? Нешто мы не понимаемъ?!

— Понятіе у васъ тутъ, видать, самое незначительное. Почему это ты намъ, напримѣръ, графинчикъ-то ущербно такъ налилъ? А? — Тоже, поди, не подумавши? А забыли вы про статью 232-ую неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей? Подъ къ своему буфетчику и скажи ему, что, молъ, на основаніи статьи 232-ой для Тихона Тимофѣича... Онъ ужъ тамъ знаетъ.

Лакей побѣжалъ за новымъ графинчикомъ, а борода сокрушенно вздохнула.

— Ахъ, Ты, Господи, Боже-жъ мой... И что это только за наказанье намъ ниспослано: водки въ графинчикъ и то нарываютъ тебѣ не доплеснуть. А все отчего? — Исключительно отъ народнаго просвѣщенія. Родитель холуя этого лаптями грязь придорожную загребаетъ — и ничего, — мужикъ, какъ мужикъ. А сынокъ его, изволите-ли видѣть, ботиночки шевретовыя себѣ справилъ, цѣпочку новаго золота по жилету распустилъ и даже волосья на своей дурацкой башкѣ вздыборилъ

на подобіе церковнаго кропила. А колонки чугунной видѣть не въ состояніи.

— Н-да, — подтвердилъ полицейскій.

— Очень жить мы стали неосторожно. И чѣмъ толь-ко все это кончится — одному Господу Богу извѣстно.

Лакей принесъ новый графинчикъ водки, вдвое больше предыдущаго и хотѣлъ было налить въ рюмки, но борода его остановила.

— Нѣтъ, ужъ съ этимъ дѣломъ мы сами управимся.

И, оглядѣвъ меня пытливымъ глазомъ, добавилъ:

— А вамъ не позволите-ли рюмочку подь севрюжку, для компаніи?

Я отказался, но челоуѣкъ этотъ меня заинтересовалъ своими разглагольствованіями и я подсѣлъ къ ихъ столику поближе.

Барышня поднялась и вышла изъ рубки на палубу. Мы всѣ проводили ее взглядомъ, а Тихонъ Тимофѣичъ сказалъ:

— Въ Нижній ѣдутъ, въ магазинъ Зингера продащицей наниматься. Въ родительскомъ домѣ скучновато имъ очень, въ деревнѣ-то. Такъ вотъ онѣ рѣшили малость поразвлечься.

Я и родителя ихняго знаю очень даже хорошо: въ картишки перекинуться большой любитель и выпить можетъ въ компаніи, а настоящихъ дѣловъ понимать не въ состояніи. Надо такъ полагать, что и дочка-то изъ подь родительскаго крова не съ радости въ услуженіе ѣдетъ. Бѣдность, имѣннишко заложено — перезаложено; того и гляди, съ молотка все пойдетъ.

— А дѣвочка-то недурненькая, — вставилъ полицейскій.

— Такъ за чѣмъ-же дѣло-то стало?

— Да мнѣ ночью высаживаться надо. Кабы не служба, такъ я бы этого такъ не оставилъ.

— За васъ, Яковъ Степанычъ, тутъ капитанскій помощникъ распорядится. Вишь, какъ онъ на гитарѣ-то раздоливается! Специалистъ!

Оба выпили, закусили и еще выпили.

Тихонъ Тимофѣичъ водку пилъ, не торопясь, степенно оглаживая бороду и сокрушенно вздыхая послѣ каждой новой рюмки. Только маленькіе сѣрые глазки его, хитрые и безпокойные, прыгали съ предмета на предметъ и никакъ не могли успокоиться.

— Такъ, какъ-же, Тихонъ Тимофѣичъ, насчетъ закладной-то моей, — спросилъ полицейскій, — дѣло, по вашему мнѣнію, не вовсе безнадежное?

— Безнадежныхъ дѣловъ, Яковъ Степанычъ, не бываетъ. Каждое дѣло, если его хорошенько обмозговать, и такъ, и такъ прикинуть, непременно окажется, въ концѣ концовъ, очень даже возможнымъ. У меня по-запрошлымъ лѣтомъ, вотъ, какой случай вышелъ...

Тихонъ Тимофѣичъ посмотрѣлъ на меня, какъ бы приглашая послушать его исторію.

СОМНИТЕЛЬНАЯ РАСПИСОЧКА.

— Вы Канатчикова, Егора Иваныча, изволили знать? — По пеньковому дѣлу у насъ — первая фирма. Еще до женитьбы его большіе мы пріатели съ нимъ были и дѣла кой-какія совмѣстно налаживали. Потомъ женился онъ подъ пьяную руку на одной купеческой вдовѣ, бабѣ, прямо надо сказать, проклятущей, — и вся наша дружба пошла насмарку. Егоръ Иванычъ и самъ видѣлъ, что съ женитьбой своей онъ здоровую рюху далъ, да ужъ поздно было назадъ-то ворочать и сталъ онъ зашибать съ горя еще пуще прежняго. — Всѣ дѣла наши съ Канатчиковымъ я помалости ликвидировалъ и

остался онъ мнѣ долженъ послѣ всѣхъ нашихъ расчетовъ 216 рублей, въ каковой суммѣ и выдалъ мнѣ расписочку для памяти. Такъ, на клочкѣ синей сахарной бумажки накарябалъ карандашикомъ:

«Две ста шишнацать ру. обязуюсь Канатчиковъ».

Сами понимаете, что такой документикъ, можно сказать, и псу-то подъ хвостъ не годится. Но я объ этомъ не беспокоился, ибо Егоръ Иванычъ — человѣкъ извѣстный: за нимъ и не такія деньги николи не пропадали.

Прошло этакъ мѣсяца два, что-ли. Иду какъ-то я по Московской, мимо Канатчиковскаго дома и думаю: надо-бы мнѣ насчетъ деньжонокъ-то моихъ зайти, справиться.

Гляжу, а изъ воротъ ихнихъ выходитъ старшій канатчиковскій прикащикъ, Макѣичъ. Я къ нему.

— Какъ, спрашиваю, самъ-отъ дома?

— Окончательно, говорить, дома, — домѣ и не бываетъ. Вторыя сутки лежитъ при смерти.

— Какъ такъ при смерти, когда я его еще въ пятницу живьемъ видѣлъ у Гальцевыхъ въ магазинѣ?

— Въ пятницу онъ живой и былъ, а въ субботу привезли его изъ Покровской слободы безжизненнымъ трупомъ, безъ малѣйшаго движенія, только губы выпячивается.

— Да съ чего же это съ нимъ приключилось-то?

— Обнакновенно съ чего: по пьяному дѣлу пріятели пивной бутылкой голову ему прошибли, до самыхъ, до мозговъ.

Батюшки, думаю, плакали мои денежки.

— Помощь-то медицинская ему оказана?

— Какъ же! Фелшаръ Заведѣвъ денно и ночью при немъ состоитъ.

— Что жъ онъ говорить? фелшаръ-то?

— Да что жъ ему говорить? Уповайте, сказываетъ, на Царицу Небесную, потому поврежденіе у нихъ самое что ни на есть трахматическое. — Еще кабы угодила въ нихъ бутылка съ подъ Калинкинскаго пива, ну, тогда, можетъ быть, дѣло какъ нибудь и обошлось бы,—потому калинкинское стекло легкое, пузырчатое. А то, вѣдь, пивкомъ-то они баловались Жигулевскимъ, — а жигулевскія бутылки стеклянный расколъ имѣють рѣзкій, съ расщепомъ. Ежели, напримѣръ, отъ жигулевской посуды донышко въ мозги проникнетъ, исходъ можетъ получиться самый сурьезный.

Иду это я къ себѣ домой и самъ съ собой разсуждаю. Если, не дай Богъ, Егоръ Иванычъ мой теперъ преставится, — не видать мнѣ моихъ денежекъ, какъ своихъ ушей, потому вдова его прямо таки аспидъ, а не женщина — и легче изъ чугунной тумбы полтинникъ выколотить, чѣмъ изъ этой бабы семишникъ.

На другой день пошелъ провѣдать Егоръ Иваныча, а его уже на столъ положили по христіанскому обряду и скоропостижная вдова его волосы на себѣ рветъ, — съ гробовщикомъ на кухнѣ торгуется.

Непремѣнно ей чтобы сосну подъ дубъ раздѣлать, все кругомъ газетомъ обить и чтобы не дороже 15-ти цѣлковыхъ.

Панька, гробовщикъ, шапку о-земь кидаетъ и божится, что дешевле четвертнаго билета и цѣнъ такихъ не бываетъ.

Вдова прямо съ кулаками къ нему подступаетъ.

— Слезами сиротскими, воздыханіями вдовымъ капиталъ себѣ сколачиваешь, извергъ. Креста на тебѣ нѣтъ!

Панька къ дверямъ пятится, но на своемъ стоитъ твердо.

— Помилуйте, Анна Ильинишна, вы то извольте въ

разсчетъ принять, что вѣдь не каждый день супруговъ-то законныхъ хоронить вамъ придется.

— Того бы только и не хватало, что-бъ каждый день тебя, ирода, обогащать. Бери 15 цѣлковыхъ и на поминкахъ почетъ тебѣ будетъ сейчасъ же послѣ діаконъ, допрежъ псаломщиковъ.

— Видить Богъ, не могу-съ, Анна Ильинишна. Себѣ въ убытокъ.

— Какой же убытокъ? У меня и покойникъ-то во все маломѣрный.

— По обмѣру-съ восемь вершковъ съ половиной Егоръ Иванычъ будутъ. Нормальнаго измѣренія мущина-съ.

— Да ты его не вдлинку мѣрь, а вширь. Онъ еще при жизни отъ вина совсѣмъ усохши.

Мигнулъ я Панкѣ и подхожу, значить, съ соболѣзнованіемъ.

— Хлопотъ-то у васъ сколько, Анна Ильинишна, въ такой тяжелой утратѣ.

Она глазомъ на меня покосилась подозрительно.

— У меня, говоритъ, каждый день тяжкія утраты. Я ужъ только того отъ людей и жду! Вотъ утресь вынула я изъ сундука новенькій сюртучекъ покойника обрядить и повѣсила его на дворѣ отъ нафталина малость провѣтриться. Такъ что-жъ ты думаешь? Обернулась я на минутку въ домъ за чѣмъ-то, ворочаюсь обратно, а сюртучка маво ровно вихремъ какимъ со двора сдунуло.

— Унесли, стало быть?

— Въ чистую. И пуговики не оставили.

— Почто же вы, Анна Ильинишна, ворота-то на запорѣ не держите? Этакъ вѣдь и васъ самою въ одинъ прекрасный день вихремъ со двора сдунетъ за милую душу. Народъ у насъ, сами знаете, какой.

— И-и, батюшка, да нешто для жуликовъ ворота

существуютъ? Нищихъ, вонъ, со всего города сюда понабѣжало видимо-невидимо. Какъ воронье какое, прости Господи, на падаль налетѣли. Такъ и кружатъ вокругъ, такъ и кружатъ. Въ залѣ стекло оконное выдавили, внутрь глядѣмши; въ собакъ цѣпныхъ кирпичами лукать зачали, — кохитиночкѣ моей ножку перешибли.

— Ну, говорю, курочку-то вамъ все едино къ поминальному столу рѣзать пришлось бы.

Она такъ на меня и окрысилась.

— Да ты что это, въ своемъ умѣ, али нѣтъ? Гдѣ же это видано, чтобы православнаго покойника курятиной поминали?

— А нешто, говорю, не полагается?

Она злобно такъ зашипѣла.

— Конечно, у васъ все полагается! Нынче что на поминальный столъ ни вывали, все сожрутъ безъ остатка, безъ разбора. Иной поминальщикъ самое вдову съ сиротами ейными наровить слопать, а не то что курятину какую.

Вдругъ, уши наострила, да какъ метнется въ горницы.

— Ты что это, слышу, паскуда, по буфетамъ тутъ шаришь? А?

— Да я, матушка Анна Ильинишна, насчетъ кишмишику для кутьи, то есть... Какъ вы, слышу, разговоромъ тамъ заняты...

— Я тебѣ дамъ кишмишика, лупоглазая...

И поѣхала, и поѣхала...

Подобралъ я полы, да со двора. Еще, думаю, въ кражѣ какой тебя заподозрять, — сраму не оберешься. Потомъ доказывай!

Догналъ я на улицѣ Паньку-гробовщика, а онъ мнѣ и говорить:

— Вотъ это, Тихонъ Тимофѣичъ, такъ женщина!

Героиня, одно слово! Такъ и косить, такъ и рѣжетъ! — Вы думаете, правда, что у ей сюртучекъ этотъ со двора свистнули? — Ни Боже мой! Она его и изъ сундука-то не вынимала, а только тѣнь одну наводитъ, чтобы, значить, люди ее не осудили, почто она покойника своего въ затрапезномъ спинжачишкѣ въ гробъ покладала. Вотъ она для политики разговоръ этотъ насчетъ покражи и выдумала.

— Да я ее, говорю, знаю, слава Тѣ, Господи!

— А ужъ относительно заказа ейнаго я и самъ теперь не знаю, какъ мнѣ быть. Съ одной стороны жалко мнѣ и заказъ этотъ пропустить, а съ другой — чувствуетъ мое сердце, что обязательно она меня обсчитаетъ и сколько ни на есть, а замотаетъ моихъ рублишекъ трудовыхъ. Безъ этого она и жива не будетъ.

Я Паньку успокоилъ и сказалъ, что все это дѣло беру на себя.

— Ты только вотъ что, паря: товарищъ свой попридержи до самаго послѣдняго срока. Завтра, часовъ въ 8 вечера я самъ къ тебѣ на пролеткѣ заѣду и мы съ тобой вмѣстяхъ заказъ предоставимъ заказчицѣ на домъ. А тамъ я ужъ съ ней самъ обойдусь по-своему.

Такъ мы и сдѣлали.

На другой день, въ девятомъ часу вечера подкатили мы съ гробомъ къ Канатчиковскому дому. — Панька при товарѣ въ пролеткѣ остался, а я, стало быть, опять на кухню прослѣдовалъ и стряпуху за самой къ комнаты откомандировалъ.

Вышла она ко мнѣ злющая-презлющая. Такъ и наровить обляять.

— Тебѣ еще чего тутъ спонадобилось?

Я, разумѣется, виду ни малѣйшаго не подаю. Поклонился и докладываю:

Такъ, молъ, и такъ, съ гробикомъ мы приѣхали.

— Чего-жъ вы его въ горницы не волокете? — Да какое ты то имѣешь касательство къ гробовымъ дѣламъ? Я не съ тобой, а съ Панькой уговаривалась.

— Мое касательство меня одного и касается, говорю ей, а Панька мнѣ препоручилъ предварительно вотъ эти документики оправдать.

И выкладываю ей на столъ панькинъ счетъ на 25 цѣлковыхъ и мою расписочку на 216 рубликовъ, что покойникъ-то мнѣ на сахарной бумажкѣ накарябалъ .

Она, какъ на цифры эти глянула, такъ и залилась.

— Ахъ, вы, сукины дѣти! Такъ я и чуяла подвохъ какой! Ужъ не даромъ ты, комбинаторъ, въ дѣло это впутался. Только, не на таковскую вы, стервецы, наскочили. Меня этакимъ манеромъ взять вамъ не придется.

— Это, говорю ей спокойно, какъ вамъ, Анна Ильинишна, будетъ угодно. Не хотите платить — не платите. Мы свой товаръ и назадъ увезть можемъ. Какъ привезли, такъ и увеземъ.

— Да ты что же это, смѣешься надо мной, что ли, грободеръ проклятушій? Что-жъ мнѣ покойника-то въ корытѣ, что-ли, хоронить прикажешь?

— Зачѣмъ же въ корытѣ-съ? — Гробикъ мы въ полной исправности вамъ предоставили, согласно вашему заказу. И подъ дубъ раздѣлано, и газетомъ вкругъ обито, и ручки фигурныя... Прямо сказать: хотъ и губернатору, такъ и то не стыдно! — И даже сверхъ всякаго уговора, отъ своего, отъ усердія, херувима шестикрылаго въ возглавіи водрузили по первому разряду. — Однако же, товара мы въ кредитъ отпустить никакъ не согласны. — Пожалуйте денежки, вотъ, объ это самое мѣсто.

И пальцемъ ей на краешекъ стола кухоннаго указалъ.

Она такъ меня глазищами своими и буравить на-

скрозь. Кажется, будь ея воля, на части бы меня руками разорвала и собакамъ своимъ покидала.

— Видать, шипить, ты меня ужъ вовсе за дуру пѣтую принимаешь, ежели помыслить могъ, что я тебѣ этакую уйму денегъ сразу на столъ вывалю.

— За дуру, говорю, я васъ, Анна Ильинишна, николи не почитаю, а скорѣе совсѣмъ даже наоборотъ. — Съ покойникомъ же вашимъ, вы и сами прекрасно понимаете, что дѣваться вамъ теперь положительно некуда. На основаніи полицейскихъ правилъ, мертвое тѣло болѣе трехъ сутокъ держать на дому не полагается, во избѣжаніе смраднaго зараженія атмосфернаго воздуха продуктами злокачественнаго разложенія. — Опять же и къ поминальной трапезѣ у васъ уже все напечено — наварено, и духовенство оповѣщено, и могилка вырыта. — Какъ ни крутитесь, а безъ гробика вамъ теперь ни коимъ способомъ обойтись невозможно. А никто въ одну ночь другой гробъ вамъ предоставить не возьметсѣ. — Вотъ вы и сообразите.

Красными пятнами морда у ей пошла.

— Да ты-то, комбинаторъ, почему мнѣ подъ эту гробовую кадриль свои расписочки подсовываешь?

Я ей по чистой совѣсти все объясняю, что, молъ, иначе съ васъ и гроша ломаннаго никогда не вышибешь.

Плюнула она на полъ и въ горницы кинулась, двѣрю хлопнувши со всею мочи.

— Ладно, думаю, дверей мнѣ твоихъ не жалко, хоть всѣ ихъ съ петель посрываю, а денежки мнѣ мои до послѣдняго грошика выкладывай. — Своего мы не упустимъ, будьте покойны.

Полицейскій чинъ, слушавшій разказъ этотъ съ живѣйшимъ интересомъ, раскатисто захохоталъ.

— Ловко вы ее, стерву, подэффендили, Тихонъ Тимофѣичъ. — Вотъ это я понимаю! Такъ всѣ денежки сполна вамъ и вынесла?

Разсказчикъ скромно потупилъ свои хитрые глаза, но самодовольная улыбочка подъ усами у него зазѣлилась.

Сдѣлавъ внушительную паузу, онъ проговорилъ :

— А что же вы въ ея положеніи станете дѣлать? — Скандаловъ они въ купечествѣ пуще огня боятся.

Не болѣе пяти минутъ пробыла она въ дому и обратно ко мнѣ на кухню выскочила. Деньги на столъ кинула и пальцемъ мнѣ на дверь указываетъ.

— Получай, мерзавецъ, и чтобы духу твоего здѣсь больше не было. — Слышишь?

— Покорнѣйше, говорю, вамъ благодарны, Анна Ифъинишна, на ласковомъ словѣ вашемъ. Дозвольте хоть съ покойничкомъ проститься.

— Я тебѣ прощусь, выжига. Вонъ, моментально!

— Неужто и въ поминальной трапезѣ вы мнѣ откажете? Благопріятеля моего Егоря Иваныча помянуть мнѣ не придется?

Она какъ затопочеть на меня ногами.

— Сейчасъ-же вонъ изъ моего дома, подлець. Собаками тебя затравлю, грободерь проклятуцій, шпикулянтъ...

Съ деньгами-то въ карманѣ мнѣ, разумѣется, на слова ея бабьи — больно наплевать, однако, этимъ самымъ, «шпикулянтомъ» она меня очень даже оскорбила. — Я свои кровныя денежки выручалъ и я же шпикулянтъ оказался.

— Ахъ, ты, думаю, такъ со мной поступаешь? Ладно!

Оборотился я къ ней рѣзко, подошелъ вплотную

и прямо ей въ толстую морду тихимъ голосомъ высказаль:

— Попомните вы мои слова, Анна Ильинишна: мѣсяца не пройдетъ, какъ вы въ ногахъ у меня валяться будете. Только тогда ужъ извините: пятой васъ придавлю и разотру во прахъ-съ! А покедова прощенья просимъ.

Повернулся и пошелъ со двора, не торопясь.

Полицейскій опять захохоталь на всю рубку.

— Правильно! Вотъ это я понимаю! Такъ ихъ, толстомясыхъ, и надо, чтобы чувствовали они, съ кѣмъ имѣють дѣло. — Такъ пятой, говорите, и во прахъ?!

Тихонъ Тимофѣичъ скомандоваль пару пива и, распустивъ свою бороду, снова заговорилъ вѣско и внушительно.

— Такой человекъ еще не родился, который посмѣлъ бы мнѣ этакъ, здорово живешь, разныя слова въ лицо наговаривать. — Ко мнѣ губернаторы своихъ чиновниковъ засылають за справочками, а не то, что баба какая... Баба — баба она и есть. На какой бокъ ее ни оберни, кругомъ она есть дура и больше ничего. — Комбинацію я подпустилъ ей самую немудрящую, а влетѣла она въ нее, какъ куръ во-щи, со всѣми своими потрохами.

— Это — любопытно, — проговорилъ полицейскій и, обсосавъ усы свои отъ пивной пѣны, налегъ локтями на столъ, приготовившись слушать.

— Потолковаль я съ приказчикомъ канатчиковскимъ, Макѣичемъ, понавѣдался къ нашему приставу, къ Аполлону Аркадьевичу, а отъ него прямымъ трактомъ къ Никандру Филиппычу. — Староста это нашъ церковный будетъ и Ильинишнинъ первый совѣтчикъ. — Пообѣщаль ему хохлатаго кенаря прислать, къ ко-

торому онъ давно уже подговаривался, будучи большимъ любителемъ птичьяго пѣснопѣнія. — Единымъ махомъ всю комбинацію соорудилъ и сижу себѣ, буд-то не при чемъ.

Недѣли такъ двѣ послѣ похоронъ Егора Иваныча является на домъ къ Канатчиковой вдовѣ городской и вручаетъ ей повѣстку.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?

— Не могу-съ знать, наше дѣло маленькое. Въ полиціи вамъ все это во всѣхъ подробностяхъ объяснятъ.

Надо такъ думать, не сразу она начала ногами ходить отъ такого извѣстія. За пріятными разговорами людей по полицейскимъ участкамъ не таскаютъ.

Явилась она къ приставу въ кабинетъ, въ указанное время и слова выговорить не можетъ.

Аполлонъ Аркадьевичъ у насъ мущина бравый, съ дамами у него всегда обхожденіе самое, можно сказать, нѣжное.

Усадилъ онъ Ильинишну на стульчикъ, воды изъ стакана предложилъ и легонечко началъ ее выспрашивать.

— Вы, говоритъ, глубокоуважаемая, въ права законнаго наслѣдства вводиться собираетесь, послѣ покойнаго супруга вашего, Егора Иваныча?

— Со... собираюсь, говоритъ. Дѣтки у меня малолѣточки...

— Тэкъ-съ. Со стороны кредиторовъ, стало быть, никакихъ заминокъ вы не предвидите, къ имуществу, то есть, покойнаго?...

— Нѣ... нѣтъ. Какія же могутъ быть заминки? Фирма по всѣмъ обязательствамъ платитъ аккуратно, да и кредиторы-то у насъ все люди свои.

— Тэкъ-съ... А скажите, сдѣлайте милость, въ какихъ отношеніяхъ состоялъ вашъ покойный супругъ съ

самарскимъ землевладѣльцемъ, съ нѣкимъ господиномъ Мамрищевымъ, Федоромъ Александровичемъ? Вы глубокоуважаемая, слышали когда такую фамилію?

Ильинишна вовсе заробѣла, бормочетъ, что придется.

— Аполлонъ Аркадьевичъ, батюшка, да нешто же я въ чемъ причинна? Ваше - скородіе! И покойникъ мой и Федька этотъ самый Мамрищевъ, пропади онъ совсѣмъ пропадомъ, обои были пьяницы, и охальники вопіющіе. Мой-отъ и на хуторъ Федькинъ все больше по пьяному дѣлу ѣздилъ. Соберутся они туда, выпивохи - пріатели и сейчасъ это спосылаютъ за киргизскими дѣвками. — Становище у нихъ тамъ киргизское было неподалеку. — Ну, и начинается у нихъ, стало быть, гульба и всяческое безобразіе.

Приставъ ее перебилъ.

— Въ отношеніи частныхъ развлеченій покойнаго супруга вашего, поскольку не содержится въ нихъ явно противузаконнаго элемента, полиція никакого касательства имѣть не можетъ. — Я и самъ какъ-то, однажды, на этотъ самарскій хуторъ къ господину Мамрищеву былъ приглашенъ и, смѣю васъ увѣрить, что никакого особеннаго безобразія тамъ вовсе даже и не происходило. А эти самыя киргизскія дѣвушки, какъ это ни странно, даже прехорошенькія попадаются. Но дѣло вовсе не въ этомъ. — Я имѣю въ виду дѣловыя отношенія между покойнымъ Егоромъ Ивановичемъ и господиномъ Мамрищевымъ. — Видите-ли, глубокоуважаемая, обезпокоилъ я васъ единственно изъ моего къ вамъ расположенія, чтобы, такъ сказать, во-время васъ предупредить на всякій случай... Официально мнѣ ровно ничего неизвѣстно и знать я ничего не хочу. Но считаю своимъ священнѣйшимъ долгомъ предостеречь васъ, что по городу упорно ходятъ слухи, что покойный Егоръ

Ивановичъ въ компаніи съ этимъ самымъ Мамрищевымъ затѣяли съ полгода тому назадъ одно очень... какъ бы это вамъ сказать... очень рискованное предпріятіе... и даже, можно сказать, уголовно наказуемое-съ.

Ильинишна сползла со стула на-поль и повалилась приставу въ ноги.

— Батюшка, не погубите... Дѣтокъ малолѣточекъ пожалѣйте...

Апполонъ Аркадьевичъ кинулся подымать даму.

— Да что же это вы, глубокоуважаемая, да развѣ же такъ возможно? Ахъ, ты, Господи, Боже мой! — Да вы присядьте вотъ на диванчикъ... Водицы откушайте! — Я же вамъ русскимъ языкомъ повторяю, что мнѣ ровно ничего оффициально еще не извѣстно. — Понимаете, одни только слухи и больше ничего. — Жена же вообще за своего мужа не отвѣтчица и, если бы даже что либо такое и обнаружилось впослѣдствіи, то вы, во всякомъ случаѣ, тутъ будете не при чемъ. — За это я вамъ ручаюсь головой. — Но, такъ какъ въ дѣлѣ этомъ могутъ быть затронуты интересы казны, то, при введеніи въ права законнаго наслѣдства, могутъ встрѣтиться нѣкоторыя, такъ сказать, чисто формальныя препятствія, которыя, разумѣется, были бы для васъ крайне нежелательны. — Такъ вотъ, питая къ вамъ искренне расположеніе, я и намѣревался васъ предупредить, предостеречь и вообще ободрить, чтобы вы были заранѣе ко всему этому подготовлены. — Ну, посоветуйтесь тамъ съ какимъ либо дѣльнымъ человѣкомъ, примите мѣры и вообще...

Отъ пристава Ильинишна прямокомъ отправилась къ Никандру Филиппычу и, какъ вошла къ нему въ зальцу, такъ и повалилась въ кресла, ни жива ни мертва

А Никандръ Филиппычъ сдѣлалъ видъ, что ровно ничего не знаетъ и давай ее спрашивать.

Тутъ она все ему про пристава и вывалила.

— Ничего, говорить, я про такія дѣла не слыхивала и ума приложить не могу.

А Никандръ Филиппычъ прошелся по зальцѣ, двери поплотнѣе заперъ и тихонько вымолвилъ:

— И до меня, матушка Анна Ильинишна, тоже слухи эти доходили и даже, долженъ я вамъ теперь сказать по чистой совѣсти, что еще при жизни своей покойный Егоръ Ивановъ говаривалъ мнѣ неоднократно: «вотъ сойдетъ у насъ съ Федькой наша операція благополучно, — при большихъ мы тогда капиталахъ окажемся». — И даже обѣщался весь соборный иконостасъ позолотить и всему клиру новое облаченіе изъ Москвы выписать.

— Да какая же это у нихъ операція-то была задумана?

А Никандръ Филиппычъ совершенно тихимъ голосомъ зашепталъ:

— Надо такъ полагать, Анна Ильинишна, что собирались они на Мамрищевскомъ хуторѣ липовыя трехрублевки печатать, на предметъ товарообмѣна съ киргизскими инородцами.

— Да что ты, отецъ!...

— Истинно говорю вамъ, матушка. Былъ у нихъ и мастеръ такой подговоренъ изъ бѣглыхъ кантонистовъ, по прозвищу — Аминь.

— Царица Небесная, да что же это теперь будетъ? Сраму-то, сраму-то не оберешься! — Куда жъ мнѣ теперь сунуться присовѣтуешь? Къ адвокату какому, что-ли?

Тотъ отрицательно покачалъ головой.

— Къ адвокату съ такими дѣлами нечего и соваться. — Вѣдь никакого прямого обвиненія вамъ ни въ чемъ

не предъявлено. Что же адвокат тутъ подѣлать можетъ?

— Какъ же быть-то? Заплатить кому или еще какъ? Я просто и ума не приложу отъ такого потрясенія.

— Заплатить, надо такъ полагать, что придется и даже порядочно, но кому именно — я не берусь вамъ даже и присовѣтывать, потому дѣло это очень сомнительное.

Ильинишна опять заскулила:

— Отецъ родной, заставь вѣчно за тебя Бога молить, пособи мнѣ съ дѣтьми малолѣточками. Куда жъ я теперь дѣнусь-то при такихъ обстоятельствахъ?

Никандръ Филиппычъ выждалъ, пока она дошла окончательно до точки и тогда, какъ бы между прочимъ, обмолвился:

— Вотъ, нешто къ Тихону Тимофѣичу вамъ поклониться. Онъ такое дѣло и повернуть и вывернуть, какъ угодно, можетъ, потому по этой части онъ — первый у насъ специалистъ.

— А ты думаешь, онъ на мнѣ не попомнитъ прежнее-то?

— Не должно быть того, Анна Ильинишна. Человѣкъ онъ богобоязненный и по христіанскому своему смиренію, поди, и забылъ уже давнымъ давно про вашу размолвочку.

Такимъ-то вотъ манеромъ Ильинишна ко мнѣ, значить, и попала въ комбинацію.

— Здорово, — загоготалъ полицейскій. — Подъ пята-то вашу сама подкатилась? Правильно! Поди, рубликовъ триста съ нея сняли? Али и того поболѣ?

Тихонъ Тимофѣичъ совершенно глазки свои прищурилъ, такъ что и понять было невозможно, до какой

степени они хитрить способны, а потомъ сказалъ солидно въ распущенную свою бороду:

— Болѣе семи тысячъ я съ нея снялъ тогда, за десять мѣсяцевъ. Какъ угодно, дура, платила, только брать не лѣнись. — Придешь, бывало, къ ней подъ вечеръ на чаепитіе, — моментально она бутылку вишневки на столъ становить, пряники мятные высыпаетъ — и пожалуйста! Опрокинешь рюмочки три и начинаешь ей излагать суть дѣла: На основаніи статьи 1246-ой Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, а также принимая во вниманіе положеніе объ усиленной охранѣ и разъясненія Правительствующаго Сената...

Она кулакомъ щеку подопретъ и слушаетъ.

Большое на нее дѣйствіе имѣли эти самыя непонятныя слова изъ казеннаго разговора. До большаго разстройства довести ее было можно такимъ манеромъ.

Съ четверть часа ее этакъ отчитаешь, она и пардону запросить.

— Да, ну, тебя, будетъ ужъ! Сколько платить-то надо-тъ?

Ну, назначишь ей цифру, денежки въ бумажникъ приберешь, наливочку допьешь — и айда, до новаго раза.

Десять мѣсяцевъ я ее такимъ манеромъ мурыжилъ. Даже невѣроятно до чего глупая баба была! Кухарку свою въ каждомъ грошѣ уличала, съ приказчиками изъ за каждой дряни собачилась, а я ее, какъ угодно, обиралъ ни по чемъ. Сама на чай къ себѣ зазывала, коли я долго за деньгами не шель.

Я уже началъ было подумывать, какъ бы ее совершенно къ знаменателю привести, да тутъ Панька-гробовщикъ свинью мнѣ подложилъ отъ большого ума. Нарѣзался пьянымъ и въ трактирѣ, при посторонней публикѣ зачалъ похваляться, что онъ съ Канатчиковой

вдовы, какія угодно, деньги снять можетъ. — Слово за слово, то, да се.

— Почему это ты надъ ей власть такую имѣть можешь?

А онъ сдуру возьми, да и брякни:

— Да энту дурищу только лѣнивый не обираетъ. Вонъ, Тихонъ, молъ, Тимофѣичъ, который мѣсяцъ ее распатрониваетъ — и хоть бы что!

Ну, ей эти самыя слова и доложили.

Зачала она справочки наводить, а на повѣрку-то вышло, что Мамрищевъ давнымъ-давно весь свой самарскій хуторъ ужъ продалъ и куда-то выѣхалъ въ неизвѣстномъ направленіи и что, вообще, бояться ей больше ровно нечего, потому въ права законнаго наслѣдства она введена безоговорочно и по всей формѣ.

Какъ-то спонадобилось мнѣ за керосинъ платить рублей 18, я и посылаю парнишку своего по привычкѣ къ Канатчиковой получить деньги и уплатить, стало быть, по моему счету.

А она на этотъ разъ вышла къ моему гонцу на кухню да кукишъ ему къ самому носу и поднесла.

— Видишь, паршивецъ, эту самую штуку? — Такъ вотъ и Тишкѣ своему, комбинатору, передай это самое. Дескать, Анна Ильинишна приказывали вамъ кланяться, а замѣсто денегъ, вотъ это самое передать велѣли.

Ну, я, понятное дѣло, не настаивалъ. Свое получилъ я съ избыткомъ, а большаго мнѣ и не требуется. — Я — человекъ маленькій, маленькимъ и доволенъ.

Дослушавъ рассказъ Тихона Тимофѣича, вышелъ я на палубу и все тогда никакъ сообразить не могъ, что это, собственно говоря, за человекъ. Что въ его рассказѣ

ложь, а что правда? Но занятнымъ онъ мнѣ показался, во всякомъ случаѣ, и очень даже неглупымъ.

Если, думалъ я тогда, этакому бы типу, да настоящее образованіе, — большихъ бы дѣлъ натворить онъ могъ. Со всей Европы штаны бы снялъ, по меньшей мѣрѣ.

Проходя къ себѣ въ первый классъ, замѣтилъ я Настеньку, стоявшую у поручней съ капитанскимъ помощникомъ и смотрѣвшую на водяную пѣну изъ-подъ пароводнаго колеса.

— Не могу я на воду смотрѣть, — говорила она, подымая голову.

— А вы глазки зажмурьте, — совѣтовалъ помощникъ.

Ну, подумалъ я, романчикъ у этихъ, кажется, на мази. Ужъ разъ глазки надо зажмуривать, значитъ, все обстоитъ благополучно.

На другой день встрѣтились мы съ Тихономъ Тимофѣичемъ, какъ старые знакомые.

Сидѣлъ онъ на диванчикѣ, у самой дымовой трубы и благодумствовалъ.

— Присаживайтесь, — указалъ онъ мнѣ мѣсто рядомъ съ собой, похлопавъ ладонью по сидѣнью. — Погода-то какая стоитъ! — Благодать! Теперь бы рыбку половить въ какомъ затончикѣ.

— А вы, спрашиваю, любитель?

— Какъ же! Разлюбезное это дѣло! У насъ, въ Саратовѣ даже и господа многіе этимъ дѣломъ занимаются, для времяпрепровожденія.

— А вы сами, стало быть, саратовскій?

— Мы — коренные саратовскіе. У меня тамъ и домикъ есть, и хозяйство, и все такое прочее.

— Торговлей какой занимаетесь?

— Нѣтъ, мы такъ, при дѣлѣ состоимъ. Свое у меня дѣло, на манеръ какъ бы конторы, скажемъ. Чѣмъ могу нуждающемуся помощь оказываю, по крайнему своему разумѣнію. — У кого векселекъ просроченный, у кого наслѣдство сомнительное — ко мнѣ обращаются; другому краденное разыскать, иному справочку какую требуется въ присутственномъ мѣстѣ получить — опять же ко мнѣ идутъ; по семейнымъ обстоятельствамъ какое неблагополучіе или въ торговомъ оборотѣ заминочка — тоже ко мнѣ за совѣтомъ направляются и чѣмъ могу, помогаю, по мѣрѣ силъ и возможности. — Да ко мнѣ иной разъ даже и сама полиція обращается въ случаѣ убійства какого или тому подобное.

— Значитъ, вы вродѣ російскаго Шерлока Холмса будете?

— Чего это? — не понялъ онъ.

Я объяснилъ, рассказавъ въ двухъ словахъ исторію англійскаго джентльмена-сыщика.

Тихонъ Тимофѣичъ внимательно меня выслушалъ и покачалъ недовѣрчиво головой.

— Про такое не слыхалъ. Въ заграничѣ гдѣ, можетъ, оно и такъ, а у насъ этого быть не можетъ. Задарма, безъ всякаго интересу, кто же станеть работать? Такого дурака за деньги можно было бы показывать.

— Шерлокъ Холмсъ, говорю, тоже иногда бралъ деньги съ богатыхъ за свою работу.

— Ну, за деньги это я еще понимаю, а чтобы зря распинаться...

Онъ задумался; потомъ, какъ бы припомнивъ что-то, сказалъ:

— У меня вотъ какой случай былъ въ такомъ родѣ, — то-есть, насчетъ полицейскаго розыска, стало быть
И онъ рассказалъ мнѣ слѣдующее.

ДѢЛО ОБЪ УБИЙСТВѢ ЧИНОВНИЦЫ МЕЩЕРИКОВОЙ

— Было это годовъ шесть тому назадъ. Жила у насъ въ городѣ чиновница одна, по фамиліи Мещерикова, старушенка лѣтъ подъ 70.

Домишко у нея стоялъ у самой городской черты, неподалеку отъ моего обиталища.

Вы Старый Соборъ у насъ изволите знать? — Это который на Пѣшемъ базарѣ стоитъ. Еще передъ нимъ двѣ пугачевскія пушки.

Такъ вотъ, ежели отъ этого Собора идти къ Затону по низовой дорогѣ, такъ по правой рукѣ у васъ сейчасъ, значить, будетъ Мотовиловская маслобойка, потомъ — пеньковые склады братьевъ Щуриныхъ, а затѣмъ, на полъ горѣ и мое имущество. А домишко Мещериковой еще съ полъ версты пониже, у самага откоса. И далѣе за ней уже ровно ничего болѣе нѣтъ. Городу конецъ и все тутъ.

Жила эта самая Мещериха тихо, скромно съ одной племянницей, дѣвченкой лѣтъ 15-ти и даже въ церковь-то рѣдко когда ходила.

Надо правду сказать, что мѣста у насъ тамъ глухія и небезопасныя относительно разнаго босячья. — Въ праздничный день, либо подъ вечеръ, не то что женщины, а и мужчинѣ-то ходить бываетъ боязно. Народъ тамъ кругомъ — жуликъ на жуликѣ и свинчаткой по головѣ тюкнуть прохожаго, — самое плевое дѣло считается. Иной разъ и взять-то съ человѣка нечего, а его все же пристукнуть изъ озорства или изобьютъ до полу-смерти.

Меня-то никто у насъ не трогаетъ, потому знаютъ, что я такой за человѣкъ, а Мещерикову неоднократно

собирались грабить и даже раза два ворота у нея высаживали; но только поживиться тамъ было положительно нечѣмъ, потому что жила она бѣдно и никакихъ запасовъ не имѣла.

И вотъ, какъ-то прошелъ у насъ слухъ, будто, получила эта самая Мещериха наслѣдство. Померъ, будто, какой-то ея дальній родственникъ въ Уфимской губерніи и оставилъ ей по завѣщанію 18 тысячъ рублей.

— Ну, думаю, доживаетъ старушка послѣдніе свои денечки, потому ужъ теперь ее прикончатъ обязательно.

Видать, она и сама это чувствовала, потому заказала кузнецу Аркашкѣ здоровенные засовы къ дверямъ и съ заказомъ этимъ очень торопилась.

Аркашка шпингалеты ей выковалъ по всей формѣ и въ субботу подъ вечеръ понесъ свой заказъ. Подходить онъ къ Мещериковскому дому и видитъ, что въ окнахъ горитъ огонь и дымъ изъ трубы валитъ, чего ранѣе никогда не бывало, потому старуха изъ жадности огня зря не зажигала и печку топила лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Бѣла все больше одну тюрю съ квасомъ.

Аркашка постучалъ въ окно и пошелъ къ крылечку.

Спустя слышитъ онъ, что старуха валенками зашлепала и сквозь двери спрашиваетъ:

— Это ты, Аркаша?

— Я, говоритъ онъ, будьте безъ сомнѣнія.

Стала она было двери отпирать, бичевку со скобы разматывать, да, вдругъ, какъ закричитъ дикимъ голосомъ:

— А-а-ахъ....

И что-то за дверями загрохотало.

Аркашка страхъ какъ испужался, шпингалеты свои покидалъ въ сѣняхъ и бросился бѣжать безъ оглядки.

— Еще, думаетъ, и меня самого тамъ пристукнуть за компанію.

До самага Пѣшаго базара бѣгъ онъ безъ передышки и только въ трактирѣ Пузина малость въ себя пришелъ, когда косушку хватилъ для храбрости.

— Не иначе, говоритъ, какъ Мещериху жулики прикончили. Очень отчаянно она кричала и шумъ большой за дверями у нихъ тамъ произошелъ.

Цѣловальникъ посовѣтывалъ объявить въ полицію и даже самъ откомандировалъ парнишку въ участокъ.

Пока толковали, да разсуждали, пока бѣгали въ полицію, да дежурнаго разыскивали, вовсе смерклося и начальство прибыло къ дому Мещериковой уже ночью.

Глядятъ, входная дверь приоткрыта и хозяйка лежитъ у самага порога. Кровищей все вокругъ зарызганно, а голова у ней проломана. Тутъ же и утюгъ валяется окровавленный, здоровенный утюгъ, фунтовъ на двадцать.

А Аркашкины шпингалеты оказывается — въ сѣняхъ, въ рогожку замотаны. Утюгъ же — самой Мещериковой.

Обошли весь домъ, — все въ полномъ порядкѣ и никакого разгрома нигдѣ не замѣтно.

Въ горницѣ лампочка горитъ и печка еще топится. На столѣ — хлѣбъ, и горшокъ щей съ бараниной — въ печкѣ.

Племянницу же покойной едва-едва разыскали на чердакѣ, куда забилась она съ перепуга.

Стали ее допрашивать. Она сперва ничего говорить не могла, а потомъ рассказала, что слышала, какъ Аркашка въ окно къ нимъ постучалъ и даже сама видѣла его, съ пакетомъ, въ рукахъ. — Старуха пошла дверь отмыкать, — да какъ закричить!...А она на кухнѣ осталась. Дѣвчонкѣ подумалось, что Аркашка старуху уби-

ваетъ и со страха полѣзла она на чердакъ, гдѣ и просидѣла ни жива ни мертва до прихода полиціи.

Аркашку забрали, хотя онъ и божился, что въ дѣлѣ этомъ не при чемъ и самъ напужался до смерти.

Началось разслѣдованіе.

Мнѣ сразу дѣло это показалось сомнительнымъ. Аркашку этого я зналъ хорошо и никакъ не могъ себѣ представить, чтобы онъ на такое дѣло отважился. Парень былъ очень даже трусоватый, хотя отъ кузнечнаго молота силищи въ немъ было предостаточно. Непонятно мнѣ было и то, почему бы Аркашкѣ убивать старуху утюгомъ, когда у него въ рукахъ желѣзные шпингалеты были.

Судебный слѣдователь, господинъ Проскуровъ, также сомнѣвался въ виновности Аркашки, но все же изъ-подъ ареста его освободить не могъ, потому всѣ улики на него указывали.

Самъ онъ молоть всякую ерунду для доказательства своей непричастности, а замѣсто того, только хуже все путаль.

Выяснилось, что слухи о наслѣдствѣ были правильными и что старуха, дѣйствительно получила изъ Государственнаго Банка 18 тысячъ рублей. Однако, при обыскѣ у нея въ домѣ всего капиталу было обнаружено одинъ рупь, 84 копейки.

Обшарили весь домъ съ подвала до чердака, — 18-ти тысячъ и званія ни малѣйшаго не обнаружили. Пропали денежки, какъ въ воду канули.

Старуху убиенную землѣ предали по христіанскому обряду; племянница къ сосѣдямъ перебралась, а домъ Мещериковой печатями казенными опечатали.

Прошло такъ недѣли три, должно быть. Какъ-то зашелъ ко мнѣ агентъ нашей сыскной полиціи, Поляковъ и говорить:

— Аркашка въ умѣ тронулся и пришлось его въ сумасшедшій домъ отправить.

— Что же, спрашиваю, нашли вы убійцу-то настоящаго?

— Да нѣтъ, говорить. — Похоже на то, что Аркашка это ее и кокнулъ утюгомъ, потому больше некому.

— Нѣтъ, говорю, я съ этимъ никакъ согласиться не могу. Тутъ дѣло не такъ-то просто, какъ вы думаете.

— Такъ вы бы намъ, Тихонъ Тимофѣичъ, подсобили бы, настоящаго-то убійцу найти.

-- Отчего же не подсобить? Пущай слѣдователь меня къ дѣлу этому подпуститъ, да вознагражденіе мнѣ какое ни на есть опредѣлитъ...

— Ладно, говоритъ мнѣ Поляковъ, я поговорю съ нашимъ начальникомъ.

И дѣйствительно, дня черезъ три вызываютъ меня въ сыскное отдѣленіе и говорятъ:

— Такъ, молъ, и такъ, орудуй. Печати мы тебѣ съ дома Мещериковой снимемъ, осмотри все на мѣстѣ происшествія и дай свое заключеніе. Укажешь на настоящаго убійцу, — сто рублей получишь изъ особыхъ суммъ въ качествѣ преміи.

Такимъ-то вотъ манеромъ я и получилъ доступъ къ этому самому дѣлу.

Отперли мнѣ дѣло Мещериковой. На порогѣ еще было видно огромное пятно отъ крови и бичевочка тутъ же на дверной ручкѣ намотана, — это которой старуха-то дверь привязывала, пока шпингалеты не были поставлены.

И, какъ глянулъ я на эту бичевочку, такъ сразу и догадался.

— Готово, говорю, дѣло въ шляпѣ.

— Нашелъ что? — Поляковъ спрашиваетъ.

— Нашель, говорю. Идемъ къ слѣдователю, я все объясненіе могу предоставить.

Поѣхали къ слѣдователю въ камеру.

Сейчасъ же насъ господинъ Проскуровъ приняли.

— Имѣете что сообщить по Мещериковскому дѣлу?

— Такъ точно.

— Нашли убійцу?

— Никакъ нѣтъ. Убійцы тутъ никотораго и не было, а одна только случайность.

И объяснилъ, въ чемъ дѣло.

Старуха, опасаясь нападенія, привязала дверную ручку бичевкой, пропустила тую бичевку черезъ крюкъ въ потолокъ надъ самой дверью и привязала къ другому ея концу этотъ самый утюгъ, чтобы, значить, если не убить вора, когда полѣзетъ къ ней въ домъ, то хоть напугать его и шумъ поднять.

Когда же пришелъ Аркашка, старуха про всю эту свою дверную махинацію позабыла, либо просто утюгъ на вѣсу не удержала, — онъ и ахнулъ ей на голову. Только и всего.

Слѣдователь вынулъ изъ шкапа утюгъ и увидальъ, что на немъ еще имѣется обрывокъ бичевки. Сличили ее съ той бичевкой, что на дверяхъ осталась, — одинаковая.

— А гдѣ же, спрашиваетъ слѣдователь, восемнадцать-то тысячъ, которыя покойная изъ банка получила за недѣлю до смерти?

— А это, говорю, ваше-скородіе, особая статья. Не иначе, какъ лежатъ эти денежки тамъ, куда она ихъ положила.

Ничего мнѣ на это слѣдователь не возразилъ, однако, обѣщанные сто рублей изъ сыскаго я все же получилъ.

Аркашку отпустили къ женѣ на поруки, а въ Меще-

риковскомъ домѣ вторичный обыскъ произвели, но и на этотъ разъ никакихъ денегъ не обнаружили.

Прошло еще сколько-то времени и, такъ какъ никакихъ наслѣдниковъ у покойной старухи не было, а племянница, по выясненіи личности, оказалась незаконно-рожденной, имущество Мещериковой было назначено къ продажѣ съ публичнаго торга.

Въ народѣ опредѣленно говорили, что у покойной старухи большія деньги были, и не только 18 тысячъ, и, что не иначе, какъ зарыто все это на дворѣ, либо за огородѣ. И деревянную укладочку съ деньгами, будто, у ней видѣли.

Торги начались со 172 рублей и сразу же цифра эта перевалила за 2400, каковая сумма уже превышала дѣйствительную стоимость имущества.

Особенно изъ себя выходили двое: мѣстный нашъ лавочникъ, Василій Гаврилычъ Шикаревъ и отставной чиновникъ Засункинъ.

Шикаревъ бумажникомъ по столу хлопнетъ и красненькую надбавить, а Засункинъ съ голосу даже спалъ, съ ноги на ногу переминается и сипло такъ повторяетъ:

— Еще рубликомъ перекроемъ.

И оба зло другъ на дружку смотрятъ.

А какъ лавочникъ нашъ не своимъ голосомъ выкрикнулъ: «три тысячи пятьсотъ цѣлковыхъ», — чиновникъ рублика своего больше не накиннулъ, а повернулся и пошелъ прочь.

Тутъ Василь Гаврилыча съ покупочкой стали поздравлять, а онъ до того разстроился, что мало чего и понималъ.

Я тоже на торгахъ тѣхъ былъ, однако же, не торговался.

Въ большіе старухины капиталы я не вѣрилъ, а пропаша несомнѣнно бывшихъ 18-ти тысячъ была, правду

сказать, очень даже мнѣ сомнительна. И куда могли пропасть эти деньги, я не понималъ, склоняясь болѣе къ тому мнѣнію, что попервоначалу, впопыхахъ кто-либо успѣлъ ихъ подтибрить незамѣтно для полиціи.

Дней черезъ пять послѣ торговъ мой работникъ мнѣ говоритъ:

— А Шикаревъ-то Мещериковскій домъ разбирать хочетъ до основанія. Камня, говоритъ, на камнѣ не оставлю, а старухинъ капиталъ раздобуду.

— Ладно, думаю, пушай себѣ разбираетъ.

Еще дня черезъ три или четыре и самъ Шикаревъ ко мнѣ является.

— Къ тебѣ, Тихонъ Тимофѣичъ, за содѣйствіемъ.

— Милости, говорю, просимъ. Въ чемъ дѣло?

— Да вотъ, не сообразишь-ли, гдѣ у старухи деньги могли находиться? Я и такъ прикидывалъ и этакъ, — не могу въ толкъ взять. Должна была быть у нея какая ни на есть похороночка, а гдѣ именно, — понять невозможно. — Старушенка она была древняя, — мышей не топтала и далеко куда денегъ своихъ запихать не могла, а поблизости мы все какъ есть обшарили. — Ни хрѣна нѣтъ и шабашъ.

— Напрасно, говорю, ты, Василь Гаврилычъ, въ дѣло это ввязался! Никакихъ капиталовъ ты не найдешь, только смѣяться надъ тобой стануть.

— Да куда же деньги-то, на самомъ дѣлѣ, могли дѣваться? — Не подъ землю же ушли?

— Подъ землю онѣ, понятное дѣло, не ушли, а только едва-ли онѣ тебя въ домѣ дожидаются.

— Думаешь, подтибрилъ кто уже?

— А что же, смотрѣть что-ли стануть? — Не каждый день старухи-то утюгами себя пристукиваютъ.

Шикаревъ покрутилъ головой.

— Все едино, затраченный капиталъ я долженъ

оправдать. Весь домъ по бревнышку разнесу, а такъ этого не оставлю.

— Ну, это — твое дѣло, только имѣй въ виду, что домъ, пока онъ домомъ стоитъ, — все сколько-нибудь да стоитъ, а бревна-то трухлявыя и на дрова не годятся.

— Это мы очень даже прекрасно соображаемъ, потому я къ тебѣ и пришелъ передъ всеобщимъ, значить, разрушеніемъ. Можетъ, сходилъ бы со мной посмотрѣть на мѣсто-то? Пообмозговаль бы какъ и что!

— Сходить я могу, только едва ли мы съ тобой что надумаемъ тамъ. Кабы сразу искать...

Однако, все же взялъ я кѣртузъ и мы пошли.

Въ домѣ буквально все было перевернуто вверх ногами, а на кухнѣ даже полъ былъ снятъ и вся земля въ подпольѣ разворочена.

— Что же, говорю, хочешь ты теперь сообразить, когда все уже перебуровилъ и полы даже разворотилъ? Соображать можно было пока все на мѣстахъ своихъ находилось въ неприкосновенности, а теперь поздно соображать.

— Теперь, братъ, это все едино! Что сдѣлано, то сдѣлано. А какъ ты есть башка, такъ и въ настоящемъ положеніи все сообразить долженъ. — Я, вотъ, пойду на огородъ посмотрѣть, у меня тамъ сыновья траншею роютъ, а теща землю отгребаешь...

— Почто же траншею-то вы копаете?

— А это мнѣ одинъ десятникъ посовѣтываль: у нихъ на работахъ въ путейскомъ вѣдомствѣ завсегда такъ поступаютъ. Сперва траншею, а отъ нея ужъ видать, что и какъ.

Онъ пошелъ изъ дому, а я по горницамъ сталъ ходить, да барахло старухино разсматривать. И все думаю: куда бы это могла она деньги свои запихать, что ни полиція, ни Шикаревъ никакъ найти ихъ не въ состояніи

— Можетъ, думаю, и лежать-то онѣ гдѣ-нибудь, почитай что, на виду совсѣмъ, а никому невдомекъ только.

Прошелся я по старухиной' комнатѣ и сталъ вспоминать, какъ у ней вещи стояли раньше, что и гдѣ. Помнилось, что, когда случалось заходить мнѣ въ ея комнату, то завсегда она къ столу садиться приглашала и стоялъ этотъ столъ у нея, вотъ, тутъ, у окошка. — На столѣ на картахъ она гадала, тутъ же и тюрю свою хлебала, а чаю изъ жадности никогда не пила, хотя самоваръ у ней и былъ. Подъ этимъ же столомъ и стоялъ всегда, старый самоваришко, ажно зеленый весь и бокъ одинъ у него продавленъ малость былъ.

Оглядѣлся я по комнатѣ и вижу: самоварчикъ старухинъ тутъ же на шкафу и стоитъ. Снялъ я его оттуда и рассматриваю: бокъ вдавленъ и крышка оттого не снимается. Потрясъ — угольки въ трубѣ побрякиваютъ. Пощелкалъ пальцемъ, — съ одного бока звукъ гулкій, а съ другого глухой, вродѣ какъ бы тряпки какія въ него запиханы.

— Ужъ не эта ли, думаю, будетъ похороночка-то ейная? Никому и въ голову не придетъ, что въ самоваръ можно деньги спрятать, замѣсто того, чтобы чай изъ него пить.

Слышу, Шикаревъ обратно ворочается.

Я поставилъ самоваръ обратно въ шкафъ и ни гу-гу.

— Къ обѣду, говоритъ, траншею мы закончимъ! Теща вовсе обезножила, квасомъ ее отпаиваютъ.

— Напрасно, говорю, ты Василь Гаврилычъ, землю тревожишь. Въ путейскомъ вѣдомствѣ — одно дѣло, а у тебя — другое. Что ты дамбу, что-ли, какую возводить собираешься?

— Мы вчерась кости какія-то откопали, должно собачьи.

— Ну, и что жъ съ того? Щи на костяхъ этихъ варить что-ли станете?

— Не щи, а можетъ и еще что откапаемъ.

Ну, думаю, съ дуракомъ спорить не приходится.

— Вотъ что я тебѣ скажу, Василь Гаврилычъ: когда ты съ домомъ и городомъ покончишь, приходи ко мнѣ, — тогда мы съ тобой потолкуемъ, какъ тебѣ деньги свои обратно выручать, а пока мнѣ тутъ дѣлать нечего. — Капитала старухинаго вы все едино никакими траншеями не добудете, а имущество продать безъ убытку я тебѣ помогу. Это возможно.

— Думаешь, и еще такой же дуракъ найдется, вродѣ меня?

— Дураковъ на свѣтѣ сколько угодно, на этотъ счетъ можешь быть безъ сомнѣнiя.

— Ужъ ты, Тихонъ Тимофѣичъ, не оставь меня совѣтомъ, я тебѣ за труды ничего не пожалѣю, отъ перепродажи-то имущества.

— Никакихъ, говорю, денегъ мнѣ съ тебя брать не приходится, по сосѣдству; а вотъ, если подаришь мнѣ что изъ вещей старухиныхъ на память, стало быть, то буду тебѣ очень даже признателенъ. Такъ, пустяковое что-нибудь, единственно для памяти.

— Да, сдѣлай милость, бери что хошь. Нешто мнѣ жалко дерма-то этого? Вотъ, хоть кровать эту тащи, али шкафчикъ.

— Нѣтъ, мебели мнѣ не требуется, а вотъ, може, самоварчикъ энтотъ зелененькiй, съ продавленнымъ бокомъ... Я бы его усовершенствовалъ и чай бы изъ него сталъ пить когда за упокой души Мещерихиной.

— Бери, бери, сдѣлай милость. Какая же цѣна продавленному самовару? Онъ и новый-то, поди, трещины николи не стоилъ.

— Вотъ, говорю, спасибо тебѣ, Василь Гаврилычъ.
— А о дѣлѣ моемъ, ѣзоди, потолкуемъ.
Взялъ я самоварчикъ со шкафа и пошелъ къ себѣ.

Въ это время на палубу вышла Настенька и въ сопровожденіи капитанскаго помощника прошла куда-то на корму. Помощникъ на насъ даже не взглянулъ и прошаркалъ мимо съ большимъ достоинствомъ.

Тихонъ Тимофѣичъ подмигнулъ мнѣ въ его сторону.

— Очень на меня вчерась вечеромъ осерчалъ онъ. Даже и не кланяется нынче.

— Почему осерчалъ?

— Да я вчерась дѣвочку эту самую не допустилъ въ каюту къ нему пройти, а совѣтывалъ ей быть поосторожнѣе и запираться на ночь на всякій случай.

— А вы полагаете?..

— Чего жъ тамъ полагать, дѣло извѣстное. — Онъ за навигацію-то сколько такихъ дѣвченоекъ перепортилъ, поди. Счету нѣтъ. У нихъ ужъ специальность такая.

— Такъ сорвалось, говорите, у него вчера-то?

— Сорвалось на этотъ разъ. — Какъ же, помилуйте: я и папашу ейнаго отлично знаю и все такое прочее. Нешто возможно такое дѣло допустить? Она что же понимать можетъ? Какъ есть еще дурочка деревенская, 18-ти годочковъ еще нѣту полныхъ.

Помолчали немного, потомъ я спросилъ:

— Ну, а что же нашли вы, Тихонъ Тимофѣичъ, въ томъ самоварѣ-то?

— Въ самоварѣ-то...

Онъ прищурился куда-то вдаль и отвѣтилъ не сразу и какъ бы нехотя:

— Да ничего особеннаго. Такъ, тряпье какое-то, да иконку Преподобной Великомученицы Варвары.

— А денегъ никакихъ тамъ не было, значить?

— Нѣтъ, какія же деньги въ самоварѣ быть могутъ? — Правда, потомъ у насъ Шикарева этого дразнили, что онъ все имущество старухино сокрушилъ, а весь капиталъ мнѣ въ самоварѣ пожертвоваль, — да вѣдь мало-ли что говорится - то на смѣхъ.

Имущество старухино мы потомъ перепродали одному самарскому мукомолу, изъ старовѣровъ, за 4 тысячи рублей, то-есть, безъ малѣйшаго убытку. Я съ Шикарева и комиссіи никакой не взялъ по сосѣдству. А капиталъ старухинъ такъ и остался неразысканнымъ. — Да-съ, такъ вотъ онѣ какія дѣла-то бываютъ....

Тихонъ Тимофѣичъ распушилъ себѣ бороду и посмотрѣлъ на меня искосо и вопросительно.

— Охъ, не вѣрится мнѣ что-то, что вы ничего въ томъ самоварѣ не нашли.

— А не вѣрится — и не надо, проговорилъ онъ. — Вотъ, пойдѣте ка лучше закусимъ чѣмъ придется. Мнѣ буфетчикъ сказываль, что бѣлорыбицу они получили первосортную. Выпьемъ подъ нее по рюмочкѣ, а опосля я вамъ и еще что-нибудь расскажу изъ дѣловъ моихъ, коли вы такой любитель послушать.

Бѣлорыбица дѣйствительно была хороша и выпили мы подъ нее съ Тихономъ Тимофѣичемъ, вѣрно, рюмокъ по шести, если не болѣе. А новый рассказъ пришлось отложить до вечера, такъ какъ пароходъ нашъ сталъ подходить къ Казани и среди пассажировъ поднялась суматоха.

Едва только мы причалили, какъ къ намъ на пароходъ пробрался какой-то старый татаринъ и, какъ къ

знакомому, подошелъ къ Тихону Тимофѣичу, который и увелъ его тотчасъ же къ себѣ въ каюту.

Я пошелъ потолкаться по пристанямъ и, какъ водится, накупилъ себѣ разной ненужной дряни на память: тросточку, пару дѣревянныхъ ложекъ, плетеную корзиночку какую-то и тому подобную ерунду.

Возвращаюсь со своими покупками на пароходъ и вижу, что Тихонъ Тимофѣичъ усаживаетъ Настеньку на извозчика со всѣми ея вещами и старый татаринъ тутъ же хлопочеть, помогаетъ.

Что это, думаю, за исторія такая? Вѣдь Настенька ѣхала въ Нижній, въ продавщицы наниматься.

Старый татаринъ вмѣстѣ съ Настенькой на извозчика сѣлъ и они поѣхали въ городъ. А Тихонъ Тимофѣичъ имъ ручкой помахалъ и закричалъ вдогонку:

— Такъ ужъ ты, Юсупка, постарайся, сдѣлай милость.

Татаринъ головой закивалъ, и Настенька тоже кивнула и улыбулась на прощанье.

Пыль столбомъ поднялась и извозчикъ со своими сѣдоками скрылся у меня изъ глазъ.

Тихона Тимофѣича поймалъ я уже на пароходѣ.

— Никакъ вы барышню-то въ Казани высадили?

— Высадилъ, говоритъ. Отъ капитанскаго кобеля прямо спасенья никакого не было. И такъ прикинулъ и этакъ, — не довезти, думаю, мнѣ дѣвочки до Нижняго въ неприкосновенности. А тутъ татаринъ этотъ, знакомый, подвернулся. — Ну, я ему и передалъ ее отъ грѣха.

— Что же, на мѣсто она въ Казани, что ли, поступить?

— Да пока такъ у Юсупки поживетъ, а тамъ будетъ

видно. — Татаринъ этотъ очень даже хорошій человекъ. Я его давно уже знаю и дѣла у меня съ нимъ бывали кой-какія. Онъ, хоть и жретъ конину, бритая башка, а человекъ правильный и съ понятіемъ. Барышню онъ соблюдеть въ лучшемъ видѣ до моего пріѣзда, а на обратномъ пути я о ней позабочусь.

И Тихонъ Тимофѣичъ отвелъ свои хитрые глазки въ сторону и заговорилъ о другомъ.

Когда отвалили мы отъ Казани и пассажиры на пароходѣ утряслись и успокоились, пошелъ я снова во второй классъ къ Тихону Тимофѣичу за новымъ разговоромъ.

Нашелъ я его стоящимъ у борта и пробующимъ виноградъ изъ обшитой холстомъ корзины. Корзинами этими съ астраханскимъ виноградомъ былъ у насъ заставленъ весь пароходъ.

Поплевывая косточки за бортъ, Тихонъ Тимофѣичъ спросилъ у меня:

— Французъ тутъ одинъ ѣдетъ у васъ, въ первомъ классѣ, совсѣмъ лядашій и мало что понимаетъ. Изъ какихъ онъ будетъ-то? Видать, у нихъ тамъ, во Франціи живетъ имъ не сладко, — на обухѣ рожь нарываютъ молотить! — Ужъ мы тутъ посмѣялись надъ нимъ, надъ горемычнымъ, — мало-мало животы не надорвали.

— А въ чемъ же дѣло-то у васъ было?

— Да какъ же, увидалъ онъ, что мы съ Карломъ Иванычемъ, колонистомъ нашимъ, виноградъ изъ корзинокъ пробуемъ, вотъ, этакимъ же манеромъ. Полотно, значитъ, малость подпоришь съ одного краю и отщипнешь ягоду-другую. Онъ и спрашиваетъ: «нешто у васъ можно пробовать чужой товаръ въ дорогѣ?» — Карлъ Иванычъ ему объяснилъ, что въ Россіи всякихъ

товаровъ такое великое множество, что пробовать можно все, что угодно, потому все едино всего съѣсть невозможно. — Сперва онъ не повѣрилъ, подумалъ, вѣрно, что мы надъ нимъ смѣемся, а потомъ страхъ какъ обрадовался и прямо по локоть рукѣ сталъ въ корзины засовывать и виноградъ съ костями трескать за обѣ щеки. — Изголодался, видимо, у себя-то на родинѣ. Теперь по всему пароходу все холить и пробовать. Умора!

Пошли мы съ Тихономъ Тимофѣичемъ въ рубку чай пить и расположились на диванчикѣ.

Въ сторонкѣ отъ насъ какой-то батюшка тоже чай пить собирался и узелочекъ со своею провизіей развѣзывалъ.

Тихонъ Тимофѣичъ заказалъ лакею полъ порціи чаю и самъ заговорилъ объ обѣщанномъ разсказѣ.

— Вы, вотъ, исторіями моими интересуетесь и я охотно вамъ ихъ разсказываю, потому человѣкъ вы, по всему видать, понимающій. Однако, настоящихъ дѣловъ своихъ я вамъ все же разсказывать не могу, потому что и вы ихъ настояще не поймете.

— Почему же не пойму? Развѣ онѣ такія мудренныя?

— Не въ томъ сила. Народъ у насъ особенный и для вольнаго человѣка можетъ показаться непонятнымъ. — Ко мнѣ, вѣдь, все больше купечество наше обращается за помощью, а купецъ у насъ особенный, дикій купецъ, и ни съ чѣмъ несообразный. Иное я бы и разсказалъ вамъ, да опасаясь, что вы мнѣ не повѣрите, подумаете, что это я нарочно что выдумалъ, да и морочу васъ зря.

— Нѣтъ, почему же я не повѣрю? — Я самъ изъ Саратова и, хотя съ купцами вашими и не приходилось мнѣ имѣть дѣла, но я представляю приблизительно на что они могутъ быть способны.

— Этого даже и представить себѣ невозможно. — Вотъ, разскажу я вамъ для примѣра такой случай...

Тихонъ Тимофѣичъ усмѣхнулся и покрутилъ головой, вспоминая нѣчто, повидимому, очень забавное.

ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗЪ МЕРТВЫХЪ

— Какъ-то, года три тому назадъ, на Святкахъ собирались мы спать ложиться, какъ, вдругъ, слышимъ, собаки у насъ залаяли.

Я, надо вамъ сказать, человекъ холостой и хозяйствомъ заправляютъ у меня три мои племянницы - сиротки.

Младшенькая Любочка и говоритъ:

— Безпремѣнно это къ вамъ, Тихонъ Тимофѣичъ, по дѣлу кто.

А я уже и туфли теплыя надѣлъ и лампу въ столовой тушить собираюсь, потому часовъ около 11-ти было.

— Быть, говорю, не можетъ, чтобы ко мнѣ. На дворѣ мятель, свѣта Божьяго не видать. Кому въ такую пору по дѣламъ приспичеть ѣхать?

А собаки такъ и заливаются, такъ и заливаются.

Старшая племянница моя, Улинька, пошла въ сѣни посмотреть и, слышимъ мы, что, дѣйствительно, къ намъ это кто-то стучится и чертыхается.

Отперли сѣни, — оказывается Кукановъ, Ликсѣй Лукичъ, купецъ съ нашего Пѣшаго базара — человекъ, прямо надо сказать, отчаянный.

Отряхнулся отъ снѣга, Ульянѣ моей комплиментъ какой-то сказалъ, такъ что она ажно завизжала, и вваливается въ комнаты. Маленечко выпивши, но однако, въ полной исправности и даже съ цвѣткомъ въ петличкѣ ровно съ бала какого.

— Ты, говоритъ, Тихонъ Тимофѣичъ, меня извини великодушно за безпокойство въ столь позднее время,

но такая исторія у насъ вышла, что и разсказать-то не знаю какъ. — Коли ты не выручишь, прямо, мнѣ хоть въ прорубь лѣзть придется.

— Зачѣмъ же, говорю, въ прорубь? Авось, мы что и надумаемъ сообща-то. Садись, чайку намъ сейчасъ подогрѣютъ, мы и потолкуемъ.

Подали намъ самоварчикъ, ромку бутылочку досталъ я изъ шкафчика и, когда дѣвченки мои спать ушли къ себѣ наверхъ, Кукановъ изложилъ мнѣ суть своего дѣла, отъ котораго топиться ему было впору.

Дѣйствительно, случай оказался рѣдкій, даже и для Саратова.

— Я говорить, къ тебѣ прямо съ Сусовской паровой мельницы. Наши тамъ сегодня съ самага утра гуляютъ. Артистки какія-то изъ цирка у нихъ тамъ и комикъ изъ городского театра: Митю Четыркина драматическому искусству обучаетъ. Окончательно всѣ пьяные, — лыка не вяжутъ. — Я съ братьями Дудаковыми попалъ къ нимъ туда часовъ въ шесть приблизительно и одновременно съ нами Володька Сусовъ, студентъ, на своей одиночкѣ подкатилъ.

Сперва все ничего было; стали мы компанію коньякомъ догонять, а потомъ Володька совершенно зазнался: одной артисткѣ подолъ оборвалъ, Митѣ Четыркину томатнымъ соусомъ рожу нарумянилъ и ко мнѣ сталъ приставать, будто я пить не умѣю.

— Кто жъ это коньякъ изъ рюмки тянетъ, ровно микстуру какую? Коньякъ вотъ какъ пить надо.

И прямо изъ горлышка полъ бутылки высосалъ, лимономъ закусилъ и говорить:

— Видалъ, какъ коньякъ пить слѣдуетъ, дурья голова? — Ну, такъ учись у умныхъ людей, авось, и самъ поумнѣешь со временемъ.

Ахъ, ты, думаю, паршивецъ этакій. Давно ли моло-

ко на губахъ у тебя обсохло, а туда же другихъ учить хочешь.

И порѣшилъ я его проучить, чтобы форсу онъ малость посбавилъ. А то просто смотрѣть и слушать противно.

Дудаковъ Федя сталъ рассказывать, что въ селѣ Синенькихъ прошлымъ лѣтомъ одинъ странникъ воскресилъ покойника, подвязавши ему чудотворную лестовку подъ чресла.

Володька моментально на смѣхъ его поднялъ.

— Тебѣ дуракъ какой-то ерунду рассказалъ, а ты отъ большого ума и повѣрилъ. — Развѣ можно мертвого человѣка воскресить? Когда наступила смерть, кровь въ жилахъ сворачивается въ сыворотку и никакой чудотворецъ тутъ ничего подѣлать не можетъ.

Федя ему резонно замѣтилъ, что на то и чудотворцы бываютъ, чтобы даже и невозможное дѣлать запросто, разъ плюнуть.

Володька окончательно залупился и на стѣнку полѣзъ.

— Подавай, кричить, мнѣ твоего чудотворца, я ему носъ утру при всѣхъ публично.

Тутъ ужъ я не выдержалъ и за Федю вступился.

— А если тебѣ, щелкоперъ, носъ утрутъ публично? Тогда что?

— Не ты ли, дура, утрешь?

— А хоть бы, говорю, и я.

— Стало быть, ты берешься покойника воскресить?

— Берусь.

— До какой степени воскресить можешь?

— Обыкновенно до какой: чтобы выпилъ онъ рюмку коньяку и лимономъ закусилъ.

— Идѣтъ, закричалъ Володька, я пари это принимаю. На что спорить будемъ?

— На что хочешь, мнѣ все едино.

Сговорились на 1000 рубляхъ и, окромя того, выигравшій можетъ проигравшему въ морду плюнуть всенародно.

— Такъ вотъ я къ тебѣ, Тихонъ Тимофѣичъ, прямо послѣ спора этого и прикатилъ. Выручай, какъ хочешь, а только мнѣ обязательно требуется покойника воскресить, потому, иначе, мнѣ и житья никотораго не будетъ.

Посмотрѣлъ я на Куканова этого и вижу, что человѣкъ вовсе разстроившись и даже хмель съ него соскочилъ.

— Тебѣ, говорю, Ликсѣй Лукичъ, не ко мнѣ слѣдуетъ съ этимъ дѣломъ обращаться, а къ попу. Я чудесами такого рода не занимаюсь.

Онъ и руками на меня замахалъ и ногами затопалъ.

— Нѣтъ, ужъ этого ты, говорить, не моги! Что хошь съ меня бери, но отъ дѣла не отлынивай. Отказомъ своимъ ты меня безъ ножа зарѣжешь.

Что вы тутъ станете дѣлать? Они тамъ съ пьяныхъ глазъ чортъ-е что выдумаютъ, а мнѣ расхлебывать.

— На какой день, спрашиваю, состязаніе-то у васъ назначено?

— Да на будущей недѣлѣ сговаривались. Тутъ, въ городской больницѣ при смерти лежитъ одинъ парнишка съ Сусовской мельницы, отъ грыжи помираетъ. Такъ вотъ, какъ онъ преставится, я его и долженъ воскресить, потому человѣкъ онъ пьющій и коньяку рюмочку ему хлопнуть ровно ничего не стоило при жизни.

— Какъ покойника-то будущаго звать?

— Купинъ, Алексашка.

Я подумалъ, подумалъ и согласился.

Сидѣвшій напротивъ насъ батюшка вдругъ поднял-

ся со стаканомъ чая въ рукахъ и пересѣлъ къ намъ поближе.

Тихонъ Тимофѣичъ обратился къ нему привѣтливо:
— И вы, батюшка, любитель такихъ исторій?

Тоть смущенно проговорилъ:

— Да отчего же въ пути и не послушать, когда кто рассказываетъ что занимательное. — Только неужели же настоящій случай, дѣйствительно, могъ имѣть мѣсто, принимая во вниманіе столь кощунственное дерзновеніе?

Тихонъ Тимофѣичъ засмѣялся.

— А вы развѣ въ чудеса не вѣрите, батюшка?

— Въ чудеса-то я вѣрю, но, въ данномъ случаѣ, насколько я понимаю, рѣчь идетъ вовсе не о чудѣ, а о кощунственномъ его подражаніи. Согласитесь, что мертвецы обычно коньякъ пить бываютъ не въ состояніи.

Тихонъ Тимофѣичъ совершенно серьезно возразилъ:

— У насъ въ Саратовѣ, батюшка, и не то еще бываетъ, когда господа купцы загуливаютъ.

— Это любопытно!

Тихонъ Тимофѣичъ отхлебнулъ чаю и продолжалъ:

— Понятное дѣло, давая свое согласіе Куканову, чудотворствовать я, батюшка, вовсе не собирался; но, съ другой стороны, и случай такой мнѣ упускать тоже не хотѣлось, потому за такое можно снять съ дурака сколько заблагоразсудится и все цѣна будетъ не дорогая. — Времени у меня для размышленія было болѣе, чѣмъ достаточно и сталъ я, не спѣша, прикидывать и такъ, и этакъ. — Въ больницѣ мнѣ сказали, что Алексашка Купинъ совсѣмъ плохъ и помереть можетъ со дня на день.

— Какая, спрашиваю, болѣзнь-то у него?

Мнѣ назвали какъ-то мудрено.

— Это что же? — на манеръ грыжи будетъ?

— Грыжа, не грыжа, а въ этомъ родѣ.

Прошелъ я навѣстить парнишку. — Лежить безъ движенія. Лицо желтое и носъ заострился.

— Что, спрашиваю, паря, плохо?

— А тебѣ что?

— А ты, объясняю ему, не фордыбачься передъ смертнымъ-то часомъ. Я, можетъ, тебѣ помощь какую оказать пришелъ.

— А, ну, васъ всѣхъ къ такой-сякой матери.

И такъ это онъ меня кудревато пустилъ по-русско-му просторѣчю, что я даже подивился, на него глядя.

Ну, думаю, не очень ты братъ, еще плохъ, разъ до такой степени ругаться можешь.

Порѣшилъ еще провѣдать его на другой день.

Стало ему на завтра какъ будто малость полегче. — Ругался онъ еще пуще прежняго, но все же о дѣлѣ поговорилъ я съ нимъ по-настоящему. — Смышленный парнишка оказался и понялъ меня съ полуслова, не переспрашивая.

Выдалъ ему красенькую въ задатокъ и пошелъ домой, прикидывая, какъ и что еще слѣдуетъ распорядиться.

Комбинацію я обмозговалъ для даннаго случая, вотъ, въ какомъ родѣ. — Если на завтра Алексашка будетъ въ состоянїи, то долженъ онъ прикинуться покойникомъ, такъ, чтобы около шести часовъ вечера кончина его была замѣчена. — Дежурнымъ врачомъ по больницѣ долженъ былъ быть на завтра докторъ Тѣльнинъ, человѣкъ пьющій и не слишкомъ настойчивый по своей специальности. Кукановскіе прїатели брались обработать его къ шести часамъ до надлежащей степени и спать уложить въ дежурной комнатѣ.

А порядокъ въ больницѣ у насъ такой: каждого но-

вопреставленнаго сейчасъ же сторожа волокутъ прямымъ трактомъ въ нижній этажъ, въ особый покойчикъ, куда и дежурнаго доктора вызываютъ для опредѣленія смерти въ полномъ смыслѣ. Докторъ запишетъ, значитъ, что полагается, въ книгу шнуговую, покойнику на ногу ярлыкъ съ номеромъ привяжутъ и тогда уже выносятъ его въ покойницкую.

Въ данномъ же случаѣ, доктора Тѣльнихина добудиться послѣ обработки будетъ невозможно и, стало быть, Алексашка останется въ томъ покойчикѣ до утра, пока докторъ не проспится. А мы часамъ къ десяти и подѣдемъ. Сторожа, по предварительному уговору, впустятъ всю нашу компанію въ больницу и мы приступимъ къ воскресенію Алексашки безъ малѣйшей помѣхи.

На слѣдующій день мнѣ сообщили, что покойникъ нашъ чувствуетъ себя много лучше и готовъ постараться.

Пріятели Куканова отправились въ больницу обрабатывать доктора Тѣльнихина на дежурствѣ и огромную корзину съ виномъ съ собой взяли, а я заѣхалъ къ Ликсѣю Лукичу окончательно обо всемъ условиться и деньги по уговору получить, что на дѣло мнѣ причитались.

Часамъ къ семи ожидаю я на дому извѣстія о концинѣ Алексашки. Проходитъ полчаса, проходитъ часъ, — никакого извѣстія нѣтъ.

Что, думаю, за исторія такая? Неужто подлець-Алексашка въ послѣднюю минуту заробѣлъ и помирать не согласится?

Въ девятомъ часу, наконецъ, прибѣгаетъ ко мнѣ сторожъ Михайло изъ больницы, совершенно запыхавшись, и докладываетъ:

— Такъ, молъ, и такъ, Тихонъ Тимофѣичъ, у насъ

неблагополучіе вышло непредвидѣнное: Алексашка, подлець, взаправду померши и находится въ настоящее время уже въ покойницкѣ съ ярлыкомъ на ногѣ и въ книгу шнутовую записанъ по всей формѣ.

— Какъ же, говорю, я, проглядѣли вы, сукины дѣти, такое недоразумѣніе?

— Да, видите ли, говорить, такой непредвидѣнный случай вышелъ. Пришелъ въ обѣдъ въ Алексашкѣ пріятель его, слесарь, провѣдать и принесъ съ собой бутылку очищенной. Покамѣстъ мы обѣдъ по палатамъ разносили, они и распили ту бутылку, закусивши мочеными яблоками. — Алексашка сказалъ, будто ему даже необходимо предварительную репертичку продѣлать, чтобы, значитъ, не осрамиться и оправдать довѣріе. Однако, вышло такъ, что послѣ второго стакана водки почувствовалъ онъ въ грыжѣ своей полное разстройство, покрутился, покрутился малость на койкѣ и отдалъ Богу душу. — А тутъ еще, какъ на грѣхъ, старшій врачъ больницы, докторъ Фришъ заѣхалъ случайно, зачѣмъ-то въ амбулаторію. Дежурный докторъ Тѣльнихинъ, хотя и порядочно выпивши, однако, при начальствѣ подтянулся и пошелъ Алексашку свидѣтельствовать. Глазъ Алексашкѣ заворотилъ, сердце прощупалъ, въ животъ кулакомъ пихнулъ. — «Готовъ», говорить, и въ книгу шнутовую все записалъ, ярлыкъ на ногу фелшаръ Алексашкѣ навязалъ и стащили мы его въ мертвецкую.

Выслушалъ я все это и руками развелъ.

Что же, соображаю, дѣлать-то намъ теперь? Не воскрешать же, въ самомъ дѣлѣ, настоящаго покойника?

Велѣлъ я Михайлѣ на кухнѣ обождать малость, а самъ пошелъ съ помощникомъ своимъ, Василиемъ Калмыковымъ посовѣтываться.

Калмыковъ этотъ живетъ рядомъ, у одной нашей мѣщанки и очень былъ мнѣ въ дѣлахъ моихъ полезенъ.

Силищи онъ прямо необычайной; одинъ на шестерыхъ въ драку лѣзетъ, какъ угодно, и на какое угодно дѣло идетъ всегда охотно и съ понятіемъ.

Ежели, думаю, насъ теперича Сусовскіе молодцы бить стануть, такъ, по крайности, хотъ постоимъ мы за себя и живыми въ руки имъ не дадимся.

Прихожу я къ Василию, а онъ самъ ко мнѣ идти собирался и шапку уже надѣлъ.

Я говорю ему:

— Вотъ, молъ, Вася, какая исторія вышла. Требуется намъ ко всему быть готовыми и за себя постоять.

Онъ подумалъ, подумалъ и спрашиваетъ:

— А воскрешать Алексашку мы, стало быть, не будемъ теперича?

— Да какъ же, говорю, его, подлеца, воскресишь, когда онъ взаправду померъ?

— Это я все очень даже хорошо понимаю. А только почему бы намъ и не попробовать чего-либо по этой части? Въ крайнемъ случаѣ, отъ Сусовскихъ молодцовъ мы завсегда отобьемся.

Раскинулъ я умомъ хорошенько и смеаю: покойницкая въ больницѣ на самомъ заднемъ дворѣ находится, за дровяными сараями. Мѣсто тамъ окончательно глухое, особливо въ ночное время. Туда и днемъ-то иному, робкому человѣку идти жутковато.

— Знаешь, говорю я Василию своему, не попытаться ли намъ напугать какъ-нибудь Володьку Сусова съ его пріятелями, да подъ эту кадрили и вывернуться какимъ-либо манеромъ изъ положенія-то.

— И очень просто, что вывернемся. Я могу заранѣе въ покойницкую залѣзть; подъ столъ заберусь и стану страхъ на нихъ нагонять. А вы, въ свою очередь, способствуйте мнѣ съ Кукановскими пріятелями. Володька этотъ, хотъ и бахвалится на словахъ, а, поди, какъ при-

дется ему ночью въ мертвецкую идти, такъ и на попятный запросится. Тутъ мы его въ оборотъ и возьмемъ.

Такъ и порѣшили.

Василій сейчасъ же одѣлся и совместно со строжемъ Михайлой отправился на мѣсто, чтобы все заранее приготовить, а черезъ полчаса и я тронулся въ путь-дорогу, на сборный пунктъ, въ трактиръ у Пузина.

Прихожу, — компанія вся въ сборѣ. Селянкой наскоряхъ закусываютъ, и Володька Сусовъ въ сюртукъ и со шпагой на боку больше всѣхъ куражится.

— Только, говорить, вы, господа чудотворцы, у меня смотрите: никакихъ подвоховъ я, ни въ коемъ случаѣ, не допущу. Трупъ Алексашки сперва будетъ освидѣтельствованъ мною самолично и, когда я констатирую смерть въ полномъ объемѣ, тогда только вы можете приступать къ воскрешенію.

Ликсѣй Лукичъ Кукановъ ему резонно замѣтилъ: «какъ же ты констатировать можешь, ежели и въ университетѣ-то ты не на медицинскомъ, а на юридическомъ отдѣленіи находишься?» — «Это, говорить, ровно ничего не означаетъ. У насъ тоже судебная медицина проходитъ и на вскрытіяхъ покойниковъ мы обязаны присутствовать».

Ну, думаю, обязаны, такъ обязаны. Посмотримъ, какъ это ты сейчасъ станешь присутствовать со шпагой своей.

Подкрѣпились на дорогу, коньяку съ собой захватили съ лимонами для покойника и стали по санямъ разсаживаться.

На дворѣ потеплѣло. Небо мглой туманной заволкло, ни звѣздъ, ни луны не видать не было. И тишина такая, — ровно на кладбищѣ. Только снѣгъ подъ но-

гами поскрипываетъ, да лошади бубенцами побрякиваютъ.

— И пьяныхъ чегой-то нынче не слышать, говорю.

А мнѣ никто даже и не отвѣтилъ.

Отъ первыхъ саней Володька только крикнулъ:

— Готовы, что ли?

— Трогай, съ Богомъ.

Двинулись шагомъ въ трехъ ковровыхъ саняхъ, всего человѣкъ пятнадцать насъ было.

Больница у насъ, какъ изволите знать, совсѣмъ на окраинѣ города и ѣзды туда никакъ не менѣе полу часа. Пока ѣхали по освѣщеннымъ улицамъ, — еще ничего было, а какъ только своротили въ переулки, такъ во все дороги не стало видать, потому отъ тумана даже снѣгъ не свѣтился и нѣсколько разъ на заборы наѣзжали.

Изъ сусовскихъ саней кто-то шапку потерялъ, но не очень ругался и видать было, что всѣмъ не особенно хотѣлось поскорѣе доѣхать. Володька еще храбрился, но командовалъ уже не столь нахально и подъ конецъ совсѣмъ притихъ.

Обогнули корпусъ больницы и стали къ задамъ ея пробираться по какому то проулочку.

Наконецъ остановились.

— Приѣхали, что ли?

— Вылазьте! Дальше пѣшкомъ идти надо.

Слышу, у сусовскихъ саней какое-то недоразумѣніе. Подхожу ближе, — оказывается, что потерявшій шапку вылѣзать не согласенъ.

Володька спрашиваетъ:

— Ты чего это дурака валяешь? Самъ ѣхать напросился, а теперь на попятный?

— Да, куда-жъ я пойду, Володечка, безъ шапки-то?

И еще двое другихъ съ нимъ въ саняхъ желаютъ

остаться, чтобы одного товарища, видите ли, не покидать.

— Сволочи вы и больше ничего, сказалъ Володька и плюнулъ.

Пошли гусемъ, за заборъ держимся. Снѣга по колѣна. Кто-то калошу потерялъ и еще двое изъ компани отстали по этому случаю.

Сталь порошить снѣжокъ. Остановились подкрѣпиться коньякомъ. Штопоръ въ саняхъ остался у кого то и еще двое назадъ побѣжали, хоть никто и не просилъ ихъ объ этомъ. — Пробку Володька шпагой пролихнулъ во-внутрь и пить стали изъ горлышка, поочереди.

Опять пошли вдоль забора, пока впереди сторожъ Михайло голосъ не подалъ:

— Остерегитесь, господа, тутъ склизко у насъ отъ помоевъ.

Оглянулся назадъ: не болѣе шестерыхъ насъ осталось, да и тѣ молчать, какъ убитые, и, видимо, не прочь бы оглобли заворотить.

Расчетъ-то мой правильный оказывается, соображаю про себя.

Пропустилъ всѣхъ впередъ, а самъ Михайлу тихонько спрашиваю:

— Ну, какъ у васъ тутъ?

— Испугъ, говорить, готовъ-сь. Василь Василичъ подъ столомъ сидятъ.

Прошли мы сперва въ сторожку.

— Только и всего народу-то осталось, спрашиваю у Володьки. Куда же остальные-то подѣвались? Неужто всѣ шапки порастеряли?

Онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ и форсъ съ него соскочилъ окончательно, хотя еще и крѣпится.

— Ну-сь, говорю, Владиміръ Николаевичъ, вотъ,

вы тутъ малость пообогрѣтесъ и надо намъ приступить къ дѣлу. Согласно уговору нашему, должны вы перво-наперво Алексашку констатировать. Михайло васъ до дверей мертвецкой проводить, а тамъ ужъ вы сами, будьте столь добры, управляться, какъ тамъ у васъ поученому полагается. Фонарикъ мы вамъ дадимъ, а сами васъ тутъ обождемъ.

Володька поежился, однако говорить:

— Я отъ своихъ обязанностей не отлыниваю, только почему же я долженъ туда одинъ идти? Мы всѣ можемъ сразу отправиться.

— Нѣтъ-съ, говорю, Владиміръ Николаевичъ, вы ужъ это, ахъ, оставьте! Уговоръ дороже денегъ: сказано, сперва констатировать, — такъ вы и потрудитесь! Когда вы самолично удостовѣритесь въ наступленіи смерти, тогда ужъ и мы къ своимъ обязанностямъ приступимъ. Но не ранѣе того!

Володька, припертый къ стѣнѣ, осмотрѣлся кругомъ и послѣдній разъ пытается изъ положенія вывернуться.

— Мнѣ одному тамъ никакъ управиться невозможно. Надо, чтобы хоть ктонибудь мнѣ фонаремъ освѣтилъ, по крайней мѣрѣ, и вообще...

— Это — сдѣлайте ваше одолженіе. Вотъ тутъ еще въ наличности имѣется одинъ вашъ пріятель, Паша Макеловъ, — вы его съ собой и прихватите для пособія. Вдвоемъ вамъ и не такъ боязно будетъ.

— Такъ я нешто боюсь? Странное дѣло...

— Не бойтесь, такъ и ступайте себѣ съ Богомъ! Чего же зря торговаться-то?

Паша этотъ Макеловъ, должно, лѣтъ пять все на вольноопредѣляющагося готовился и дуракъ былъ даже и среди нашихъ купеческихъ сынковъ выдающійся.

Надо такъ полагать, что и шапку-то онъ по дорогѣ не потерялъ единственно по глупости.

— Куда, спрашиваетъ онъ, идти-то надо?

— А вотъ-съ, съ Владиміромъ Николаевичемъ, въ мертвецкую, покойника констатировать.

— Это ночью-то?

— Такъ не до утра же намъ тутъ дожидаться?

Володька изъ послѣднихъ силъ набрался храбрости, подошелъ къ Пашѣ и прямо спрашиваетъ:

— Идешь ты со мной или нѣтъ?

— Да я развѣ отказываюсь...

— А не отказываешься, такъ бери фонарь и идемъ.

Михайло зажегъ огарокъ въ фонарь и они всѣ трое пошли изъ сторожки.

Я подмигнулъ Куканову, но и тому, видать, тоже не по себѣ было.

— Думаешь, Тихонъ Тимофѣевичъ, они напугаются?

— А вотъ, говорю, это мы сейчасъ услышимъ.

— А я бы нипочемъ одинъ къ покойнику не пошелъ.

Михайло вернулся и доложилъ, что проводилъ Володьку съ Пашей до самой мертвецкой, замокъ имъ отомкнулъ и вошли они при немъ въ сѣни.

Минутъ пять просидѣли мы молча, какъ вдругъ, со двора кто-то отчаянно закричалъ: «помогите, карауль...» — И стекла бить зачали.

Кинулись мы къ двери, а Паша Макеловъ намъ навстрѣчу: лица на немъ нѣту, фонаремъ потухшимъ размахиваетъ и, какъ въ сторожку вскочилъ, такъ на полъ и рухнулъ.

Подхватили его подъ руки и на койку къ Михайлѣ положили.

— Въ чемъ дѣло? — спрашиваемъ. Гдѣ Володька?

Молчить, только икаетъ.

Бросились мы наружу, а тамъ, вотъ, какая исторія вышла.

Калмыковъ мнѣ потомъ все въ подробностяхъ разсказалъ.

Какъ только слышалъ онъ, что къ нему идутъ, такъ моментально подъ столъ полѣзъ и какими то тазами и шайками загородился.

Слышать было, Володька съ Пашей сперва долго въ передней топтались чего-то, должно все осматривались. Потомъ вошли въ первую пустую комнату и Паша сказалъ въ полъ голоса:

— Я дальше не пойду. Ну, ихъ совсѣмъ!

Володька тоже въ полъ голоса огрызнулся:

— Трусъ паршивый!

Еще чего-то немного потоптались. Паша еще тише проговорилъ:

— Да и ты самъ тоже...

Забрякали фонаремъ. Володька порогъ, было, перешагнулъ, но сейчасъ же назадъ отпрянулъ.

— Да свѣти же фонаремъ, чортъ.

Потомъ оба вразъ въ дверь просунулись и, выпучивъ глаза, на мертвеца уставились.

Володька сдѣлалъ еще одинъ шагъ и, какъ неживой, шепчетъ:

— Ты видѣлъ?

— Что, спрашиваетъ Паша, а у самого зубъ на зубъ не приходится.

— Вонъ... шевелится...

Въ этотъ моментъ Калмыковъ изъ подъ стола потянулъ простыню съ покойника посильнѣе. Мертвая голова открылась; зубы ощерены и одинъ глазъ въ потолокъ уставился.

Паша заоралъ дикимъ голосомъ и такъ фонаремъ махнулъ, что огарокъ въ немъ потухъ.

Калмыковъ загудѣлъ изъ подъ стола:

— У-у-у...

И загрохоталъ желѣзными тазами.

Володька закричалъ еще громче Паши и со всего размаха хватилъ шпагой по ведерной бутылкѣ съ какимъ-то купоросомъ.

Паша кинулся къ выходу, а Володька полѣзъ въ окно, высаживая стекла. Тутъ Калмыковъ ухватилъ его за спицу за полу и тотъ грохнулся безъ памяти на полъ.

Въ это время мы и подоспѣли на выручку. Володьку на волю выволокли, снѣгомъ давай его оттирать, коньякомъ отпаивать. — Мычить, руками разводить.

— Тащите его, говорю, къ санямъ, да домой отправляйте.

А самъ пошелъ обратно, въ мертвецкую, за Василюемъ. — Вхожу съ фонаремъ, — Калмыкова нѣту.

Глянулъ я на покойника, — такъ къ полу и присосъ. Лежить Алексашка, стервецъ, на боку, на локоть оперся и живыми глазами на меня глядитъ.

— Ты что же это, сукинъ сынъ? — спрашиваю.

А онъ усы рукой расправилъ, да и говоритъ:

— Подносить-то когда же будете? Озябъ я безъ портокъ-то на столѣ лежамши.

— Стало быть, говорю, ты не померши? А какъ же тебя, прохвоста, докторъ свидѣтельствовакъ и въ книгу шнуровую записалъ?

— Вона, невидаль. Дохтуръ-то пьянѣ меня самого былъ. Попервоначалу я, дѣйствительно, отъ водки ослабъ малость, а потомъ, — ничего. Разъ, думаю, мы съ вами уговорились, долженъ я уговоръ по чести выполнить и довѣріе оправдать въ полной мѣрѣ. — Вотъ те-перча, коли коньячку поднесете, да за портками моими

пошлете, такъ премного буду вамъ благодаренъ. А ужъ на чаекъ, поди, вы и сами мнѣ чего пожалуете, не обидите бѣднаго человѣка.

И сказавши такъ, со стола слѣзъ и давай въ саванъ свой заворачиваться. А на ногѣ ярлыкъ на веревочкѣ мотается за № 214.

Что же, думаю, станешь дѣлать съ такимъ стрекулистомъ?

Влили въ него остатній коньякъ, за одежей его Михайлу въ больницу послали и обратно къ выходу пошли.

Калмыковъ мнѣ и говорить:

— Вѣдь до чего Алексашка этотъ комедь разыгралъ здорово? Ну, докторъ Тѣльнихинъ самъ пьяный былъ, а сторожа-то и фельшаръ тоже его за покойника приняли. Теперь не иначе, какъ скандалъ у нихъ въ больницѣ по этому поводу выйдетъ и, поди, самому Фришу напрѣтъ.

— Это ужъ дѣло не наше! Мы свое справили, покойника воскресили, а до остального намъ наплевать.

А Кукановъ-то прямо ногъ подъ собой не чувствуетъ отъ радости. Сторожама по четвертному билету выложилъ, фелшару часы карманные съ боемъ подарилъ и въ Покровскую слободу гулять поѣхали до утра.

— Непремѣнно, говорить, насъ теперь въ газетахъ пропечатають.

Въ газетахъ насъ, дѣйствительно, пропечатали, но Сусовъ Володька и тутъ себя не забылъ и всю исторію на свой манеръ вывернулъ.

Написали такъ, что, вотъ, дескать, какой случай въ больницѣ у насъ вышелъ. Сынъ извѣстнаго саратовскаго негоціанта и благотворителя Н. В. Сусова, студентъ Императорскаго Казанскаго Университета, В. Н. Сусовъ пріѣхалъ вчера вечеромъ со своими друзьями въ нашу

больницу провѣдать, находившагося тамъ не излѣченіи своего служащаго, слесаря Александра Купина, 28-ми лѣтъ. Купинъ въ это время находился въ безнадежномъ состояніи и врачи отчаялись въ благополучномъ исходѣ его болѣзни. Пріѣздъ молодого хозяина и сказанныя имъ слова ободренія настолько подѣйствовали на болящаго, что онъ сразу почувствовалъ себя много лучше и нынѣ находится на пути къ полному выздоровленію.

И въ концѣ было еще приписано: вотъ что значить теплое слово участія и сердечное отношеніе къ своему меньшому брату.

Насчетъ воскрешенія изъ мертвыхъ, понятно, написать было никакъ невозможно, принимая во вниманіе возможность народнаго волненія. Въ холерный годъ за такое дѣло всю больницу спалили бы и самаго доктора Фриша живьемъ въ гробъ заколотили-бы.

Мы съ Кукановымъ, понятно, не настаивали, потому какъ споръ нашъ полностью выиграла и причитающееся получили.

— И много вы получили тогда съ Сусова-то, — интересовался батюшка.

— Болѣе трехъ тысячъ это удовольствіе ему обошлось. Конечно, тятенькина контора за все расплачивалась.

— Какія деньги, — покачалъ головою батюшка и сокрушенно вздохнулъ.

— А Алексашка этотъ выжилъ, спрашиваю.

Тихонъ Тимофѣичъ допилъ свой чай, перевернулъ стаканъ вверхъ дномъ и отвѣтилъ, оглаживая бороду:

— Что ему ,стервецу, дѣлается? Каждое Рождество теперь приходитъ поздравлять меня съ праздникомъ и все просится ко мнѣ на службу. — «Я, говоритъ, Тихонъ

Тимофѣичъ, для вашей милости на что угодно готовъ, только прикажите!» — Ну, иной разъ дашь ему какое порученіе, а что посурьезнѣ такъ повѣрить страшно, потому шибко зашибаетъ онъ и во хмѣлю очень ужъ безобразень.

— Да, согласился и батюшка, въ отношеніи чрезмѣрнаго потребленія спиртныхъ напитковъ народъ у насъ очень даже привержень. Мужикъ нашъ скорѣе мимо церкви пройдетъ, а ужъ кабака не минуетъ.

Лакей вызвалъ зачѣмъ-то Тихона Тимофѣича въ третій классъ и прервалъ нашу бесѣду.

Послѣ Казани у насъ въ первомъ классѣ составила таки пулька въ преферансъ и дворянская фуражка такъ горячилась и стучала кулакомъ по столу, такъ раскатисто хохотала и такія отмачивала прибаутки, что въ рубкѣ положительно невозможно было ни читать, ни писать, ни даже просто разговаривать.

Я снова отправился во второй классъ къ Тихону Тимофѣичу за новымъ разговоромъ.

МАРЬЯЖНОЕ ДѢЛО.

Засталъ я его за мирной бесѣдой со вчерашнимъ батюшкой. Повидимому рѣчь шла у нихъ о какой-то свадьбѣ или сватовствѣ, потому что Тихонъ Тимофѣичъ говорилъ:

— Марьяжными дѣлами я нонче не занимаюсь. Хлопотливо, а расчету никотораго нѣтъ. До свадьбы денегъ тебѣ никто не платитъ, потому, говорятъ, что пока, дескать, платитъ еще не за что; а послѣ свадьбы тоже платитъ не согласны, потому, говорятъ, да платитъ-то

собственно за что же? — Сговоришься, положимъ, за три сотельныхъ, а на повѣрочку вынесутъ тебѣ пару четвертныхъ, да еще словъ разныхъ наговорятъ сверхъ всякаго уговору. Какія же это дѣла? — Наберешься сраму и за папу, и за маму, а всего и барышъ, — что подъ нось шишъ!

— Бываетъ конечно и такъ, возразилъ батюшка; однако, дѣло, о которомъ я вамъ обмолвился, нѣсколько особаго порядка и вашъ интересъ въ данномъ случаѣ могъ бы быть обезпеченъ заранѣе.

— Ну, если это такъ, тогда и разговоръ иной. — Да о комъ рѣчь-то идетъ? Родители-то невѣсты кто такіе будутъ? Изъ духовныхъ или по купечеству ?

Батюшка немного замялся, потеревилъ бороду, но все же рѣшился высказаться.

— Чиновникъ это одинъ, консисторскій... Можетъ слышали, — Мефодій Ильичъ Премудренскій.

— Это, отъ котораго теща прошлымъ лѣтомъ на ветлу залѣзла?

— Нѣтъ, теща — это отъ брата его залѣзла, отъ Кирилла, который по акцизному вѣдомству пошелъ, а Мефодій — нашъ, консисторскій. Да онъ тутъ, съ нами ѣдетъ, въ каютѣ подъ номеромъ шестымъ, такъ что можно было бы и его самого привлечь къ разговору нашему.

— Коли онъ тутъ, такъ чего же лучше? За закусочкой и потолковали бы.

Батюшка вышелъ, а я спросилъ Тихона Тимофѣича:

— Дѣло-то у васъ не секретное будетъ? Я не помѣшаю?

— Помилуйте, какіе же тутъ секреты. Честную дѣвицу замужъ выдавать никому не зазорно. — Съ нами и закусите чего подъ водочку. — Эй, паря...

Пока заказывалась закуска, подошли и батюшка со своимъ знакомымъ, человѣкомъ безнадежно - унылаго вида, съ непомѣрно длинной худой шеей и такими же руками.

Очевидно, въ силу общепризнаннаго этикета до закуски никто о дѣлѣ не заговаривалъ.

Тихонь Тимофѣичъ разспрашивалъ господина Премудренскаго о новомъ архіереѣ, якобы очень строгомъ и особенно нетерпящемъ пьянства. — Мефодій Ильичъ на всѣ разспросы отвѣчалъ нехотя, скрипучимъ голосомъ и нельзя было понять, осуждаетъ ли онъ новаго Владыку за его строгости или одобряетъ.

Видя, что отъ Премудренскаго никакого толку добиться невозможно, Тихонь Тимофѣичъ послѣ первой же рюмки водки подъ бѣлорыбицу перешелъ къ дѣлу.

— Такъ, стало быть, дочку намѣреваетесь замужъ пристроить, Мефодій Ильичъ?

Премудренскій отдернулъ руку, протянутую было за рюмкой и сказалъ испуганно:

— Нѣтъ, какъ можно? Дочери у меня еще того... подросточки. Старшенькой, — 14 къ первому Спасу минуло, она — еще въ училищѣ и вообще... Вотъ племянница у меня, дѣйствительно, въ такомъ родѣ будетъ, то есть, относительно замужества.

— Такъ значитъ племянницу собираетесь?...

Тихонь Тимофѣичъ выпилъ рюмку, положилъ въ ротъ луковку и докончилъ фразу:

— Такъ сказать, замужъ опредѣлить?

Премудренскій тоже выпилъ свою рюмку, стряхнулъ оставшіяся въ ней капли подъ столъ и отставилъ ее подальше отъ своего прибора, какъ бы для того, чтобы никто не могъ подумать, что и онъ тоже пьетъ водку.

Батюшка снова всѣмъ налилъ, сказавъ при этомъ:

— Достоянная дѣвица, насколько приходилось слышать.

— Племянницъ у меня, собственно говоря, цѣльныхъ двѣ отъ покойной сестрицы осталось; но старшенькая, Агриппина, того... не въ полномъ разумѣ по причинѣ имѣвшаго мѣсто пожараща въ отчемъ домѣ.

— Такъ-съ, — ободрилъ кліента Тихонъ Тимофѣичъ. — Стало быть, невѣститися младшая племянница у васъ?

— Вотъ именно младшая. По двадцать девятому году она будетъ. Все думали...

— Долгонько вы какъ будто думали-то, Мефодій Ильичъ.

— Да все думали, куда-жъ ее замужъ-то отдавать, такую... Кривобоконья она у насъ, извините, и ножку малость приволакиваетъ по этой причинѣ.

— Яблочко, какъ говорится, съ пролежинкой. — Это тоже отъ пожараща, — бочекъ-то попримялся?

— Ужъ не сумѣю вамъ въ точности доложить, потому во время того пожараща она еще, извините, во чревѣ матери находилась. Отцовская родня утверждаетъ, что будто моя покойная сестрица тогда за бокъ рукой схватилась, а съ нашей стороны болѣе склоняются къ тому мнѣнію, что отецъ у нихъ не вполнѣ аккурратно, такъ сказать...

— Это бываетъ, — подтвердилъ батюшка.

Тихонъ Тимофѣичъ еще закусилъ луковкой и спросилъ, какъ бы между прочимъ:

— А что ко всему этому на придачу думаете опредѣлить?

Мефодій Ильичъ отдернулъ вилку, занесенную уже надъ кускомъ бѣлорыбицы, и, волнуясь, заговорилъ:

— Да вѣдь я что же... Дядя я ей довожусь, сами

понимаете... У меня своих дочерей, — пять въ наличности, а достатки-то наши какіе? — Только-только что живы и то слава Тѣ, Господи. — Опять же у меня на шеѣ еще сестра ея остается, дурочка.

— За призрѣніе убогаго, — сказалъ батюшка, — многое можетъ въ зачетъ пойти человѣку.

Тихонъ Тимофѣичъ покачалъ головою.

— Въ зачетъ-то пойдетъ, да не въ приданое. — Вы на жениховъ-отъ аршинъ прикиньте: перестарочка-то съ пролежинкой. Не каждый мужъ станетъ на домашнюю-то богадѣльно въ сухую радоваться.

— Зачѣмъ же въ сухую? — Мефодій Ильичъ даже вспотѣлъ лицомъ и, положивъ вилку, полѣзъ за носовымъ платкомъ. — Боже сохрани насъ и помилуй отъ такого. Племянницы у меня не вовсе ужъ безприданницы какія. Ихняя маменька, а моя сестрица, всё же оставила имъ кое-что въ предвидѣніи, именно, подобнаго обстоятельства.

— Достойнѣйшая женщина была, насколько мнѣ извѣстно, — вставилъ батюшка и посмотрѣвъ на свѣтъ пустой графинчикъ, поставилъ его на прежнее мѣсто.

Тихонъ Тимофѣичъ мигнулъ лакею и сказалъ оживленно:

— Объ этомъ-то я и хотѣлъ спросить. Въ какомъ размѣрѣ маменька-то ихняя позаботилась?

Мефодій Ильичъ торопливо вытеръ потъ со лба и, втягивая въ себя шею и запинаясь, заскрипѣлъ полупшопотомъ:

— Да вѣдь это какъ сказать... Имущество послѣ покойной сестрицы осталось, никуда его не дѣнешь... На виду, можно сказать, у всѣхъ... Однако, вѣдь и то надо принять во вниманіе, что сиротокъ-то мы девятый годъ пригрѣваемъ: поимъ, кормимъ, холимъ, ле-

лѣемъ... Иной разъ, сами не доѣдимъ, а ужъ имъ лучшій кусокъ... Повѣрите-ли...

— Призрѣніе убогихъ... — Началь было батюшка, но Тихонъ Тимофѣичъ его перебилъ, стукнувъ ребромъ ладони по столу.

— Сказанное — свято! а приданого, короче говоря, сколько?

Премудренскій совершенно вобралъ въ себя шею и засипѣлъ откуда-то, изъ-за борта своего сюртука:

— Да вѣдь я, вотъ, и говорю: какъ считать-то... Поено, кормлено, холено, лелѣяно... Теперь взять хотя бы и ножку ея: приволокъ небольшой вѣдь, самый крошечный, — такъ, колыханіе нѣкоторое, на манеръ какъ бы въ развалочку... Съ мужемъ-то ей не взапуски, поди, бѣгать придется.

— Въ отношеніи тѣлеснаго, все - едино, придется вамъ на чистоту выкладывать. Жениха, какъ угодно, крути-мути, а ужъ мнѣ по чистой совѣсти — пожалуйте. Иначе, я и за дѣло не возьмусь.

Методій Ильичъ сразу выбросилъ изъ плечъ свою шею и ухватилъ Тихона Тимофѣича за рукавъ.

— Да развѣ-жъ я что-либо такое?... Да сдѣлайте ваше одолженіе... Какой же разговоръ?

— Стало быть, въ приданное за племянницей сколько же даете? Короче говоря.

Шея опять поползла за воротъ и оттуда заскрипѣло:

— Для хорошаго человѣка развѣ намъ чего жалко? Хорошему человѣку, вѣрьте слову...

Тихонъ Тимофѣичъ рѣшительнымъ жестомъ отодвинулъ отъ себя тарелку и, какъ бы освобождая на столѣ мѣсто для предстоящаго боя, хлопнулъ по скатерти ладонью.

— Ну-съ, вотъ что, Методій Ильичъ... Этакимъ ма-

неромъ мы съ вами, видать, и до ночи не сговоримся.

И дѣловымъ тономъ добавилъ:

— Завѣщаніе сестрица ваша оставила, — по формѣ, то есть?

— Какъ же безъ завѣщанія? И духовникъ ея, и двое свидѣтелей руку приложили.

— Стало быть, все имущество покойной въ завѣщаніи перечислено?

Премудренскій совѣмъ съезжился и руки колѣнями зажалъ.

— Перечислено-то оно перечислено, только я вамъ уже изволилъ докладывать, что сиротокъ-то мы девять годочковъ...

— Обождите! Женихъ у меня для племянницы вашей уже имѣется и не какой нибудь, а почитай что гражданскій генераль. Однихъ орденовъ разныхъ у его, можетъ, штукъ пять, а то и поболѣ того будетъ. Да домъ собственный на фундаментѣ и прочее. Человѣкъ онъ, понятно въ лѣтахъ, а не стрекулистъ какой, какъ нѣкоторые бывають, которые больше насчетъ приданого нарываютъ. — Жена ему требуется для порядка въ домѣ и чтобы по-благородному за самоваромъ сидѣла, а не изъ озорства какого. — А условія мои такія будутъ...

Тихонъ Тимофѣичъ сдѣлалъ выразительную паузу и затѣмъ отчеканилъ, прихлопывая рукой по столу.

— Со всего завѣщанія сестрицы вашей, а невѣстной маменьки, половину. Ни болѣе и ни менѣе того. Половину вы удержите себѣ за прокормленіе племянницъ до сего времени; вторую же половину всего имущества сиротокъ вы передадите мнѣ-съ наканунѣ свадьбы и до внесенія брачующихся въ церковную книгу.

Батюшка откашлялся въ руку, точно готовясь сдѣ-

латъ возгласъ, но Премудренскій его предупредилъ, спросивъ съ улыбочкой:

— Какъ же вамъ-съ, Тихонъ Тимофѣичъ? Ежели половину мнѣ, да половину вамъ-съ, такъ что же жениху, въ такомъ разѣ, останется? Одна невѣста?

— Съ моимъ женихомъ у меня свои счеты будутъ и васъ это — некасаемо.

— Такъ-съ, — проговорилъ Премудренскій нерѣшительно.

Батюшка покачалъ неопредѣленно головой и куда-то вышелъ, запахивая рясу.

Проводивъ его глазами, Тихонъ Тимофѣичъ наклонился къ Премудренскому и сказалъ значительно:

— А относительно дурочки вашей тоже можете быть безъ сомнѣнiя: она на вашей шеѣ не останется, а съ сестрицей своей жить будетъ. Мой женихъ обѣихъ сестеръ, стало быть, возьметъ, а вамъ половина всего имущества перейдетъ чистенькой. Понимаете?

Премудренскій смотрѣлъ нѣкоторое время на Тихона Тимофѣича съ явнымъ недоумѣнiемъ, потомъ спросилъ:

— Возможно-ли, что и дурочку того.. молодые къ себѣ возьмутъ? Она вѣдь вовсе не въ себѣ... и даже иной разъ подъ себя забывается, извините.

— Это — все единственно. Бабу къ ей приставятъ и больше никакихъ...

Мефодій Ильичъ задумался, потомъ хотѣлъ еще что-то спросить и не рѣшился.

Тихонъ Тимофѣичъ распушилъ рукой бороду и любовался произведеннымъ эффектомъ, посматривая на своего собесѣдника смѣющимися прищуренными глазками.

— Непонятно мнѣ, — проямлилъ. Премудренскій,

— какой же прокъ можетъ быть жениху отъ дурочки убогой?

— А чего же понимать-то вамъ тутъ? Вы полови-ну цѣликомъ въ карманъ себѣ сложите, — и вся не-долга, а ужъ насчетъ всего иного - прочаго, — печаль не ваша.

— Да расчетъ-то ему какой же, Тихонъ Тимофѣичъ, бессмысленную женщину при себѣ поить-кормить, мож-но сказать, совершенно даже зря?

Тихонъ Тимофѣичъ тихо засмѣялся.

— У каждаго человѣка свой расчетъ бываетъ. По-ить-кормить ее вѣдь не вамъ придется. — Такъ чего же вы печалитесь?

Премудренскій заерзалъ на своемъ мѣстѣ, безпо-мощно озираясь по сторонамъ.

— Помилуйте, я что же... Совсѣмъ даже наобо-ротъ... Я согласенъ-съ.

— А коли согласны, такъ и дѣло это мы съ вами теперь же можемъ порѣшить безъ проволоочки, то-есть. Заходите уже ко мнѣ въ каютку, тамъ и покон-чимъ все по доброму согласію. И сиротокъ своихъ при-строите, — доброе дѣло совершите, и себѣ не обидно будетъ. — А то что же такъ-то, изъ пустого въ порож-нее переливать?

Тихонъ Тимофѣичъ заказалъ пару пива, но Пре-мудренскій, очевидно отъ волненія, отказался и, поти-рая свои узловатыя красныя руки, вышелъ на палубу.

Тихонъ Тимофѣичъ подмигнулъ мнѣ въ его сторо-ну насмѣшливо плутовато.

— Очень продешевить опасается. На деньги онъ шибко туговать. Хромоножку-то свою до 29-ти годоч-комъ засолилъ впрокъ; все думалъ, нельзя-ли ее безъ приданого замужъ кому подсунуть. Только куда же ее сбuriшь, когда она ровно бѣляна на волнахъ мы-

рять? Да и съ лица, надо такъ сказать, что хуже-то, пожалуй что, и во всей губерніи не сыщешь. Лобастая какая-то, прости Господи, да хрящеватая. Только что смиренная, — это вѣрно. Дяденька-то ейный въ своемъ дому геройствуетъ — не приведи Господи. Чуть только маленечко какая изъ дѣвченочъ слово какое обронить невпопадъ, моментально сгребетъ ее за волосы и ремешкомъ отъ брюкъ зачинаетъ оглаживать. Они обои братья такіе! Отъ Кирилла, отъ акцизнаго, теща одна на ветлу залѣзла, такъ что пожарную команду съ лѣстницей вызывали, сымать ее. — Ну, а отъ Мефодія этого дочери, случается, что и всѣ изъ дому разбѣгутся, — по сосѣдямъ хоронятся, чтобы, значить, родитель до смерти не запероль.

— А у васъ, Тихонъ Тимофѣичъ, дѣйствительно, женихъ на примѣтѣ имѣется?

— А то какъ же?! — И женихъ, и съ орденами, и все прочее. Я по чистой совѣсти радѣю для нуждающихся, а не какъ либо что.

— Ну, а относительно этой идиотки... Это тоже вѣрно, что ее женихъ вашъ захочетъ къ себѣ взять? Вѣдь вы же его объ этомъ еще не спрашивали? А если онъ не захочетъ?

Тихонъ Тимофѣичъ оглянулся по сторонамъ и проговорилъ въ полъ голоса:

— Про идиотку это я ему для политики подпустилъ. Такого ашламона ежели явнымъ барышемъ не подманить, такъ онъ до второго пришествія торговаться можетъ.

— Иначе говоря, вы вовсе не увѣрены, что женихъ вашъ согласится взять къ себѣ эту дурочку?

— Да вѣдь кто-жъ его знаетъ? За другого чело-вѣка развѣ возможно поручиться? И за самого-то се-

бя иной разъ окончательно не поручишься, а не то что за другого.

— Такъ что весьма возможно, что женихъ и откажется отъ содержанія дурочки?

— Скорѣе всего, что такъ именно и будетъ. Кому же охота такую бабу поить-кормить, безъ всякой пользы?

Мы помолчали немного, а потомъ я все же не удержался и сказалъ:

— Нехорошо это вы придумали. Зачѣмъ же чело-вѣка попусту обманывать?

Тихонъ Тимофѣичъ посмотрѣлъ на меня съ явнымъ недоумѣніемъ и горячо запротестовалъ:

— Какой же обманъ-отъ? Никакого обмана и нѣту вовсе. Дуру эту самую можно завсегда въ дурацкѣй пріютъ опредѣлить на казенный коштъ, въ крайнемъ случаѣ. Ей тамъ, поди, еще полегше будетъ, чѣмъ у родного дяденьки. А относительно обмановъ разныхъ это вы напрасно такъ понимаете. Нешто съ такими народами по-хорошему возможно разговаривать? По-хорошему ихъ бить бы слѣдовало смертнымъ боемъ, потому некотораго другого разговора они понимать не въ состояніи. — Вы же Мефодія этого изволили видѣть: ужли-жъ по вашему онъ на чело-вѣка похожъ? Вы вотъ дочерей его спросите, какой онъ есть истязатель! — А то — по-хорошему...

Спорить на эту тему, очевидно, не приходилось и я спросилъ:

— Ну, а скажите, пожалуйста: хроменькую-то женихъ вашъ согласится взять за себя или вы и въ этомъ не вполне увѣрены?

Тихонъ Тимофѣичъ покосился на меня укоризненно.

— Въ отношеніи хроменькой будьте покойны, какъ

въ саняхъ. Дѣло это чистенькое, безъ малѣйшаго сомнѣнія. Женихъ у меня человекъ вполне даже положительный и, окромя того, со своей первой женой очень намучившись, по причинѣ ея милovidности.

— Что же, она измѣняла мужу, что-ли?

— Измѣнять, положимъ, что не измѣняла, — не такой человекъ супругъ-отъ ейный былъ, чтобы жену свою распустить до подобнаго безобразія. А все же полной увѣренности въ такомъ дѣлѣ быть не можетъ. Какъ ты бабу свою ни запирай, какъ ни учи ее, а окончательно поручиться николи невозможно.

— Что же случилось съ первой-то женой этого господина? Умерла она?

— Настояще сказать вамъ не сумѣю. Панихиды по ней служили, — это вѣрно и документъ о смерти супругъ выправилъ себѣ по всей формѣ, а положительно — ничего неизвѣстно.

— Странные у васъ все какіе-то случаи, Тихонъ Тимофѣичъ! Какъ же можетъ быть неизвѣстно, когда свидѣтельство о смерти имѣется у мужа. Не подложное же оно, въ самомъ дѣлѣ?

— Зачѣмъ же подложное? Свидѣтельство по всей формѣ. А только на купаньѣ съ ней это приключилось, — случай-то непонятный. Пошла это она, значить, купаться на Волгу съ товарками своими, да съ кухаркой ихней и мырнула, стало быть, въ воду. Мырнуть то мырнула, а назадъ не вымырнула. У всѣхъ на глазахъ дѣло было, средь бѣла дня.

— Такъ что же тутъ можетъ быть неизвѣстно-то? Утонула или утопилась, — ясное дѣло.

— То-то что не вполне ясное. Баграми тогда все дно вокругъ обшарили, а никакой утоплой женщины не обнаружили. Одежда на берегу осталась, а самой нѣту.

— Навѣрно, теченіемъ унесло ее.

— Конечно, возможно, что и унесло, а все же... неизвѣстно.

Тихонъ Тимофѣичъ явно что-то не договаривалъ и даже хитрые глазки свои спряталъ отъ меня въ стаканъ съ пивомъ.

— Мудрено, говорю понять васъ, многоуважаемый. — Разъ женщина у всѣхъ на глазахъ въ воду нырнула и не вынырнула обратно, такъ совершенно очевидно, что она утонула.

Тихонъ Тимофѣичъ допилъ свое пиво и проговорилъ нехотя:

— Такъ-то оно такъ, а все же съ бабой ничего вполне знать невозможно. Ежели бы утопое тѣло было обнаружено, ну, тогда иной разговоръ, а такъ... кто-жъ ее знаетъ...

Я не сталъ настаивать и пошелъ къ себѣ, тѣмъ болѣе, что судьба несчастной хроменькой невѣсты мнѣ была совершенно ясна, равно, какъ ясенъ былъ и самый методъ веденія марьяжныхъ дѣлъ.

За нѣсколько часовъ до окончанія моего путешествія, когда я уже собиралъ свои вещи, въ дверь моей каюты постучали и явился тотъ самый помощникъ капитана, который ухаживалъ за Настенькой.

Играя никелированными щипцами для простриганія билетовъ, онъ затворилъ за собой дверь и сказалъ, слегка запинаясь:

— Извиняюсь за беспокойство, но по долгу службы... мы, изволите-ли видѣть, обязаны предостерегать господъ пассажировъ, такъ сказать, въ случаѣ какихъ либо шулеровъ или вообще неблагонадежныхъ элементовъ на борту парохода...

— Да я и въ карты-то у васъ тутъ не игралъ.

— Я не о картахъ... Относительно карточныхъ шулеровъ этотъ рейсъ даже совершенно былъ благополу-

чень. Но вообще неблагонадежный элементъ... и даже, можно сказать, просто жуликъ одинъ тутъ съ нами ѣдетъ.

Сообразивъ, кого именно имѣеть въ виду господинъ помощникъ, я все же спросилъ:

— Это вы объ этомъ саратовскомъ мѣщанинѣ, который барышню въ Казани высадилъ?

Помощникъ глазомъ не моргнулъ.

— Вотъ именно-съ! Этотъ самый типъ двухъ старухъ въ третьемъ классѣ накрылъ на 90 рублей, продавъ имъ какую-то мазь отъ водянки собственной фабрикаціи. Кромѣ того, онъ же еще съ одного консистерскаго чиновника, очень порядочнаго человѣка, получилъ сколько-то въ задатокъ за торговлю живымъ товаромъ... И прочее...

— Вамъ, что же, поступили жалобы отъ потерпѣвшихъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, жалобъ никакихъ не поступало, но, по долгу службы, мы обязаны предупреждать господъ пассажировъ, на всякій случай.

Я поблагодарилъ администрацію пароходной компаніи въ лицѣ ея доблестнаго агента за предупрежденіе, хотя нѣсколько и запоздавшее, при чемъ добавилъ, что меня этотъ неблагонадежный элементъ, слава Богу, не накрылъ и никакихъ претензій я ни къ нему, ни къ пароходной компаніи не имѣю.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ, уже на пристани я увидѣлъ издали характерную фигуру Тихона Тимофѣича, въ парусиновой поддевкѣ и въ картузѣ, надвинутомъ по самыя уши. Онъ стоялъ съ какими-то не то купцами, не то прикащиками и горячо о чемъ-то толковалъ, размахивая руками.

Завидѣвъ меня, онъ подошелъ проститься, снявъ картузь.

— Заходите когда въ Саратовѣ, чайку попить, да исторіи мои послушать. Милости прошу!

— Да къ вамъ и зайти-то страшно, — вы, чего добраго, и мнѣ какую нибудь мазь отъ водянки всучите? Онъ засмѣялся.

— Это вамъ не иначе, какъ помощникъ наговорилъ про меня. Онъ страхъ какъ сердается за барышню-то. — А мазь я, дѣйствительно, продалъ одной старушенкѣ. Очень ей полегчало съ нея. Мазь — безвредная, хоть любому доктору прописать не совѣстно.

— Да вы-то сами въ мазь эту вѣрите?

— Мнѣ зачѣмъ же вѣрить? У меня, слава Богу, водянки еще нѣту, пока что.

Я махнулъ рукой и пошелъ вслѣдъ за матросомъ, несшимъ мой чемоданъ на извозчика.

Тихонъ Тимофѣичъ подсадилъ меня подъ локоть на пролетку.

— Къ Ермолу или въ «Россію» прикажете?

Я назвалъ адресъ пріятеля, у котораго собирался остановиться

Тихонъ Тимофѣичъ внушительно ткнулъ извозчика въ бокъ.

— Понимай, кого везешь-то, харя! — Счастливой дорожки! Такъ ужъ не побрезгуйте, когда въ Саратовѣ-то. — Трогай!

АНТОНИНА.

— Вы Преполовенскаго изволите помнить, Герасима Семеныча?

— Это, — у котораго бородавка подь глазомъ?

— Вотъ-вотъ-вотъ! Онъ вѣдь и въ письмоводители-то въ нашу гимназію попалъ черезъ родство свое съ законоучителемъ, отцомъ Свѣтовидовымъ. А полнаго курса духовной семинаріи онъ своевременно завершить не успѣлъ, по причинамъ независящимъ.

— Какое же отношеніе имѣетъ Преполовенскій къ вашему факту? Про него говорили, будто онъ жену свою въ погребницу спихнулъ на седьмомъ мѣсяцѣ.

— Сущая это — напраслина и даже совершенно — неправда. Лизавета Прокофьевна преспокойно отъ холеры скончалась въ холерный годъ. — Достопримѣчательный бергамотъ росъ у нихъ въ саду, подь самыми окнами! — Она какъ-то, по-утру набрала лукошко этой бергамотовой падолки, да незамѣтно за разговоромъ и съѣла его натошакъ. Въ девятомъ часу утра съѣла, а въ обѣдъ ее въ холерный баракъ сволокли.

— Да вѣрно ли это? — Вы откуда знаете-то?

— Тутъ даже и ни одного мнѣнія быть не можетъ, потому вся эта исторія у меня на глазахъ происходила. — Домикъ Преполовенскихъ аккуратъ изъ оконъ въ окна съ моей золовкой Дашенькой. — Какъ налетѣло тогда къ намъ это самое санитарье въ бѣлыхъ балахонахъ,

золовка моя и говорить стряпкѣ своей: «ты бы, Матвѣевна, бѣлье-то съ забора поснимала, а то опосля кабъ чего не досчитаться». — Бѣлье-то онѣ тогда успѣли вовремя выхватить, а самоварчикъ ведерный, что у крыльца въ палисадникѣ наставили, не досмотрѣли.

— Неужто съ водой самоваръ-то унесли?

— Закипаль вовсе, шумѣть ужъ началъ.

— Изъ санитаровъ, полагаете, который изловчился?

— Да вѣдь кому жъ больше-то? — Развѣ изъ порядочныхъ кто пойдетъ въ холерные санитары, въ самоотверженное служеніе. Изъ нихъ въ тотъ годъ, можетъ, половина передохла, а то и того поболѣ... Разъ челоуѣкъ на такое страшное дѣло отважился, чтобъ холерную блевотину затирать, такъ ему самоварчикъ чужой прихватить — разъ плюнуть!

— А можетъ, это и не санитары золовку вашу тогда разсамоварили?

— Да вѣдь, конечно, доподлинно ничего неизвѣстно. Можетъ и не они. Народъ-то у насъ на Горахъ, сами знаете, какой. — Одно слово — бойцы!

— Да, кварталъ у васъ знаменитый. — Такъ, стало быть, Преполовенская отъ холеры померла?

— Отъ нея, отъ самой. — Пока спохватились, да пока за крапивою на огородъ побѣгли, — болящую оттирать, а она ужъ и слова лишилась. Лежить вся черная, руки-ноги заохолодали и никакихъ признаковъ не подаеть.

— Ужъ это дѣло извѣстное... — А что же на счетъ погребницы-то тогда разговоръ какой-то былъ?

— Въ погребницу это молочная свояченица Герасима Семеныча оступилась. — Только это ужъ много поздне было.

— Какая, говорите, свояченица?

— А молочная.

— Да нешто такія бывають?

— А то какъ же? Если, напримѣръ, супруга ваша имѣетъ молочную сестрицу, кормилицину дочку, то есть, — такъ какъ же она вамъ доводитсясь будетъ? — Молочная свояченица, не иначе.

— Да, развѣ что въ этомъ смыслѣ....

— Вотъ, именно, въ этомъ! — Однако, долженъ я вамъ еще разъ отмѣтить, что Антонина эта въ погребницу оступилась сама, по неосторожности. Герасимъ же Семенычъ въ этой катастрофѣ ровно не при чемъ, — ни тѣломъ, ни духомъ.

— Ну, на счетъ тѣла-то у нихъ, поди не безъ грѣха было? Отъ кого же она на седьмомъ-то мѣсяцѣ оступилась?

— Ничего окончательно достовѣрнаго въ этомъ на правленіи я вамъ доложить не могу. Дѣйствительно, разговоръ у насъ былъ тогда въ этомъ духѣ, но одинъ только разговоръ и ничего болѣе. Самъ Герасимъ Семенычъ вскорѣ затѣмъ и въ Пензу перевелся отъ этихъ воспоминаній.

— Ужъ будто отъ воспоминаній?

— А то отъ чего же еще? Исторія-то вѣдь, какъ вы ее ни поверните, а ни на что подобное не похожа, потому Антонину свѣжій человѣкъ и за женщину-то не сразу могъ признать. Мнѣ даже такъ кажется, что случай этотъ на многое сокровенное въ природѣ человѣческой намъ указываетъ. — Такъ вотъ, стало быть, какія дѣла у насъ тогда были.

Схоронилъ, значить, Герасимъ Семенычъ свою Лизавету Прокофьевну и загрузилъ. Такъ загрузилъ, такъ загрузилъ, что и рассказать даже вамъ не сумѣю.

Въ холерное время, сами понимаете, съ покойницей и проститься ему не удалось. Въ общую могилу ее куда-то засунули и известкой все вокругъ запорошили.

Герасимъ Семенычъ, какъ интеллигентъ и, будучи по педагогической части, понятное дѣло, не настаивалъ; однако, кому же такое можетъ быть приятно? Вѣдь же-на-то она ему доводилась законная!

Правда, съ родительницей покойницы была у него на первыхъ порахъ маленькая заминочка относительно приданого. Похоже, не додано ему чего-то было и тещу свою потрепалъ онъ тогда малость подъ горячую руку. — Но съ Лизаветой Прокофьевной у нихъ, какъ это мнѣ доподлинно извѣстно, совѣтъ да любовь были и въ апофеозѣ любви своей, по ея кратковременности, пресытятся они еще не успѣли.

Время тогда стояло лѣтнее, въ гимназіи никакихъ занятій не было и Герасимъ Семенычъ поневолѣ былъ обреченъ предаваться горестнымъ думамъ цѣльными днями и ночами, — съ утра до вечера и съ вечера до утра.

Отъ всѣхъ пріятелей своихъ онъ тогда отсторонился, — люди въ тягость ему казались. Заперся у себя на дому и слонялся по горницамъ безъ всякаго дѣла немый-небритый, въ одномъ исподнемъ бѣльѣ, какое, будучи несмѣняемо, съ грязи ломилось.

Однимъ словомъ, — грусть, скорбь, тоска и воздыханія.

Выйдетъ иной разъ вдовецъ безутѣшный на крылечко свое и самъ не знаетъ, за какой надобностью вышелъ. Лукнетъ камнемъ въ кошку — ни малѣйшаго удовольствія не почувствуетъ, потому все стало ему безъ интереса. — Обрато въ домъ вертаетъ, на неприбранную постель повалится и лежитъ безъ движенія, какъ неживой.

И въ домашнемъ обиходѣ все у него пошло черезъ пень въ колоду. Полы стоятъ по недѣлямъ неметеные; окурки валяются повсемѣстно; пылицу, да паутину хоть лопатами огребай.

Жасмины у нихъ стояли въ залѣ замѣчательные, дивныхъ ароматовъ четыре различныхъ сорта, — всѣ посохли безъ поливу начисто. Лампадки у образовъ даже и не заправлялъ никто: дохлыя мухи масло изъ нихъ допили и къ фитильнямъ поприсыхали.

Стряпка Грунька, что у Преполовенскаго тогда служила, дѣвка румяная и отчаянная, не чуя надъ собой хозяйскаго глаза, вовсе распустилась: ни горшковъ, ни тарелокъ не моетъ и цѣльными днями семечки у воротъ лущить, да съ сосѣдними архаровцами зубоскалить.

А Герасимъ Семенычъ похлебаеть тюри какой безъ всякаго аппетита, что подсунуть ему и ровно ничего не замѣчаетъ, будто, и не онъ хозяинъ въ своему дому.

Непремѣнно, говорили у насъ тогда, Преполовенскій запить долженъ. Однако, по неизвѣстной причинѣ, онъ не запилъ, а, замѣсто того, объявилась у него эта самая Антонина и съ этого времени неутѣшный вдовецъ нашъ на поправку пошелъ.

Какъ сейчасъ это помню, прибѣжала къ намъ Нюша, Смекалинская нянька, и гогочеть на кухнѣ, со смѣху давится. — Вышелъ я посмотрѣть, въ чемъ дѣло. — «Чего ты, говорю, ржешь-то?» — А она и слова путемъ выговорить не можетъ, за бокъ держится и слюнями плюется. — «Мочи, верещить, нѣтъ моей. Къ Преполовенскому вчерась свояченица евонная прѣхала изъ самарской степы, кумысомъ кобыльимъ, будто, тамъ занималась. Ходить въ юбкѣ, а на бабу и не похожа ничуть. Морда у ей вся волосатая и вродѣ какъ бы клюквой обсыпана». — «Что ты врешь такое? — говорю». — «Да хоть сами посмотрѣть сходите. Я, какъ увидѣла такое, въ себя придтить не могу. Чего жъ онъ теперича дѣлать съ ней станетъ?»

Взялъ я картузь и пошелъ удостовѣриться. — Не

можетъ быть, думаю, чтобы баба на бабу не была похожа. За такое и по закону отвѣтить можно.

Подхожу къ дому, — Груньки у воротъ противъ всякаго ожиданія нѣту, а въ окна Пузинскіе ребята заглядываютъ.

Прошелъ я въ калитку, кобеля ихняго Мамаю палкой вытянулъ и вижу: сидитъ Герасимъ Семенычъ въ чистой рубахѣ подъ бергамотомъ и чай пить на воздушхъ собирается.

Столикъ чистой скатертью накрытъ, варенья въ вазочкахъ стоятъ и блюдо горячихъ коржиковъ тутъ же стынеть, какъ при покойной Лизаветѣ Прокофьевнѣ водилось. — «Здравствуйте, говорю, Герасимъ Семенычъ. Какъ живете-можете? Давно бы вамъ такъ, на вольномъ-то воздухѣ приспособиться для чаепитія. А то въ горницахъ жарыща, поди, да мухи».

А самъ гляжу я на него и глазамъ своимъ не вѣрю, — улыбается Герасимъ Семенычъ и подмигиваетъ — «Видалъ, говоритъ, какое у меня чудо объявилось, самарское?»

— Я, понятное дѣло, прикинулся, будто, мнѣ ровно ничего неизвѣстно и спрашиваю, какъ бы въ шутку, для разговора: «что за чудо-юдо у васъ объявилось? За деньги его показываете или такъ?» — «Тебѣ, по соѣдству, пожалуй, что и такъ могу показать, а вообще всѣмъ прочимъ — не иначе, какъ по гривеннику за входъ». — «А ну-ка, говорю, удивите, сдѣлайте милость!»

Онѣ къ дому оборотился и закричалъ: «Тонечка, чего жъ вы тамъ съ самоваромъ-то протухли?» — Изъ кухни неизвѣстнымъ голосомъ отозвалось: «иде-омъ...»

Я вродѣ, какъ бы песочекъ палкой разгребаю безъ всякаго вниманія, а, между прочимъ, однимъ глазомъ на

крылечко кухонное посматриваю. — Какъ же такъ, думаю, на бабу не похожа, а голосъ женскій.

Вижу, Грунька-халда съ самоваромъ вышла: назадъ запрокинулась, морду отъ пара воротить.

Я однимъ глазомъ за крылечкомъ слѣжу, а другимъ запримѣтилъ Мамайку-стервеца: сзади онъ ко мнѣ подбирается, за брюки нацѣлился тяпнуть. Пока я пса этого проклятущаго палкой укомплектовывалъ, Антонина успѣла къ самому столу подойти и поднось съ чашками постановила. Оборотился я въ ея сторону — и назадъ ажно попятился. Какъ есть, взаправду, клюква волосатая. И на лицо даже не похоже!

— Чего жъ это на мордѣ-то у ней было?

— Да можете вы себѣ представить, какая исторія... Ужъ не знаю достовѣрно, за какіе такіе грѣхи ее Господь покаралъ этимъ самымъ, а только вся у ней морда бородавками пошла. Одна на другой, одна на другой. Да все такія сочныя, наливчатые и съ волосами. Волосья длинные, курчавые, а носъ махонькій, курносый и только тѣмъ отъ бородавокъ и отличается, что двѣ ноздри въ немъ. Глаза вовсе подъ лобъ забѣжали и оттуда щелками смотрятъ. Нѣтъ тебѣ ни рѣсницъ, нѣтъ тебѣ ни бровей, а губа нижняя внаружу отворочена, ровно пятка какая, — красная, да слюнявая.

Мнѣ бы поздороваться, а я выпучилъ зенки и молчу, какъ дуракъ. Однако, она, видать, къ знакомству такому привычная. Ничего мнѣ не сказала, только пятку свою языкомъ облизала и назадъ въ домъ зачѣмъ-то пошла.

Герасимъ Семенычъ меня спрашиваетъ: «ну, какъ? Хороша барышня?»

Пришелъ я въ себя маленько, духъ перевелъ и на тубаретку сѣлъ. — «Что жъ, говорю, теперь будетъ-то?» — «А вотъ, говорить, по хозяйству она у меня бе-

рется. Въ домѣ порядки наводитъ зачала: съ Грункой вдвоемъ вчерась весь день мыли-скребли, подсушим-шись. Меня, вотъ, въ чистое облекла. Вообще старается!» — «А вы, спрашиваю, не опасаетесь? Вреда отъ нея никакого быть не можетъ?» — «Да какой же вредъ? Съ непривычки оно, конечно, чудно на такое смотрѣть, да со временемъ, поди, приобыкнешь какъ-нибудь». — «Развѣ, что со временемъ!»

Чаю я тогда у Преполовенскаго пить поостерегся. — Не иначе, думаю, какъ коржики мѣсила она тѣми же руками, что и за бородавки хваталась. Не дай Богъ, такая штука да на языкъ у тебя выскочить!

Отговорился дѣломъ срочнымъ и нашимъ разсказывать побѣгъ.

— Съ чего жъ у ей бородавки эти пошли? Отъ нечистоты какой или отъ лягушекъ?

— Герасимъ Семенычъ опосля сказывалъ мнѣ, будто отъ кровей это. Крови въ голову ей бросились. Родители у ней — чистые, а у одной тетки съ матерной стороны — такая же самая оказія, только послабже: бородавка не такъ густо брызнула и наливъ не тотъ, полѣднѣе.

— Ей бы дымнымъ купоросомъ попробовать! Отъ бородавокъ это первое дѣло.

— Она все перепробовала: и дымный, и бездымный, и палець чертовъ толкла, и бѣлену на сулемѣ настаивала, и отчитывали ее, и къ киргизскому попу она ѣздила, — ничего не помогаетъ. А земскій докторъ у нихъ такъ прямо ей и объяснилъ, что срѣзать всѣ бородавки хотя и возможно, но онъ не совѣтуетъ, потому морда тогда еще хуже можетъ сдѣлаться. — Теперь, говорить, по крайности хоть понятно, — почему, а тогда на безпричинное безобразіе совершенно смотрѣть будетъ невозможно.

— Да, пожалуй, что и такъ... Ну, а какъ же дальше-то у нихъ пошло?

— Да такъ же вотъ и пошло. Осѣла эта Антонина у Преполовенскаго прочно и давай все усовершенствовать. — Грязищу всю выскребла, полы вымела, до полного блеска довела. Повсемѣстно пепельницы, да плевательницы понаставила, всѣхъ мухъ изъ лампадокъ упразднила, а лампадки заправила и даже усохшіе жасмины оживила и листь на нихъ выгнала. Грунька-халда опять къ кухоннымъ горшкамъ была опредѣлена; по праздникамъ, какъ у людей, пироги на столъ ставили и водочку въ графинчикѣ. И самъ Герасимъ Семенычъ, видя сіе преображеніе въ обиходѣ, тоже преобразился и на человѣка сталъ походить: опять бриться началъ и по субботамъ въ баню ходить и бѣлье мѣнять. И прежніе пріятели захаживать стали: сперва, чтобы на Антонину посмотрѣть, бородавкамъ подивиться, а потомъ и такъ, для пріятнаго времяпрепровожденія.

Сперва, конечно, туго ему приходилось на такую красотку-то любоваться. — «Ложка, говоритъ, изъ рукъ валилась при видѣ такой хозяйшки, да она, спасибо, догадалась и стала на столъ промежъ насъ горшокъ съ настурціями ставить, для заслону, значитъ.» — А потомъ присноровился онъ вовсе на нее не смотрѣть: говоритъ, что слѣдуетъ по хозяйству, а самъ мимо смотритъ.

Да не только Преполовенскій къ мордѣ этой прісмотрѣлся, а и всѣ мы попривыкли. Первое-то время за Антониной мальчишки на улицѣ бѣгали. — «Клюква волосатая, кричатъ, свайка чортова». — А такъ, черезъ полгода и замѣчать ее перестали. Лукнуть иной разъ грязи комокъ ей въ спину, для проформы, — только и всего.

Такимъ-то вотъ манеромъ воцарилась эта самая бородавка у Преполовенскаго и стала обживаться.

Въ августѣ мѣсяцѣ начались въ гимназiи занятiя, оказался Герасимъ Семенычъ при должности и все пошло у нихъ своимъ чередомъ.

Въ четвертомъ часу со службѣ онъ воротится, — дома чистота, порядокъ, ровно языкомъ все вылизано: ни соринки, ни пылинки нигдѣ, каждая вещь на своемъ мѣстѣ. Стуль сдвинуть — и то боязно.

За столъ сядутъ, — какъ въ раю. Скатерть камчатная — чистая, хлѣбъ — въ сухарницѣ, горчица, уксусъ — въ судочкѣ и тарелки всѣ до единой перемыты — перетерты.

Сама Антонина щи тащитъ въ горшкѣ, по тарелкамъ разливаешь. Выпьетъ Герасимъ Семенычъ рюмочку березовки подъ мозговую кость и за щи примется. А на душѣ у него полнѣйшее благодушiе и въ человѣцѣхъ благоволенiе.

Незамѣтно Рождество подошло. Гимназистовъ и персоналъ на каникулы отпустили. — Вездѣ къ празднику готовятся, а Герасимъ Семенычъ и въ усъ себѣ не дуешь, потому у него и распорядиться не приходится, — Антонина сама всѣмъ командуетъ. Такъ все и кипитъ у ней въ рукахъ. Грунька-халда съ ногъ сбилась, жиру поль пуда спустила: только поворачиваться поспѣваетъ.

А Герасимъ Семенычъ до десятаго часу въ постели валяжничаетъ, потомъ въ бухарскомъ халатѣ кофiй пьетъ съ домашними булочками, «Листокъ» читаетъ. — Напьется кофiю, — старую бекешу надѣнетъ, на дворъ выйдетъ для моциону.

Пострѣляетъ изъ рогатки по воробьямъ, Мамаю на козу сосѣдскую поуськаетъ, на улицѣ ребятъ перессорить, — глядишь, обѣдать Антонина кличетъ.

За столомъ разговоръ какой-либо праздничный: про духовное или изъ городскихъ какихъ случаетъ.

Откушали — и на боковую, часокъ-другой носомъ посвистѣть.

Ну, а подъ вечеръ, либо придетъ кто, либо самъ Герасимъ Семенычъ куда отправится, время провести.

Наступило Рождество, подошелъ Новый Годъ — и сталъ замѣчать Преполовенскій, что Антонина его чего-то не того.... Неладное съ ней творится. По хозяйству все въ полной исправности, даже слишкомъ, а сама она стала какъ-то суетиться безъ надобности, по двадцать разъ съ однимъ и тѣмъ же приставать безъ всякаго смысла и не въ свои дѣла соваться, которыя ее некасаетъ. Раза два Герасимъ Семенычъ цыкнулъ на нее, чтобы мѣсто свое понимала. — Она — ничего. — «Виновата, говоритъ, прошиблась по неосмотрительности». — Послѣ замѣчанія малость поутихомирится, а потомъ опять...

Какъ-то воротился Герасимъ Семенычъ изъ гостей поздно ночью, часу въ первомъ и маленько навеселѣ. Не то, чтобы пьяный какой, а такъ для компаніи подшофе.

Антонина сама ему двери отперла и шубу съ него приняла. — «Чего вы, говоритъ онъ, не спите? Мнѣ и Грунька двери отпереть можетъ». — Она чего-то подъ носъ себѣ пробормотала и за двери шмыгнула.

Преполовенскій прошелъ въ спальную, раздѣлся не торопясь и легъ.

Лежить на подушкѣ, про разное думаетъ, а спать — не спитъ. Можетъ печку перекалили, можетъ, отъ закуски плотной, а только сна ни въ одномъ глазу.

Вдругъ почудилось ему, что въ передней зашебуршало что. Прислушался, — половица легонько скрипнула и шелестъ какой-то — Не жуликъ-ли, думаетъ, къ шубамъ подбирается? — Соскочилъ съ кровати, шпуль-

ку чугунную въ кулакъ зажалъ и въ переднюю дверь отворяеть.

Какая-то тѣнь къ вѣшалкѣ прижалась. — «Кто тутъ?» — Молчекъ. — «Выходи, а не то зашибу!» — «Это я, Герасимъ Семенычъ! Пуговку думала къ бекешѣ вашей прикрѣпить, на ниточкѣ она болтается». — Антонина это, стало быть, къ шубамъ притулилась чего-то. Преполовенскій, понятно, на нее прикрикнулъ: «кто-же пуговицы прикрѣпляетъ впотемкахъ, во второмъ часу ночи? Что вы, бѣлены что-ли объѣлись?» — «Виновата-сь, думала — пока вы почиваете...» — «Маршъ спать! И чтобы я васъ больше не слышалъ! Туда же, пуговицы пришивать надумала! Я вамъ пришью по за-тылку!»

— Это она значить къ нему подкрадывалась?

— А ужъ этого я вамъ доподлинно объяснить не могу. Рассказываю, что самъ отъ Герасима Семеныча слышалъ, а болѣе мнѣ ничего неизвѣстно.

— Ну-ну. А послѣ какъ же?

— А послѣ все у нихъ какъ бы въ русло вошло и никакихъ признаковъ Антонина болѣе не подавала. Еще пуще по дому стала разворачиваться. Прямо рветъ и мечеть! На что ужъ Грунька — здоровенная бабища, а и та взвыла въ голосъ: — «Нешто, говоритъ, я вамъ лошадь сдалась, за четыре-то рубли день-деньской не при-сѣмши... Мучители...»

А Преполовенскій съ этого случая все чаще и чаще зачалъ по гостямъ ходить. Какъ вечеръ, такъ и со двора. Не сидѣлось ему, значить, въ Антониновомъ рау пресвѣтломъ.

Къ одному зайдетъ пріятелю, къ другому, одного навѣститъ, другого провѣдаетъ.

Къ вину большого призванія онъ не чувствовалъ. Такъ, выпьетъ рюмочку-другую для пріятнаго знаком-

ства, — только и всего. А въ картишки дѣйствительно сталъ по-малости присматриваться, въ стуколку по пятачку. — У насъ въ эту игру даже и изъ духовныхъ нѣкоторые не гнушаются.

Главнымъ же образомъ, повадился Преполовенскій захаживать къ Геликоновымъ. Они насчетъ стуколки первые специалисты у насъ были. Всю ночь наскрозъ стучать могли, — только тасуй, да сдавай.

Дюжинки три «Жигулевскаго» припасутъ съ вечера и засядутъ. Иногда на двухъ столахъ сражаются, человѣкъ до десяти.

Преполовенскаго по началу, какъ водится, накрывали рубликовъ до шести за ночь. За науку, по положенію, денежки платятъ. Ну, да онъ скоро вникъ во всю эту механику и самъ зачалъ другихъ нажигать.

— Да который это Геликоновъ-то? Казначейскій, что ли?

— Онъ самый, Петръ Иванычъ. Должность онъ тогда занималъ еще не Богъ вѣсть какую: все болѣе подшивалъ, да подклеивалъ. Ну, а за подклейку, сами понимаете, и жалованьишко подклеечное платятъ.

Однако, парень онъ былъ очень даже оборотистый и сметливый, деньгамъ цѣну зналъ и грошъ могъ выколачивать изъ самага пустяка плеваго. Постоянно работишку частную имѣлъ, по вечерамъ чего-то тамъ ковырялся, хозяйство вель свое въ порядкѣ и жена у него, сложа руки, не засиживалась. — «Каждая курица, говаривалъ онъ, бывало, опредѣлена яйца нести человѣку на пользу». — И у него, дѣйствительно, куры неслись всѣмъ на удивленіе. По зимамъ у насъ ни у кого не несутся, а у него разговоръ короткій: положенное яичко, хоть расшибись вдребезги, а вынь да положь. А не согласны, — башку прочь и въ супъ! Сурьезно это дѣло у него было налажено, ничего не скажешь.

Я даже такъ понимаю, что и въ стуколку-то онъ игралъ не столько для пріятнаго времяпрепровожденія, сколь для интереса. Другіе тамъ, когда выиграютъ, когда проиграютъ, а Геликоновы свое положенное огребутъ непремѣнно. Не онъ, такъ она, не она, такъ онъ.

Механика эта карточная ужъ извѣстная: какъ ты отъ сосѣда ни хоронись, какъ подъ столомъ карты свои ни разсматривай, а отъ спеціалиста не убережешься.

Дѣтей Геликоновымъ Богъ не далъ и порѣшили они взять себѣ на воспитаніе сиротку-племянницу, Клавдюшку, дѣвицу по семнадцатому годочку и очень даже милловидненькую.

Ждали ее къ праздникамъ, да она чего-то позамѣшкалась и пріѣхала только къ Крещенью.

И какъ только дѣвченка эта пріѣхала, такъ все у Геликоновыхъ наоборотъ пошло: всѣхъ она шиворотъ на выворотъ вывернула и свои собственные порядки завела. Даже смотрѣть было удивительно: изъ себя такая махонькая, щуплая, вотъ-вотъ вѣтеркомъ ее сдуетъ, — а какую власть надъ людьми возымѣла!

По первоначалу-то я такъ полагалъ, что и дядюшкой своимъ Петромъ Иванычемъ, Клавдюшка верховодить; только, присмотрѣлся хорошенько, и понялъ, что тутъ у нихъ — особая статья и Геликоновъ отъ этихъ фокусовъ не въ обидѣ.

Первое время все по заведенному порядку было: собираются гости, ящикъ съ пивомъ изъ кухни волокутъ и — за картежъ. Петръ Иванычъ пятакочвъ серебряныхъ въ казначействѣ намѣняетъ, горсть цѣльную на столъ высыпеть, — и пожалуйста. — Кто стучить, кто пасуетъ, а Клавдюшка тутъ же у стола вертится, юбочками шуршитъ, да подхихикиваетъ. Одному въ карты заглянеть, другому бумажку съ подъ карамели за шиворотъ засунеть, третьему въ папиросницу намусорить. — И до то-

го, понимаете-ли, дѣвченка шустрая, да озорная, до того для мужчинъ приглядиста оказалась, что мало-по-малу всѣ отъ картъ отбодряваться начали, чтобы, значить, съ Клавдюшкой свободнѣе крутиться было, дурака ваять.

Преполовенскій въ первую очередь отъ стуколки на хозяйскую племянницу перекинулся. Страхъ какъ дѣвченка ему понравилась. — «Николи, говорить, я на такое занятіе не рассчитывалъ, чтобы въ фанты какіе-то играть, али козломъ по горницамъ скакать, себя не помня».

За Герасимъ Семенычемъ и другіе понемногу отъ картъ отбились, да за Клавдюшкиной юбченкой гоняться стали. И особенно двое: интендантскій регистраторъ, Коралловъ и подрядчикъ Фуксинъ. Интендантъ рассчитывалъ на свою наружность, на мундиръ военный, а подрядчикъ капиталомъ любого перешибить могъ.

Конкуренція, стало быть, у Преполовенскаго самая сурьезная; однако, онъ не сдавался и уповалъ всѣхъ перехитрить. Рѣшилъ про себя такъ, что живъ не будетъ, а на Клавдюшкѣ женится.

Конкуренція тоже своего не упускаетъ, а Клавдюшка всѣхъ вровень подманиваетъ, а настояще никого не подпускаетъ.

Заварилась у нихъ такая каша, что не приведи Господи.

Раздобудетъ Герасимъ Семенычъ стерлядь аршинную у братьевъ Гальцевыхъ черезъ знакомаго приказчика и волочить ее Геликоновымъ въ приношеніе. — Дескать, по случаю досталась, — не обезсудьте!

Интендантъ моментально тушу мороженую въ полъ быка везетъ. — «По вѣдомостямъ у меня, говорить, излишекъ оказался отъ армейскаго продовольствія, такъ все едино его въ расходъ выводить надо. Черкасское мя-

со, по 11 копеечекъ на базарѣ идетъ».

А подрядчикъ всѣхъ перешибаетъ и сейчасъ же приказываетъ лѣсной матеріалъ на дворъ къ Геликоновымъ сводить. — «По веснѣ, — сообщаетъ, — я тебѣ, Петрилка, стеклянную галерею къ дому пристрою, для балконнаго чаепитія и сиренью все вокругъ засажую, какъ на дачѣ».

Геликоновы, понятно, всѣхъ благодарятъ, а сами смекаютъ, что племянница-то сиротка, чего добраго, доходнѣе стуколки будетъ. И сейчасъ ей соотвѣтственное внушеніе дѣлаютъ: какъ, значить, и кого въ оборотъ брать и на новыя приношенія располагать.

— Ловко это они придумали! Дѣвченкой подманиваютъ, да въ карманъ себѣ набиваютъ! Политика чистая.

— На этотъ счетъ Петръ Геликоновъ первый мастеръ былъ. Недаромъ у него каждая курочка свое положенное яичко несла. — Съ масляницы онъ даже и вечернія занятія брать пересталъ, потому племянница замѣсто него занятія имѣла, съ гостями по вечерамъ; а ему впору было только доходы считать, да за всѣмъ присматривать.

— А чего жъ женихи-то не сватались, а зря разорялись?

— Какъ не сватались? — Сватались всѣ трое, только настоящаго отвѣта добиться не могли. — «Помилуйте, говорятъ, она еще маленькая. Вотъ подрастетъ чутокъ, тогда и потолкуемъ».

— А тѣмъ временемъ и жаренымъ, и паренымъ огребали? — Ловко!

— А что вы станете дѣлать? — Дѣвченка больно заnimательная попалась: такой пыли юбченками въ глаза имъ напустила, что никакого резона видѣть не въ со-

стояніи. Кружить-гоношить, подманиваетъ, да оболваниваетъ.

— Да это, что и говорить! — Среди нашего брата бываютъ такіе охотники до зелененькаго, — только держись. — Ну, а какъ же у нихъ далѣе-то повернулось? — Неужто Геликоновъ до-чиста жениховъ распатронилъ?

— Онъ бы, можетъ, и распатронилъ, да тутъ особая исторія вышла.

Какъ объявилась эта Клавдюшка у Геликоновыхъ, Герасимъ Семенычъ совершенно отъ дому своего отбился и каждый вечеръ во-свояси за полночь ворочался. Клавдюшкины фанты въ копеечку ему влетать стали, почему Антонину и началъ онъ въ хозяйствѣ урѣзывать, да за расточительность поругивать, хоть она полушку его и берегла пуще собственнаго гроша. Очень ей все это показалось обидно и ревѣла она втихомолку частенько.

Когда же пошелъ по городу слухъ, что недавній неутѣшный вдовецъ шестнадцатилѣтней дѣвченкой утѣшился и даже сватался къ ней, тогда Антонина прямо на стѣну полѣзла. Про себя-то она надѣялась пріучить Преполовенскаго къ своему безобразію и склонить его на любовь такъ или иначе. А тутъ вонъ какая оказія вышла!

Съ недѣлю ходила она мрачнѣе ночи: все чего-то думала, чего-то размышляла, а потомъ и рѣшилась.

Накинула подъ вечеръ на себя платокъ и незамѣтно за ворота шмыгнула. Задами, да задворками пробралась она къ извѣстной у насъ свахѣ, Дарьѣ Матвѣвнѣ. Все на-чистоту ей выложила и совѣта попросила.

Матвѣвна сперва было заюлила, стала корень ей какой-то приворотный расхваливать, но Антонина ее на полсловѣ осадила: «нѣтъ, говорить, вы ужъ мнѣ что посурьезнѣе, сдѣлайте милость! За деньгами я не постою, но совѣтъ мнѣ требуется настоящій».

Матвѣвна сдуру поняла такъ, что Антонина желаетъ Преполовенскаго извести на-смерть и зашептала ей на ухо: «есть у меня, ангель мой, порошокъ одинъ, самый сурьезный, только дѣло-то это такое...»

Антонина пятку свою прикусила, чтобъ себя не обнаружить и, выждавъ время, спрашиваетъ: «почемъ сурьезный порошокъ-то стоитъ, за полную порцію?»

Матвѣвна въ умѣ прикинула покупательницу и назначила: «красненькую впередъ, да красненькую по завершеніи». — «А почемъ я буду знать, что порошокъ вашъ — настоящій, а не мѣлъ толченый?» — «Какъ мѣлъ? Я тоже свою амбицію имѣю! У меня именитыя купчихи пользуются, а вы — мѣлъ...» — «Купчихи мнѣ не указъ. Онѣ, какъ хотятъ, а я порошокъ вашъ до-прежъ всего на кошкѣ испытаю. Подѣйствуетъ, — двѣ красненькихъ сразу дамъ и еще что добавлю по завершеніи. А иначе я не согласна».

Поспорили, поспорили и Матвѣвна на кошку согласилась.

На слѣдующій день Антонина опять вечеромъ къ свахѣ явилась и та передала ей изъ рукъ въ руки бумажку съ порошкомъ, и даже собственноручно написала на ней что-то непонятное.

Дали кошкѣ порошка того въ молоко. Кошка лаять не захотѣла, пришлось силкомъ въ пасть заливать.

Порошокъ оказался самый сурьезный, потому кошка сдохла минутъ черезъ сорокъ.

Тогда Антонина себя обнаружила. — «Ну-съ, говорить, Дарья Матвѣвна, покорнѣйше вамъ спасибо! Только травить я пока что никого не собираюсь, ни его, ни ее. По Владимірскому тракту гулять мнѣ не охота съ вами, въ пріятной компаніи. — Мнѣ совѣтъ настоящій отъ васъ требовался, а вы меня на такое дѣло надоумили! Этакъ не годится! — И вотъ, что я вамъ скажу: ли-

бо давайте мнѣ настоящій совѣтъ, либо я вашъ порошокъ по начальству представлю и про всю вашу коммерцію расскажу. На бумажкѣ-то съ порошкомъ въ своей рукой чего-то накарябали».

Дарья Матвѣвна чуть ума не рѣшилась. И плакала-то она, и молила, и въ ногахъ валялась, и свои деньги даже за выкупъ порошка предлагала, но Антонина стояла на своемъ твердо: либо совѣтъ настоящій, либо до-несу.

Въ концѣ концовъ, Матвѣвна вовсе обезсильничала и созналась, что никакого совѣта она дать не умѣетъ, но можетъ указать на настоящаго спеціалиста, который въ такихъ дѣлахъ — первый совѣтчикъ. Сама полиція къ ему за совѣтами обращается! — «Ладно. Давайте этого спеціалиста. Кто такой?» — «Да вы, поди, слышали: Завулоновъ это, Тихонъ Тимофѣичъ. За Пѣшимъ базаромъ проживаетъ, подъ самымъ Затономъ, въ собственномъ домѣ».

Такимъ-то вотъ манеромъ Антонина и попала къ Тихону Тимофѣичу.

Попала Антонина къ нему въ субботу, на пятой недѣлѣ поста, послѣ вечерни.

Тихонъ Тимофѣичъ только что отговѣлъ, въ обѣдню причастился и благодушествовалъ за самоварчикомъ.

— Это онъ — мастеръ чаекъ-то попивать! Пирогѣ съ курягой у него племянницы пекутъ богато.

— Да, насчетъ пироговъ у нихъ могутъ! Только какія же племянницы-то? Дѣвченки эти его совершенно даже и не дочери сестрины, какъ онъ рассказываетъ, а просто...

— Ну, да про это что же толковать! Человѣкъ онъ, главное, полезный очень. Одно слово — спеціалистъ! Какъ же къ дѣлу-то онъ приступилъ?

— Антонину онъ допрежь всего чаемъ напоилъ, потомъ выслушалъ внимательно и все ей объяснилъ, что и какъ.

Сразу поняла она съ кѣмъ разговариваетъ и двѣ красненькихъ, что было для Матвѣвны приготовила, — такъ Тихону Тимофѣичу на столъ и выложила.

Совѣтъ настоящій онъ ей преподалъ, деньги убралъ и говоритъ: «дѣло ваше не хитрое. Поступайте, какъ я вамъ объяснилъ, и уповайте на милость Божию. Труды ваши зачтутся. — Я бы и денегъ никакихъ впередъ не взялъ, да ужъ, чтобы васъ не огорчать, сочту сіе за задаточекъ. А когда свершится все по моему указанію, тогда вы и остальные мнѣ донесете».

Сколько именно остальныхъ донести надо было, онъ не сказалъ, а она спросить постѣснялась.

Вышла Антонина отъ Тихона Тимофѣича веселыми ногами и чуть не бѣгомъ по сугробамъ припустилась. — «Слава Тѣ, Господи, думаетъ, — человѣкъ настоящій попался мнѣ на мое сиротство горемычное».

Только въ горку-то она взобралась, а навстрѣчу ей изъ города извозчикъ труситъ, везетъ кого-то.

— «Кабы на знакомаго какого не наскочить», — соображаетъ. — И къ забору въ тѣнь прижалась.

Извозчикъ мимо проѣхалъ и показалось Антонинѣ, что везетъ онъ не кого иного, какъ ея своячка, Герасима Семеныча. — Но темно было, — только что отъ снѣга свѣтило, — и достовѣрно Преполовенскаго она не разобрала; а такъ, какъ въ этихъ мѣстахъ ему дѣлать было нечего, то и рѣшила она, что просто это ей померещилось.

А на извозчикѣ-то тогда, именно, Герасимъ Семенычъ и ѣхалъ тоже къ Тихону Тимофѣичу, и тоже за совѣтомъ.

— Ахъ, ты, сдѣлай милость, какая исторія-то вы-

ходить. Обои по одному и тому же дѣлу и къ одному и тому же совѣтчику! — И обоимъ онъ совѣтъ свой преподалъ?

— Обоимъ и преподалъ. Ему что же: разъ деньги платять, не отказываться же? — Тоже задаточекъ получилъ и велѣлъ черезъ недѣлю понавѣдаться. — «Необходимо, говорить, мнѣ справочку предварительно получить по вашему дѣлу. Справочку раздобуду, — тогда и планъ свой вамъ предоставлю. Все сообща обсудимъ и порѣшимъ». — А про Антонину, понятно, ни гу-гу. — «А какъ же, спрашиваетъ Преполовенскій, въ настоящее время поступать мнѣ, до вашего постановленія?»

А Тихонъ Тимофѣичъ опредѣленно ему отвѣтилъ: «безсмысленный денежный расходъ на дѣвицу пріостановить незамедлительно и ожидать послѣдствій».

Такъ Герасимъ Семенычъ и поступилъ.

— А какая же Антонинѣ-то инструкція дана была? Насчетъ чего именно?

— А вотъ я къ этому самому рассказъ свой теперича и подвожу. — Какъ только Геликоновы обнаружили, что Преполовенскій сталъ съ пустыми руками къ Клавдюшкѣ ходить, такъ моментально приказали племянницѣ на этого жениха навалиться особенно, чтобы на подношенія его понудить.

Клавдюшка навалилась; и въ такой оборотъ Герасима Семеныча взяла, что у того глаза на лобъ полѣзли.

Заюлила подлая по всѣмъ направленіямъ заразъ: то ногу на ногу закинетъ, — по самую колѣнку заголится, то на диванъ повалится, будто нечаянно, — платье на себѣ по шву растрескается, то на колѣни къ ему плюхнется съ разбѣгу. — «Ахъ, я думала, стулъ порожній, а вы на немъ какъ разъ и сидите».

Преполовенскій чувствуетъ, что мочи его нѣтъ: такъ бы

и ухватилъ дѣвченку за что придется, ни на что не посмотрѣлъ бы! А она — хи- хи, да ха-ха. Промежь рукъ у его проскочить и деру задаетъ, — не утонишься. — «Почему-то, спрашиваетъ, у васъ, Герасимъ Семенычъ, лицо такое красное, точно изъ бани?»»

А чего ужъ тутъ — красное: мало что кандрашка человѣка не хватила. Шея, какъ у быка, вздулась, пиджакъ наскрозь пропотѣлъ, — едва дышетъ, какъ песь на угонѣ.

Какъ-то разъ, должно, въ субботу на Вербной, выходятъ послѣ этакихъ Клавдюшкиныхъ фантовъ всѣ трое жениховъ отъ Геликоновыхъ. Вобрали въ себя вольнаго воздуха, духъ перевели и остановились подъ фонаремъ папироски раскурить.

А было, такъ, уже первый часъ ночи и на улицахъ — ни души. Ни прохожаго, ни проѣзжаго. Только сторожъ ночной въ колотушку гдѣ-то колотить, да издаля пьяный, должно, горланить, до времени разговѣвшись.

Подрядчикъ и спрашиваетъ: «куда жъ, други, мы теперича опредѣлимся? На Петину улицу, что-ли? Тамъ у Ионики такая фру-фру новенькая появилась, что артельщикъ одинъ изъ-за ея подъ судъ угодилъ! Приставъ, Аркадій Гаврилычъ, только ее и спрашиваетъ».

Интендантскій регистраторъ высказался въ томъ смыслѣ, что ему предпочтительно было бы не къ Ионихѣ ѣхать, а въ «Красный Залъ», потому тамъ для интеллигентнаго человѣка будетъ по-приличнѣе. — «Заведение это, говоритъ, хотя и рублевое, а свой шикъ имѣетъ. Опять же и танцы тамъ не подъ гармошку, а подъ тапера, какъ въ лучшихъ столичныхъ домахъ съ претензіей».

Герасимъ Семенычъ на Петину улицу не поѣхалъ, а утерся снѣжкомъ отъ волненія и до дому пошелъ, про свое соображая.

Дома насилу достучался. Отперла ему Грунька, вся

заспанная: морда въ складкахъ и пухъ отъ подушки изъ уха торчитъ. Стала крюкъ на дверяхъ закладывать — и все мимо.

Хотѣлъ Герасимъ Семенычъ ей подсобить, да нечаянно съ ней и столкнулся. Такъ его отъ тѣлесъ этихъ и передернуло. — «Чего ты, говоритъ, подсовываешься не къ мѣсту, верблюдъ камышинскій?» — Она не поняла, животъ почесала и пошла къ себѣ на кухню досыпать.

Прошелъ Герасимъ Семенычъ въ свою спальную и сталъ при лампадкѣ раздѣваться. Снялъ съ себя пиджакъ, снялъ жилетку, а въ головѣ у его смутно и, вродѣ, запахъ какой-то ему представляется, какъ отъ монашекъ курительныхъ. — «Печку, что ли, онѣ съ угаромъ закрыли, воображаетъ, — или полы съ мятой мыли?»

Заглянулъ въ печку, — огоньковъ синенькихъ не видать, хотя и нажарена печка такъ, что притронуться невозможно.

Легъ въ постель и про махинацію Тихона Тимофѣича сталъ думать. Дескать, что такое онъ ему присовѣтуетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ?

Прошло этакъ, можетъ, съ четверть часа и чувствуетъ онъ, что мысли у него путаются. Сна нѣтъ, а мысли путаются!

Отъ перины жара нестерпимая, воздухъ, вродѣ, густой какой-то и запахъ этотъ самый, подозрительный, дыханіе перехватываетъ. — «Что за притча такая? — думаетъ». — Въ головѣ гудъ, въ ушахъ звонъ и въ подвздохѣ тѣснить. — «Кажись, и не пилъ у Геликоновыхъ, воображаетъ, а ровно пьяный!»

Лежитъ и видитъ, что лампадка попыхивать стала. Погорить, погорить и мигнетъ, дымокъ легенькій потя-

нется. А ликъ Спаса Нерукотворнаго сумрачный такой и окладъ совсѣмъ тусклый.

На мысляхъ у Герасима Семеныча нехорошо. Глаза прикроетъ и то ему купальня городская представляется ни съ того, ни съ сего; то видитъ онъ приложение къ «Нивѣ», какъ русалки при мѣсяцѣ хороводомъ пляшутъ. — «Хорошо бы, думаетъ, водой башку намочить отъ воображенія!» И только это онъ подумалъ, какъ лампадка затрещала и погасла вовсе, — только чадъ отъ фитильни пошелъ.

Кромѣшная тьма Герасима Семеныча обступила и душить. Въ глазахъ круги огненные расходятся, замутило подъ ложечкой и во рту пересохло, а въ ушахъ словно на фисгармоньѣ клавиши перебираетъ: бу-бу-бу, бу-бу-бу... — «Испить бы чего холоденькаго», — вздумалось ему, и потянуло на квась лимонный. Ни на что другое, какъ на лимонный квась. — Пошарилъ онъ на столикѣ графинъ съ водой. — Нѣтъ графина! всегда стоялъ, а теперь нѣтъ.

— «Антонина-паскуда, соображаетъ, распустилась окончательно: лампадокъ не заправляетъ, воду въ графинъ не налила. Только топчется безъ толку».

Выпросталъ Герасимъ Семенычъ ноги изъ-подъ одѣяла, — на кухню по воду сходить, а ступить не можетъ. Кружится въ глазахъ и ноги не слушаются.

Присѣлъ обратно на кровать и вообразилась ему Клавдюшка, какъ она ногу на ногу закидываетъ. То правую на лѣвую, то лѣвую на правую. — «Все едино, порѣшилъ, пойду пить, а то этакъ и помереть тутъ не долго».

Собралъ остатнія силы, руки впередъ вытянулъ, чтобы морду не расшибить и ступилъ къ двери. Ступилъ и остановился. Явственно почувялъ, что въ горницѣ есть кто-то, въ потемкахъ прижукнулся. — «Кто

туть? — спрашиваетъ. А голосъ у самого сиплый, едва слово выговорить можетъ.

Никакого отвѣта. А вовсе близко живое чего-то, даже дышетъ.

Герасимъ Семенычъ руками впередъ развелъ и ухватилъ...

— Чего ухватилъ-то?

— Да ее же и ухватилъ, Антонину. Ясное дѣло!

— Это, стало быть, она подъ него и подсудобилась?

— Во-во! По рекомендаціи Тихона Тимофѣича всю махинацію и подвела.

— Ну-ну...

— Ну, а какъ это онъ ее ущупалъ, такъ сердце въ немъ оборвалось и духъ пресѣкся. — «Болѣе, сказывалъ, ничего не помню, какъ въ могилу провалился!»

Сколько безъ памяти былъ, не помнить. Только очнулся, когда Антонина его водой sprysнула и испить дала.

А огня она не вздувала, въ потемкахъ разворачивалась, какъ кошка.

Выпилъ Герасимъ Семенычъ порядочный кувшинокъ воды, духъ перевелъ и руками вокругъ себя пошарилъ. — А она опять — тутъ, какъ тутъ. Дескать, пожалуйте.

Такимъ-то манеромъ они до самаго разсвѣта и прохороводились.

— Ахъ, ты, шутъ ее задави совсѣмъ! Дорвалась таки, подлюга. Да какъ же это онъ на бородавки-то покусился?

— Да вѣдь какія же тутъ бородавки, когда тьма египетская. Не патреть писать.

— Поди, и избилъ же онъ ее на другой день, когда въ себя-то пришелъ?

— Ни Боже мой. Пальцемъ не тронулъ.

— Да ну?

— Истинное слово! Какъ только уснулъ онъ на зарѣ, она за дверь шмыгнула и болѣе двухъ сутокъ на глаза ему не показывалась, больной сказала.

— А онъ?

— А онъ, значитъ, очухался должно часовъ въ шесть вечера и понять ничего не можетъ. Гдѣ онъ, что такое случилось, что было, чего не было, — ничего не понимаетъ. — «Болѣе, говорить, полу-часа я въ мысли приходилъ».

Главное дѣло, комнаты-то своей признать не можетъ. — У нихъ въ ставняхъ прорѣзы были сдѣланы на подобіе сердечекъ, а тутъ никакого просвѣта не видать и окошко даже опредѣлить невозможно.

Кое-какъ спички онъ нашарилъ, свѣчку зажегъ — и глазамъ своимъ не вѣрится... Вся комната бѣлая стала, точно снѣгомъ ее за ночь запорошило; однако, снѣгу взятыся, будто бы, и не откуда. Потолокъ на мѣстѣ, да и тепло въ горницѣ, какъ въ банѣ. Присмотрѣлся хорошенько, рукой пощупалъ, — пухъ это изъ перины, а не снѣгъ вовсе. Почитай что болѣе полъ перины они съ Антониной пораструсили. Она потомъ сама ему сказывала, что зубами рвала, что ни попади.

— Ишь, ты, разрази ее вдребезги. А ему-то какъ же эта политика пришлась?

— Герасимъ Семенычъ, какъ въ понятіе вошелъ, такъ прикидывать началъ: что, да почему, да откуда. — И сразу ему ясно стало, что тутъ дѣло не безъ подвоха. — Подвохъ вразъ и обнаружился. Сердечки въ ставняхъ, оказалось, снаружи снѣгомъ залѣплены, графинъ съ водой подъ столомъ очутился, а лампадка по-

гасла зря, потому болѣе половины масла въ ней еще было, только подмѣшали туда чего-то: на стѣнкахъ налетъ бѣлый осѣлъ, а фитиль весь, какъ есть, почернѣлъ и запахъ тотъ подозрительный отъ него и курился.

Герасимъ Семенычъ лампадку знакомому фелшару снесъ для распознанія: чегой-то туда было намѣшано, не отрави-ли какая.

А фелшаръ на него обидѣлся. — «Да ты, говоритъ, очумѣлъ должно съ пьяныхъ глазъ. Нешто это медицинское дѣло, лампадками заниматься. Дуракъ».

Двое сутокъ прошло безъ всякихъ послѣдствій. Герасимъ Семенычъ въ должность ходилъ, а изъ гимназіи прямымъ трактомъ — къ Геликоновымъ, гдѣ и просиживалъ до поздней ночи.

Отъ Тихона Тимофѣича пришло ему увѣдомленіе, что справочку онъ еще не получилъ и придется обождать до Святой.

На третій вечеръ вернулся домой Преполовенскій ранѣе обыкновеннаго. Съ Клавдюшкой они чего-то поругались и подрядчикъ - стрекулистъ нахально дѣвченку на свою сторону переманилъ: въ темномъ чуланчикѣ съ ней болѣе полу-часа сундукъ какой-то разбирали. — Герасимъ Семенычъ и самъ съ Клавдюшкой въ томъ чуланчикѣ сиживалъ и очень хорошо ему было извѣстно, какая тамъ сундучная разборка бываетъ.

По этой причинѣ перенести онъ этого никакъ не могъ и ушелъ домой, ни съ кѣмъ не попрощавшись. Рѣшилъ на завтра Клавдюшку обратно на свою сторону переманить. А не переманится, такъ можно, думаетъ, и самому Геликонову пакость какую устроить: начальству его въ казначейство донести чего-нибудь отъ имени «доброжелателя», или еще какъ подковырнуть.

— Это правильно! У насъ, вотъ, тоже жепихъ одинъ, при подобныхъ же обстоятельствахъ, здорово

тещѣ будущей нагадилъ: шубу плюшевую на лисьемъ мѣху совсѣмъ въ клочья ей изорвалъ и въ свиное корыто покидалъ. Да такъ ловко подстроилъ, что всѣ на пьянаго работника подумали.

— Это бываетъ! Только Герасиму Семенычу напакостить Геликоновымъ не довелось, потому у него особый случай вышелъ. Не до того ему было.

Разобидѣвшись на Клавдюшку, воротился Преполовенскій къ себѣ домой къ ужину и тутъ въ первый разъ послѣ давешняго съ Антониной встрѣтился. — Ничего они другъ дружкѣ за столомъ не сказали, а какъ поѣли, Антонина въ свою горницу ушла, а Герасимъ Семенычъ — къ себѣ.

«Листокъ» почиталъ, въ карты поупражнялся, изъ подъ низу козыря передергивать и сталъ спать укладываться.

Раздѣлся чинъ-чиномъ. Полежалъ сколько-то, хотѣлъ съ мыслями собраться, а на умъ все Клавдюшка лѣзетъ: какъ это она на креслѣ, перегнувшись, ногами болтаетъ и подвязки подъ колѣнками видать. — Всталъ Герасимъ Семенычъ и, неизвѣстно почему, лампадку задулъ. Обрато на постель забрался, а Антонина ужъ у стѣнки лежитъ.

— И до чего-жъ нынче баба безстыжая пошла! Вѣдь это что жъ такое? По ночамъ ко вдовому бѣгаетъ — и хоть бы что.

— Очень она воображеніемъ распалившись была.

— А онъ какъ?

— Герасимъ Семенычъ признавался мнѣ, что, если бы Антонинѣ другую морду придѣлать, такъ лучшую бабу и найти трудно. Но, между прочимъ, хотя онъ съ ней пухъ изъ перины и выпускалъ, а на мысляхъ держалъ одну Клавдюшку.

Такимъ-то вотъ родомъ прошла Страстная и наступила Пасха.

Преполовенскій къ заутренѣ въ Старый Соборъ отправился, куда и Геликоновы ходили.

На паперти столкнулся онъ съ Тихономъ Тимофѣичемъ. Тотъ его за рукавъ въ сторонку потянулъ, на пару словъ. Обогнули они столы съ куличами и за уголь Собора зашли.

Тихонъ Тимофѣичъ и говоритъ : «справочку-то я получилъ, вчерась подъ вечеръ. Заходите ко мнѣ завтра, такъ часа въ три. Потолкуемъ. Очень забавная исторія оказывается».

Герасимъ Семенычъ, понятно, поинтересовался, какая такая исторія, но Тихонъ Тимофѣичъ прямо руки на него замахалъ.

— «Да что вы, Господь съ вами! Мыслимое ли это дѣло, чтобы у самага храма, передъ Свѣтлой заутренней и, вдругъ, такіе скромные разговоры. Вотъ, завтра ко мнѣ пожалуете, по красному яичку мы съ вами облупимъ, — ну, тогда другое дѣло».

Пришлось дожидаться.

Отошла заутреня, вышелъ Герасимъ Семенычъ передъ обѣдней папироску раскурить на вольномъ воздухѣ, — видитъ: у пугачевской пушки народъ сгрудился. Подошелъ поближе, — прямо толкучка, вродѣ какъ за билетами народъ въ кассу ломится. Оказывается, къ Клавдюшкѣ христосоваться подходятъ. Тутъ тебѣ и женихи, и не женихи. Всѣ домогаются просунуться. А она на пушку пугачевскую оперлась, смѣется — заливается и каждому губы выпячиваетъ. — Тетка Геликоניה подношенія яичныя огребаеть.

Противно стало Преполовенскому отъ подобнаго безобразія, такъ что онъ едва на паперть не плюнулъ и, не ожидая обѣдни, ушелъ домой разговляться.

Слѣдующаго дня насилу дождался. — Сюртукъ новый вычистилъ, Антонину облаялъ за нерадѣніе, дворями хлопнулъ и къ Тихону Тимофѣичу покатилъ подъ горку на своихъ — на двоихъ.

Приходитъ, а тамъ человѣкъ десять у пасхальнаго стола закусывають и племянницы хозяйскія всѣхъ потчуютъ, упрашиваютъ.

А самъ Тихонъ Тимофѣичъ съ кѣмъ-то въ кабинетѣ затворился, по дѣлу, должно, совѣщается.

Дѣлать нечего, сѣлъ за столъ совмѣстно съ другими и болѣе двухъ часовъ своей очереди дождался. — Одинъ уйдетъ, двое другихъ на его мѣсто ввалятся: кто съ поздравленіемъ, кто по дѣлу, кто еще зачѣмъ.

Что вы станете дѣлать, не въ драку же лѣзть?

Племянницы Тихона Тимофѣича — барышни очень даже милovidненькія и столъ отъ яствъ прямо ломится, — однако, до того ли, когда такія обстоятельства у человѣка?

Отъ нетерпѣнія все же сталъ Преполовенскій угощаться чѣмъ попало, что ближе всего къ нему стояло. Сѣлъ коробку шпротовъ съ шафраннымъ куличемъ, потомъ съ полъ шоколадной пасхи умялъ подъ мадеру, потомъ на запеченую въ тѣстѣ утку перешелъ. — Прямо измучился!

Изъ гостей все какіе-то неинтересные были. Старушенка одна, чиновница, все рассказывала про пенсіонъ недоплоченный ей, якобы, по злобѣ начальства. Потомъ купецъ Слюнинъ сталъ хвастать, будто онъ сомовъ присвистывать умѣетъ. — «Какъ, говорить, я зачну его скрозь баранью косточку присвистывать, такъ онъ башку изъ воды высунетъ и глядитъ. Тутъ его, хоть руками хватай, — ему все едино».

Попытался Преполовенскій послѣ утки опять на пасху перейти, но почувствовалъ тошноту и отпрянулъ.

На его счастье, Тихонъ Тимофѣичъ въ это самое время освободился и его къ себѣ въ кабинетъ поманилъ.

Приперъ Герасимъ Семенычъ за собой дверь поплотнѣе, сѣлъ на стулъ и молчитъ отъ волненія.

А Тихонъ Тимофѣичъ сперва въ печкѣ кочергой помѣшалъ, затѣмъ въ окошко посмотрѣлъ, пальцами по стеклу постучалъ и тогда только говоритъ: «такая, батюшка, исторія по справочкѣ моей обнаружилась, что ужъ не знаю, какъ и доложить вамъ. Клавдюшка-то Геликоновская, выходитъ — дѣвочка»...

Герасимъ Семенычъ глаза выпучилъ и не понимаетъ ничего. — «Ка... какъ это, то есть, дѣвочка? Дѣвица женскаго полу?» «То-то, что не дѣвица, а дѣвочка. Вотъ которая по желтому билету. Понимаете?»

Преполовенскій и понимаетъ, и не понимаетъ. — «Какъ же по желтому-то?... Семнадцати годовъ... племянница»...

Тихонъ Тимофѣичъ разъяснилъ: «во-первыхъ, племянница она Геликоновымъ изъ троюродныхъ будетъ, а, во-вторыхъ, семнадцать годочковъ ей только для жениховъ, а въ пачпортѣ явственно проставлено — 22».

У Герасима Семеныча руки - ноги похолодѣли. — «Чего-жъ, говоритъ, теперича будетъ? — Перекалѣчить ихъ всѣхъ и больше ничего!»

Но Тихонъ Тимофѣичъ съ этимъ не согласился и сталъ его отговаривать, — не калѣчить.

— Постойте, да вѣрно ли это насчетъ желтаго-то билетика? — Вѣдь она опосля за подрядчика этого, Фуксина замужь вышла. Нѣтъ ли тутъ ошибочки какой?

— У Тихона Тимофѣича по этой части ошибокекъ не бываетъ. Это ужъ, будьте покойны, какъ въ саняхъ.

— Такъ-такъ-такъ... Конечно, бываетъ, что и на

дѣвочкахъ женятся. — Подрядчикъ-то, слышать, пить шибко сталъ.

— Это мнѣ неизвѣстно. Чего не знаю, того не знаю. А вотъ, Герасима Семеныча судьба мнѣ — какъ на ладошкѣ, потому я при этомъ самолично находился.

— Такъ-такъ-такъ... До чего же бабы эти — народъ сволочной. Чтобы изъ дѣвокъ на порядочныхъ людей накидываться. Какъ же ихъ тутъ не перекалѣчить всѣхъ до единой? — Гдѣ она въ дѣвкахъ-то была?

— Въ городѣ Баку два съ лишкомъ года ходила. Оттуда ее троюродный дядюшка и вызволилъ. Сколько то денегъ своихъ уплатилъ за выправленіе невиннаго пачпорта. — Съ одной стороны, дѣло доброе совершить ему было угодно, а съ другой, — обидно показалось, что на его сродственницѣ посторонніе люди наживаются, а онъ въ дуракахъ.

— Это что и говорить! Кому же такое пріятно? — А Преполовенскій чего же сталъ дѣлать отъ такихъ новостей?

— Кого-жъ такія новости обрадовать могутъ?

Воротился Герасимъ Семенычъ домой въ полнѣйшемъ разстройствѣ. — Антонина ему отперла и шубу хотѣла было принять, но тутъ уже онъ, дѣйствительно, не удержался и душу отвелъ. — Ущемилъ ее за волосы и давай возить по горницѣ. Всю мебель пораскидалъ, лампу голубого стекла съ абажуромъ разбилъ вдребезги, — диванъ керосиномъ залилъ. Потомъ въ спальную заперся и на постель съ сапогами повалился. — Лежить и думаетъ: живъ не буду, а весь Геликоновскій вертепъ расшибу и перекалѣчу! — Одними деньгами перебрали у меня 240 рублей, да съѣстнымъ, да подарками. То мыла душистаго высшаго качества Ралле, то одеколону цвѣточнаго подай, то шелку отрѣзь, то полотно на исподнее. Не щепками за все плачено... На публичную дѣв-

ку такую уйму денегъ стравилъ! Ну, думаетъ, погодите...»

И сталъ придумывать, какъ онъ это придетъ къ Геликоновымъ, будто ровно ничего не знаетъ, какъ заманить ихъ въ непроходную спальную, двери за собой запретъ и начнетъ расправу чинить по-своему, по-настоящему. — «Петрилкѣ — прохвосту сальникъ выпущу ножикомъ кухоннымъ, — прикидываетъ въ умѣ, — Геликониху-стерву въ ретирадѣ утоплю, а Клавдюшку...» Для Клавдюшки, однако, никакой казни подходящей не подобралъ и самъ мнѣ потомъ сознался, что, замѣсто того, стала она представляться ему въ разныхъ соблазнительныхъ картинахъ: то на кровати, то въ купальной, то еще какъ.

До поздней ночи провоображалъ и до того въ мысляхъ распалился, что дверь отперъ, лампадку задулъ и сталъ раздѣваться. Едва успѣлъ раздѣться, какъ избитая Антонина къ нему просунулась и, почитай что, до самого утра пробыла.

День пять промучился такимъ манеромъ Герасимъ Семенычъ, все не рѣшался, какъ ему поступить и что, именно, предпринять. А на шестыя сутки снова къ Тихону Тимофѣичу отправился и прямо ему заявилъ, что относительно желтаго Клавдюшкина билета ему безразлично и что онъ желаетъ на ней жениться безповоротно и незамедлительно.

Тихонъ Тимофѣичъ только руками развелъ. — «Какъ же такъ: то калѣчить хотѣли, а теперча — жениться?»

Преполовенскій молчитъ, въ ноги себѣ устался.

Тихонъ же Тимофѣичъ возьми его, да и обрадуй: «это дѣло, извините, рѣшать слѣдовало вамъ сразу, а сейчасъ малость припоздали, Клавдюшку вашу подрядчику Фуксину отдаютъ».

Герасимъ Семенычъ такъ на стулѣ и подскочилъ. — «Какъ такъ подрядчику? Я капиталъ свой затратилъ, а ее — подрядчику?» — «Подрядчикъ тоже затратилъ и поболѣ вашего». — «А почто же тогда съ меня деньги брали?» — «А почто вы давали? Нешто отъ денегъ кто отказывается?»

Слово за слово, — Преполовенскій рукава сталъ за-сучивать.

Ну, съ Тихономъ Тимофѣичемъ на этотъ счетъ шутки плохи. Кликнулъ онъ своего подручнаго, Ваську Калмыкова и распорядился: «ну-ка, говорить, Вася, припечатай имъ печать молчанія».

Калмыковъ, не говоря худого слова, уцѣпилъ Герасима Семеныча за вихры, да личною объ подставленную колѣнку и хряснулъ. — «Вотъ, говорить, теперча зубки ваши, которые лишніе окажутся, можете сплунуть и ступайте себѣ съ Господомъ».

Вывели его на крылечко, — и шубу, и шапкуворотили вполне даже благородно, и до калитки проводили. Праваго заборчика посовѣтовали придерживаться, чтобы, не приведи Богъ, въ бучило какое не оступиться.

— Такъ, стало быть, и выставили? Шикарно!

— Тихонъ Тимофѣичъ такихъ потребителей не задерживаетъ. Съ Фуксинимъ у нихъ еще допрежъ Преполовенскаго все было предназначено. Думали такъ, что, узнавъ про желтый билетъ, Герасимъ Семенычъ самъ отъ Клавдюшки откажется. Подрядчикъ даже хотѣлъ ему сто рублей отдать въ возмѣщеніе убытковъ. Анъ, дѣло-то вонъ какъ повернулось!

— Такъ онъ ни съ чѣмъ и отѣхалъ?

— А чего же вы станете дѣлать? У Васьки Калмыкова кулакъ на манеръ кузнечнаго молота. Каждому морду-то свою жалко.

— Про морду-то это понятно, а вы вотъ что мнѣ объясните: съ чего это на такую публичную дрянъ народъ-то лѣзъ безъ удержу? Особенность въ ней, что ли, какая была, тѣлесная?

— Надо такъ полагать, что была особенность. Я-то самъ не видалъ, — не пришлось, а женщина мнѣ одна вѣрная сказывала, которая съ Клавдюшкой одна въ банѣ мылась, — «Какъ, говорить, рубашку она скинула, такъ я и обомлѣла: брюхо-то у ней вовсе гладкое, какъ у бѣсовки, вотъ, что изъ плѣсени родится».

— Въ какомъ же смыслѣ, гладкое-то?

— А безъ пупка, стало быть.

— Фу, ты, пакость какая. Не отъ матери, значить, родилась она?

— Нѣтъ, отъ матери и пупокъ-то, собственно у ней имѣлся, только мало примѣтный. Такъ, чутокъ самый, вродѣ отмѣтинки какой, если приглядѣться.

— Такихъ бы дѣвченочъ убивать слѣдовало сразу, отъ соблазна, какъ, напримѣръ, хвостатыхъ младенцевъ и тому подобную нечисть.

— Нынче говорятъ, что это не болѣе, какъ суевѣріе.

— Ну, ужъ вы меня извините, а ежели дѣвченка безъ пупка родится или, скажемъ, ноги чешуей рыбьей покрыты, то такого младенца даже не всякій попъ крестить станеть, потому купель можно запоганить.

— Да, оно конечно, рискъ есть... А все-таки...

— Да вѣдь сами видите: чего-жъ хорошаго отъ этой Клавдюшки гулящей вышло? — Мужъ, слышно, мертвую пьетъ, Преполовенскому, вонъ, морду говоритъ, разбили... А интендантскій регистраторъ какъ?

— Регистраторъ подъ судъ и слѣдствіе угодилъ. Большой просчетъ у него въ вѣдомостяхъ обнаружился.

— Такъ я и думалъ! Ужъ при подобныхъ обстоятельствахъ добра ждать не приходится. Безпупковая

дѣвка хуже настоящей вѣдьмы: соблазну отъ нея больше. — А Преполовенскій отъ печати молчанія умолкъ или не вполне?

— Спервоначально вовсе тихій ходилъ, какъ песь ошпаренный. — Тутъ лѣтнія каникулы подошли и засѣлъ онъ дома сиднемъ. Даже въ церковь рѣдко ходилъ. То крысоловки изъ проволоки мастерилъ, да крысъ подъ печкой палилъ, — у нихъ крысъ этихъ видимо-невидимо; то щеглятамъ языки подрѣзаль для пріученія къ соловьиному пѣнію; то еще чѣмъ полезнымъ по дому занимался.

Съ Антониной у него такое положеніе установилось: разъ въ недѣлю билъ ее непременно, потому отъ домашняго грѣха не схоронишься. Къ бою Антонина привыкла, пообтерпѣлась и никакихъ претензій не заявляла. Только когда возилъ ее какъ-то Преполовенскій за волосы по горницамъ и сапогомъ подправлялъ, попросила она въ животъ ее не шибко бить, потому было у ней сомнѣніе, не тяжелая ли она.

Герасимъ Семенычъ мараться не сталъ и возмездіе пріостановилъ, но обратился за провѣркой факта къ повитухѣ.

Фактъ оказался въ наличности и даже на пятомъ мѣсяцѣ.

— Она, подлюга, къ этому самому и подводила! Ей бы только расплодиться! — Ну, до чего же бабы эти вредныя нынче пошли! Замѣсто того, чтобы бородавки свои замаливать, вонъ, она какую штуку замыслила. — А онъ что же предпринялъ въ этомъ случаѣ?

— Да что-жъ вы тутъ предпринять сможете? — Конечно, кому такое пріятнымъ покажется? Неизвѣстно еще, что отъ такой матери отродиться можетъ. Коли въ шерсти, на примѣръ, младенецъ окажется, такъ его, поди, и въ воспитательный опредѣлить невозможно.

— Такихъ ни по чемъ не берутъ! И говорить нечего!

— То-то, я и говорю, что, окромя срама, тутъ по-ложительно ждать нечего было. Однако, Герасимъ Семенычъ сердце скрѣпилъ и даже бить ее сталъ умѣреннѣе. Ногами остерегался трогать, чтобы въ отвѣтъ не оказаться.

Такимъ-то родомъ еще около двухъ мѣсяцевъ прошло. — Клавдюшка-то, надо вамъ замѣтить, исключительно благодаря содѣйствію Тихона Тимофѣича и замужъ вышла. Говорили тогда у насъ, что Фуксинъ за это 500 цѣлковыхъ свату отслюнилъ. Тихонъ Тимофѣичъ будто какую-то подковырочку противъ Геликонова имѣлъ и Клавдюшкиной судьбой могъ распоряжаться по усмотрѣнію.

— А не побывала ли невѣста еще до вѣнца у самого Тихона Тимофѣича.

— Возможно, что и такъ. Слухъ, дѣйствительно, такой былъ, но настояще мнѣ неизвѣстно.

Свадьбу справили на-спѣхъ и не въ городѣ, а въ селѣ, во избѣжаніе скандаловъ. А послѣ вѣнца молодые прямо на пароходъ погрузились и въ Сызрань уѣхали. Тамъ подрядчикъ работу по путейскому вѣдомству получилъ.

Въ концѣ сентября должны были Фуксины обратно воротиться и Геликоновъ квартирку имъ присмотрѣлъ невдалекѣ отъ своего дома.

Такъ недѣли за двѣ до пріѣзда Фуксиныхъ, ловилъ Герасимъ Семенычъ рыбу у насъ въ затонѣ.

На утренней зарѣ, стало быть, выѣхалъ онъ на лодочкѣ. На якорь по теченію сталъ и давай закидывать удочки, крючковъ на восемь каждую. Клевъ былъ богатый: едва поспѣвалъ тащить, да подсачивать.

Язей штукъ пять зацѣпилъ, да подлещиковъ. И даже какъ-то бокомъ ухитрилась на крючекъ стерлядка

небольшая наскочить, порціонная. Случай, прямо сказать, рѣдкій и, какъ у насъ признается, не къ добру. Такъ оно и оказалось.

Денекъ выдался пасмурный и воскресный къ тому же. Солнце чуть выглянуло и сейчасъ же тучами укрылось, а часамъ къ семи дождичекъ началъ моросить, по-осеннему. — Самое рыбное время.

Не успѣтъ Герасимъ Семенычъ одну удочку закинуть, какъ другую рвать начинаетъ. Подсачить язька какого увертливаго или подлещика лобастаго, — первая удочка струной натянется и въ сторону поведетъ... Опять, значитъ, тащи.

Умаялся Преполовенскій окончательно, вспотѣлъ, какъ мышъ, рожу всю давленными червями перепачкалъ и едва духъ переводить. — Надо, думаетъ, шабашить, да во-свояси пробираться.

Закинулъ въ послѣдній разъ, — ловко такъ пришлось, — саженой на десять размахнулся. Насадку сдѣлалъ на этотъ разъ особенную: шесть нижнихъ крючковъ съ обыкновеннымъ краснымъ червемъ навознымъ, густо проплеваннымъ, а два верхнихъ крючка рѣшилъ на этотъ разъ пустить подъ баклешку. Двѣ маленькихъ баклешки живьемъ подъ спинной плавничекъ прицѣпилъ. Дескать, не ровень часъ, щука какая ухватитъ по-верху. И крючки были не на жилкахъ, а на струнѣ.

Не успѣлъ онъ закинуть, да на палецъ лесу наматать для слуха, — какъ рванетъ... Ажно лодку качнуло. — Подсѣкъ, не помня себя, и сталъ выбирать. Натянуло и крутить. Тяжело идетъ, точно утопленникъ. И въ стороны не дергаетъ, а все болѣе назадъ мотаетъ. — По всѣмъ признакамъ жерехъ фунтовъ на десять.

Намоталъ Герасимъ Семенычъ болѣе полъ лесы на уключину, сачекъ изготовилъ и сталъ къ самому борту лодки подводить. Глазами видать, какъ онъ въ водѣ

хвостомъ орудуеть. Жабры раздуваетъ, боцищи пятнистые напруживаетъ. — Жерехъ форменный, матерый. Зубищи такіе, что палець съ костью отхватить, какъ бритвой.

Изловчился Герасимъ Семенычъ, вывелъ башку жереха на поверхность, да сачкомъ его — р-разъ съ подь низу!

Нижній крючекъ за бортъ зацѣпился, однако жереха онъ въ лодку брякнулъ. Изъ сачка онъ выпростался и подь банкой колотится. Хотѣлъ Герасимъ Семенычъ его оловяннымъ черпакомъ оглушить, да промахнулся. Жерехъ изъ подь банки, какъ прыснетъ: хвостомъ по мордѣ смазалъ и за бортъ — бултыхъ...

Искры изъ глазъ у Преполовенскаго посыпались. Мало-мало самъ за нимъ въ воду не нырнулъ.

Кому ни доведись такой случай, — на цѣльный годъ памятенъ будетъ: отъ досады сердце не успокоится.

Бросилъ Герасимъ Семенычъ въ лодку удочки несмотранныя; камень трехъ-пудовый, что замѣсто якоря былъ, даже и выбирать не сталъ, а просто снасть сѣкачемъ отхватилъ и пошла лодка по теченію самотекомъ, — только однимъ весломъ подгребай.

Подгребаеть Герасимъ Семенычъ, а души въ немъ нѣту. — Этакого жереха въ рукахъ держалъ и не удержалъ. Кажется, и пережить такое невозможно.

Анъ, худшее-то еще впереди было.

Подъ самый свой огородъ подплылъ, лодку на пещокъ вытащилъ, уловъ изъ чеченки на куканъ нанизалъ и пошелъ въ гору взбираться. Рыбы фунтовъ болѣе 15-ти волочить, ажно руку бичевкой рѣжетъ, а никакого удовольствія не чувствуетъ. Глаза бы его не смотрѣли на этихъ язишекъ, да подлещиковъ.

Антонина во дворѣ его встрѣтила. Какъ рыбы столь-

ко увидала, руками всплеснула. — «Батюшки, кричить, уха-то какая будеть!»

У Герасима Семеныча такъ сердце и переверотилось. Размахнулся онъ, да рыбьими хвостами по бородавкамъ ее и хляснулъ со всего маху. — «У-у, ты, анафема проклятущая».

Обѣдать въ тотъ день не сталъ, а прямо спать завалился и проспалъ до вечера.

Проснулся отъ того, что очень подъ правымъ глазомъ чесалось. Потерь кулакомъ, пальцами пощупалъ, — вродѣ какъ кожу ссадилъ. Умылся съ мыломъ и, будто, полегче стало.

На другой день на службу пошелъ. Банку чернилъ на казенныя бумаги вывернулъ. Пришлось до пяти часовъ сидѣть, переписывать. Подъ глазомъ, говорилъ, хоть и чесалось еще, но не очень. За дѣломъ-то незамѣтно.

Учитель чистописанія, грекъ Кандопуло, увидѣвъ на столѣ чернильное наводненіе, сказалъ ему: «это отъ того, что вы съ кошками дрались».

Преполовенскій ненавидѣлъ Кандопулу за то, что писалъ тотъ много лучше его любимъ шрифтомъ. Ничего греку онъ не отвѣтилъ, только выругался про себя, по-матерному.

Еще нѣсколько дней прошло, а болячка подъ глазомъ все не проходитъ: то чешется, то жжетъ и никакія примочки не помогаютъ.

Фелшаръ Заведѣевъ мазь прописалъ, но отъ нея еще хуже стало и даже глазъ припухъ, какъ отъ пчелинаго укуса.

Потомъ само по себѣ проходитъ стало; красное вздутіе хоть еще и осталось, но ужъ больше не болѣло. Преполовенскій успокоился.

А тутъ какъ разъ Клавдюшка съ мужемъ назадъ во-

ротилась изъ Сызрани и Герасимъ Семенычъ собственными глазами увидалъ ее въ «Липкахъ», на гуляньѣ.

Какъ увидалъ, такъ все прежнее и поднялось. Еще лучше она ему показалась. Издалека за ней подсматривалъ, а подойти поздороваться не рѣшился.

Подрядчикъ окончательно раздобрѣлъ, рожа виномъ налилась, того и гляди, лопнетъ. Ржалъ на всѣ «Липки» и жену по спинѣ хлопалъ. Дескать, вотъ у меня баба какая, первосортная.

Герасимъ Семенычъ только кулаки въ карманахъ сжималъ.

Проводилъ онъ Фуксиныхъ до-дому, сзади за ними крался. А потомъ — прямо въ трактиръ и первый разъ въ жизни напился до безчувствія. А утромъ очнулся на задахъ трактира, въ канавѣ, куда помои выплескивали.

Съ этого загула ровно что въ немъ перевернулось и владѣніе надъ собой онъ потерялъ.

На службѣ больнымъ сказался и цѣльными днями, либо Клавдюшку выслѣживалъ, либо по дому шатался, какъ неприкаянный.

Даже съ лица Герасимъ Семенычъ спалъ и на мысляхъ у него, видать, неспокойно было. Въ глаза никому не смотрѣлъ и всѣхъ сторонился.

Какъ-то укараулилъ онъ Клавдюшку въ тѣхъ же «Липкахъ» и разговоръ рѣшительный у нихъ вышелъ. Заявила она Герасиму Семенычу, чтобы глупости эти онъ оставилъ. — «Я, говорить, мужняя жена, а не какаянибудь».

Преполовенскій, однако, съ такимъ соображеніемъ не согласился и открылъ ей, что сердечный пламень въ немъ — неугасимъ и своего онъ все едино добьется. А Клавдюшка на смѣхъ его подняла. — «Ужли-жь, говорить, Герасимъ Семенычъ, вамъ своихъ домашнихъ

бородавочекъ недостаточно? Аль вы рассчитываете на другихъ ихъ распространить?»

Преполовенскаго въ жаръ кинуло. — «Какъ это, то есть, распространить?» — «А вотъ, говорить она, какъ вы на самого себя ихъ распространили. — Да вы дурачкомъ-то не прикидывайтесь! Подъ глазомъ, чай, у себя видѣли украшеніе?»

Герасимъ Семенычъ рукой за лицо схватился, а подъ пальцами она самая и сидитъ, на содранномъ мѣстѣ.

Побѣгъ онъ домой, себя не помня, и прямо къ зеркалу. — Бородавка форменная, какъ есть, какъ у Антонины: красная, наливчатая и съ хорошую горошину ростомъ.

Какъ увидѣлъ это Герасимъ Семенычъ, такъ ума рѣшился: руки-ноги похолодѣли, въ потъ его бросило, а зеркало на полъ упало, — на мелкіе осколки разлетѣлось. Явно къ покойнику.

Цѣльную ночь глазъ сомкнуть не могъ. Полежить, полежить, да и пощупаетъ подъ глазомъ: тутъ ли она? Какъ ущупаетъ, вскочить съ постели и, ну, по горницѣ метаться, какъ полоумный.

— Стало быть, бородавка-то на него съ Антонины перескочила?

— Да, какъ вамъ сказать: докторъ одинъ говорилъ, что, будто, это скорѣе отъ червей, которыми рыбу ловятъ. Только вѣдь всю жизнь онъ рыбу на червей ловилъ и — ничего, а тутъ, какъ разъ, и бородавки пошли.

— Отъ нея это, отъ подлюги. Какое же сомнѣніе? Такихъ бородавчатыхъ — истреблять бы по-настоящему, какъ собакъ бѣшеныхъ. А то, что же это такое?

— Да она сама и истребилась тогда же.

— Совѣсть, значить, замучила?

— Относительно совѣсти не знаю, а случилось это такимъ манеромъ.

На другой день послѣ обнаруженія бородавки, вышелъ Герасимъ Семенычъ изъ дому спозаранку. И чаю не попилъ. Въ отсутствіи пробылъ недолго и чего-то въ бумажкѣ принесъ.

Не заходя въ домъ, прямо прошелъ въ сарайчикъ, откуда лазъ былъ въ ту погребницу, — и началъ съ трапомъ мудрить. Изъ бумажки новыя желѣзныя петли вынулъ и сталъ замѣсто старыхъ привинчивать. — При старыхъ петляхъ люкъ въ погребницу до отказа не откидывался, а стоймя держался; при новыхъ же неудобство это онъ усовершенствовалъ и люкъ сталъ откидываться, какъ угодно.

И почему именно пришло ему въ голову петли эти мѣнять, сказать вамъ не сумѣю, а только работу онъ справилъ аккуратно, старыя петли въ карманъ сунулъ, а новыя изъ пузыречка смазалъ. Хотѣлось, должно, лакомъ покрыть или олифой, да, замѣсто того, кислотой какой-то прошелся, такъ что онѣ моментально ржавчиной покрылись, — отъ старыхъ не отличить. Ошибся, значить, человекъ по неосмотрительности.

Да-а... Такъ вотъ какія дѣла бываютъ...

— Такъ-такъ-такъ... Это бываетъ, что пузыречкомъ ошибаются. Я тоже одинъ разъ замѣсто водки, да укуса тяпнулъ изъ горлышка: бутылкой обознался.

— Да-съ, такимъ же вотъ родомъ и Герасимъ Семенычъ... Замѣсто олифы, да кислотой ахнулъ.

Покончилъ съ петлями — въ погребницу спустился, еще чего-то тамъ орудовалъ. Кадушки, что ли, какія ворочалъ. Обрато вылѣзъ вовсе умаявшись и горшокъ квашенаго молока зачѣмъ-то вынесъ. Да когда изъ погребницы вылѣзалъ, надо думать, споткнулся и молоко

расплескалъ, — въ аккуратъ съ того боку, что насупротивъ входной деври.

Туть Антонина на дворъ чего-то вышла. Герасимъ Семенычъ завидѣлъ ее и закричалъ: «Антонина, а, Антонина... Подь-ка сюды...» — Можетъ, тряпку хотѣлъ спросить, разлитое молоко подтереть. Да спросить ничего не успѣлъ.

Она въ сарайчикъ кинулась, со свѣта въ потемки. Люка открытаго не замѣтила, да нога еще, вѣрно, на молоко осклизнулась... Тяжелая, съ брюхомъ-то! Со всего маху въ погребницу загрохотала — не ахнула!

При старыхъ петляхъ, когда трапъ стоямя торчалъ, она-бъ еще руками могла зацѣпиться, а при новыхъ — ей и ухватиться было не за что.

— Ахъ, ты, сдѣлай милость, какая исторія... Осклизнулась, значить, по неосмотрительности... Такъ - такъ - такъ.

— Вотъ именно, по неосмотрительности. Тогда говорили у насъ, по злобѣ на Преполовенскаго, будто это онъ самъ Антонину въ погребницу спихнулъ. — Только, гдѣ же самъ-то? — Свидѣтели всему этому были: и Грунька изъ кухни видѣла, и щикатуръ одинъ который на дворѣ работалъ. Обои въ одинъ голосъ показали, что Герасимъ Семенычъ совершенно въ другомъ концѣ сарайчика находился, когда Антонина въ погребницу влетѣла. — «Руками, говорятъ, взмахнула и покатила. Только ее и видѣли».

— Это дѣло ясное. Нешто долго бабѣ тяжелой оступиться? Тяжелую бабу брюхо, куда-угодно, перетянуть можетъ.

— То-то я и говорю... Еще у ней съ глазами чего-то было. Какъ со свѣту въ темь, бывало, войдетъ, — такъ ровно филинъ слѣпой. Потомъ присмотрится и ничего;

а первое время, ни Боже мой, не видить. Не то что люкъ какой, а человѣка съ ногъ сшибить могла.

— Куриная слѣпота, стало быть у ней была?

— Вотъ-вотъ, въ этомъ родѣ.

— Ну, а какъ же изъ погребницы-то ее выволокли? Жива еще была или померши?

— Живая. Расшиблась только здорово и ногу пополамъ сломала. Кричала сперва, когда ее тащили, а потомъ затихла и роды начались преждевременные. — До вечера промучилась, а въ 9 часовъ мертваго младенца выкинула и преставилась. — Синяя въ гробу-то лежала, узнать нельзя.

— Съ такихъ дѣловъ не мудрено и посинѣть. — Ничего передъ смертью-то не говорила?

— Говорила...

— Что-жъ говорила-то?

— Да созналась, что это она сама. Чтобы ни на кого не подумали. — Потомъ попросила оставить ее съ Герасимъ Семенычемъ. Долго смотрѣла на него, а послѣ сказала тихимъ голосомъ: «ребеночка-то жалко мнѣ очень. Невинный онъ...».

И болѣе ничего не говорила.

— Пожалѣла, значитъ, младенца своего? — А какъ вы, напримѣръ, полагаете насчетъ этихъ, которые незаконнорожденные?

— Да, вѣдь, какъ вамъ сказать... Съ одной стороны, какъ будто, и непричинны они, а съ другой — незаконнорожденные, то есть, отъ законнорожденныхъ, должны быть чѣмъ-либо отличимы.

— Такихъ бы клеймить слѣдовало, — вотъ какъ въ старину воровъ каленымъ желѣзомъ клеймили для отличія.

— Мудреное это дѣло.

— Чего-жъ мудренаго? Накалилъ клеймо до красна, да и притиснулъ ко лбу, чтобы зашипѣло.

— Мастеровъ заплечныхъ много понадобится, на всю-то Россію. Для казны расходно очень.

— Не такъ ужъ много.

— Какъ же немного-то? Вонъ у насъ слободку Мо-настырскую всю поголовно переклеймить придется. А въ ней 84 двора. Да такъ, по улицамъ сколько такихъ бѣгаетъ, что ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца.

— Да, положимъ что, добра этого у насъ достаточно. Ничего не скажешь. А все почему? — Бабы очень теперь обезстыжали. Не то что холостому или вдовому, а и женатому-то человѣку отъ нихъ дѣваться некуда. — Сегодня, скажемъ, она тебѣ подвернется, да завтра под-сунется, — ну, а послѣзавтра и шаркнешь ее ненарокомъ. Живой человѣкъ тоже, не изъ ваты.

— Это правильно. Извѣстно, не изъ ваты.

— Ну, а какъ же Преполовенскій-то послѣ этого случая?

— Ужъ не знаю, какъ и сказать... Первое время, какъ свояченицу схоронилъ, вродѣ какъ почугунѣвшій ходилъ. Клавдюшка, видимо, его отпустила, потому ин-тересоваться ею пересталъ. А послѣ сорокового дня — опять за старое.

— А Клавдюшка?

— Ни Боже мой, ни подъ какимъ видомъ. Очень опасалась, чтобы бородавки на нее не перескочили.

— А съ другими гуляла?

— Тогда она еще только начинала отъ мужа погу-ливать, остерегалась. — Такъ, кой-когда зайдетъ съ ко-торымъ въ номера, чаю попить. Но относительно Пре-половенскаго и слышать не хотѣла. Большія деньги онъ ей сулилъ, а она отвергла. — «Ни за какой, говорить,

капиталь я не согласна бородавками обрасти. Какъ вамъ будетъ угодно, Герасимъ Семенычъ, а только я не согласна. Ищите себѣ другую дуру».

Тогда Преполовенскій замыслилъ взять ее силой и даже троихъ пріятелей подговорилъ на увозъ Клавдюшки, но дѣло это не состоялось по независящимъ обстоятельствамъ.

Однажды ночью, ворочался Преполовенскій домой изъ города, да въ Шуровскомъ оврагѣ какіе-то жулики на него и наскочили. Такъ избили, что онъ едва-едва утромъ до дому доползъ. Три недѣли провалялся, а, какъ только всталъ, моментально принялся хлопотать о переводѣ въ Пензу. — Про Клавдюшку болѣе и разговора не было.

— Отшибло охоту?

— Въ этомъ родѣ.

— А кто же тѣхъ жуликовъ на Преполовенскаго напустилъ? Не слышали?

— Не знаю, право. Кто говорилъ, будто Тихонъ Тимофѣичъ — это, а кто подрядчика Фуксина имѣлъ въ виду. Не разберешь.

— Дѣло, понятно, темное. — Ну-съ, а скажите мнѣ, сдѣлайте милость, въ какіе, напримѣръ, номера Клавдюшка отъ мужа бѣгаетъ? Не къ Пузину, случайно?

— Нѣтъ, Пузинскіе номера ей не годятся. Она — только въ «Гигіену». Знаете: номера «Гигіена», что на Московской улицѣ.

— Какъ же, случалось и тамъ бывать, когда съ порядочной какой дамочкой. Въ третьемъ номерѣ у нихъ піанино для желающихъ.

— Вотъ-вотъ.

— А какъ же Клавдюшку вызывать? Въ телефонъ или еще какъ?

— По телефону она не ходитъ, а ее надо въ кассѣ

спрашивать. Она тамъ за Эльвиру извѣстна. Такъ прямо и слѣдуетъ требовать: мамзель Эльвиру. — Они ужъ знаютъ.

— Поди, синенькую ей отдать придется?

— Этого ужъ не могу знать, потому не приходилось. А вы нешто думаете того...

— Да нѣтъ. Я это такъ, на всякій случай. Думаю, отчего же и не спросить изъ любознательности.

ГЕРБОВАЯ ПУГОВИЦА

Изъ практики Тихона Тимофѣича.

Разсказъ Василія Калмыкова.

Былъ у насъ купчишка одинъ немудрящій, по фамиліи Четыркинъ, Иванъ Захарычъ. На билліардѣ онъ, дѣйствительно, ловко стучалъ, въ первѣющихъ игрокахъ числился, такъ что съ нимъ, окромя пріѣзжихъ, и играть больше никто не хотѣлъ; ну, а насчетъ коммерціи какой, положительно, былъ нукудышній.

Главное дѣло, соображенія у него настоящаго не было по торговой части.

Купить онъ, скажемъ, дровъ въ компаніи по хорошей цѣнѣ. Компаньоны его, какъ водится, дрова сложать, обмѣрять и продаютъ себѣ по-маленьку. Четыркинъ же обязательно что-нибудь да перемудритъ. То аршинное полѣно пополамъ перерѣжетъ, такъ что никому въ печку его класть неинтересно; то полѣнницы съ походцемъ выложитъ, въ расчетѣ, значить, на дурака; то цѣнъ особенныхъ выжидаетъ.

Пріятели его давно уже все распродадутъ и тысячъ по восемь въ карманы уберутъ, а Иванъ Захарычъ, гляди, своихъ не досчитываетъ. И такъ въ каждомъ дѣлѣ.

Помню, какъ то люминацію онъ задумалъ устроить по случаю царскаго дня. Почему, напимѣрь, и не устроить люминацію, если съ разумомъ. — Налей сала въ плошки, фителечки пеньковые заправь и люминуйся, сдѣлай милость. Расходу всего гривенъ на шесть будетъ, а копоти въ квартирѣ рублей на 12 напустишь. — И начальство за рвеніе тебя похвалитъ, потому престоль-отечество, и самому не обидно на шесть гривенъ расшибиться. Ну, а Четыркинъ нешто можетъ за людьми?

Выставилъ огромнющія козлы передъ домомъ, на нихъ бочку съ подъ цементу водрузилъ и, давай, ее заряжать. Пакли со смолой наклалъ, пороху зарядъ подсыпалъ и все соломой обмоталъ для прочности.

Народу со всѣхъ переулковъ набѣжало: гомонъ, давка.

— У Четыркиныхъ, — кричатъ, — фиверки пушаютъ!

Подпалили бочку, — пламя выше крыши полыхнуло, искры дождемъ во всѣ стороны выбрасываетъ.

Народъ ура кричитъ, а Иванъ Захарычъ на крылечкѣ стоитъ въ новой поддевкѣ и бороду оглаживчетъ.

Догорѣла эта самая бочка такимъ манеромъ до порохового заряда, — да какъ ахнетъ! Козлы рухнули, горящую паклю чортъ-е куда взметнуло, а зрители такъ и посыпались съ заборовъ, какъ горохъ изъ корыта.

Кого подавили, кого подпалили, а кто самъ по себѣ расшибся.

Горящую паклю по всему околodку разнесло, въ пяти мѣстахъ крыши занимались, — едва залили.

Полиція люминацію эту, само собой, запротоколила; у Четыркиныхъ стекла камнями вышибли и дерьма въ горницы накидали.

И вышло, что у кого день табельный и съ праздни-

комъ поздравляютъ, а Четыркина по-матери кроютъ, да къ мировому тянутъ.

Люминація-то эта ему, можетъ, рублей въ триста въѣхала, а то и поболѣ того.

Въ семейной жизни у нихъ тоже не заладилось. Жену Иванъ Захарычъ взялъ себѣ дальнюю, изъ Олонецкой, что ли, губерніи; и женщина попалась ничего, смиренная, тихая и къ порядку привыкшая. Да вотъ насчетъ православнаго христіанства маленечко не доглядели. Въ церкву она, правду сказать, ходила, — хоть и не часто; и говѣла, и посты блюла, и съ попадьей большія онѣ пріятельницы были, а иной разъ, вдругъ, и найдетъ на нее: золы изъ подъ плиты наскребеть, свѣчечку какую-то тоненькую, да пахучую закуритъ и, давай, бормотать чего-то непонятное. Побормочетъ, свѣчечкой покадитъ, золой покропитъ и опять ничего, — ходитъ, какъ миленькая.

Изъ старовѣрокъ ли какихъ она была или такъ, монголка какая, — не сумѣю сказать настояще, но ничего подѣлать съ ней было невозможно. Иногда годъ цѣлый она крѣпится, а потомъ, ни съ того, ни съ сего, возьметъ и покадитъ свѣчечкой.

Можетъ, отъ этого самаго и наслѣдникъ-отъ родился у нихъ нѣмой. А три дѣвочки очень даже миленькія выровнялись, — погодочки, одна въ одну. Старшая, Любочка, особенно пышно распустилась къ семнадцатому году.

Мать, хоть и съ кадилынымъ заскокомъ, а за дѣтьми пристально наблюдала.

Ну, нѣмой-то мало чѣмъ отъ скотины отличался, — мычалъ только, а за дѣвками по нашимъ мѣстамъ очень даже смотрѣтъ приходилось. Про барышень же

Четыркиныхъ никакихъ анекдотовъ не было слышно.

А на дѣлѣ-то, вонъ, оно что вышло.

Вотъ, какъ то лѣтомъ, — сирень уже давно отцвѣла по садамъ и жасминомъ запахло, яблочки сокомъ налигаться стали, — барышни Четыркины отпросились у матери въ Липки, на гулянье.

Двѣ младшенькія синія платья надѣли, а Любочка, почему-то, въ бордовомъ вышла.

Мать ее остановила:

— Ты чего это вырядилась-то сестрамъ не въ масть?

— Мнѣ, — говоритъ, — синій цвѣтъ не къ лицу.

— Здравствуйте, все былъ къ лицу, а теперича отъ лица отсталъ. Ты у меня фокусовъ не выдумывай!

— Да на синемъ, маменька, и пуговицы всѣ поотлетали.

— Пришей, — на то тебѣ и руки дадены.

Ослушаться Любочка не посмѣла и пошла переодѣваться.

Вечеромъ съ гулянья пришли и сразу ужинать подали. Младшія сестры въ чемъ были за столъ сѣли, а Любочка платье мѣнять вздумала.

— Садись такъ, — мать ей говоритъ, — потомъ перемѣнишься.

— Да я въ одну минуточку, маменька.

Мать не вытерпѣла и прикрикнула:

— Да что ты мнѣ все наперекоръ наровишь? Садись, какъ велятъ и ѣшь!

Любочка сѣла, но, едва двѣ ложки лапши проглотила, какъ въ лицѣ перемѣнилась, хотѣла встать, да замѣсто того со стула накренилась и грохнулась на полъ.

Ну, понятно, всѣ перепугались, съ мѣстъ своихъ повскакали, Любочку на постель снесли. Кто водой прыскаетъ, кто корсетъ распускаетъ.

Глядятъ, а подъ корсетомъ-то у нея животъ туго-на-туго ремешкомъ перетянутъ, ажно вокругъ кожа посинѣла.

Мать, какъ это увидѣла, такъ на полъ и покатилась.

Побѣгли за самимъ, къ акушеркѣ послали. — Толкуются всѣ безъ толку, кто съ чѣмъ лѣзеть, — только путають.

«Охъ-охъ, ахъ-ахъ»...

А дѣвочка-то на восьмомъ мѣсяцѣ.

Акушерка такъ прямо и выразилась:

— Извините, — говоритъ, — но беременность самая нормальная.

Отца изъ портерной подъ руки привели, — до того человекъ сраженъ былъ. По началу даже и бить дочь не въ силахъ былъ. Только все повторялъ:

— Господи, Царица Небесная, да съ чего-жь это такое?

Только, можетъ, за полночь Любочку къ допросу потребовали.

— Съ кѣмъ, стерва, спуталась? Говори.

Молчить.

— Говори лучше добромъ, не вводи отца съ матерью въ грѣхъ.

Молчить.

— А, такъ ты такъ...

Зачали учить. Мать по щекамъ хлещетъ, пока не притомится, потомъ отецъ за волосы принимается таскать.

Подтяжки новыя Четыркинъ объ дочь размочалилъ вдребезги, плетенку камышевую, чѣмъ ковры выколачивають, отхлестали въ чистую, — одна ручка осталась.

А она все молчить и больше ничего. Зубки стиснула, глазки перекосила и молчить.

Уже свѣтать стало, когда допросъ прекратили временно.

Иванъ Захарычъ выпилъ два ковшика ледяного квасу и сталъ думать.

Что вы станете дѣлать? — О такомъ дѣлѣ даже и посовѣтываться-то съ постороннимъ человѣкомъ зазорно, потому засмѣютъ и ославятъ въ одинъ моментъ. Чего добраго и другихъ дочерей замужъ никто не возьметъ изъ блуднаго дома.

И какъ это только случиться могло, когда глазъ съ нея не сводили: иначе, какъ съ матерью, либо съ сестрами и со двора-то не ходила. А въ дому она опять же на глазахъ вертѣлась.

Да и домашнихъ мужчинъ-то подходящихъ нѣту. Старшій приказчикъ — человѣкъ семейный, богобоязненный, старый; дворникъ — калѣка безногий и съ прачкой сосѣдней живетъ въ любви и согласіи; а болѣе и нѣтъ никого, окромя мальченки Сеньки, по тринадцатому году, да брата нѣмого — юрода.

— Но обидчика, — думаетъ Четыркинъ, — я допытаюсь. Живымъ не буду, а стрекулиста того получу въ свои руки.

Но какъ получить-то?

Въ восьмомъ часу утра рѣшилъ Иванъ Захарычъ ѣхать къ Тихону Тимофѣичу, потому окромя дѣваться было некуда.

Какъ разъ объ эту пору у Тихона Тимофѣича съ дѣлами посвободнѣе было: въ жару-то человѣку и на цѣлковый замахнутья лѣнь.

За то для любителя въ огородѣ покопаться, либо рыбку половить — самое настоящее время подошло.

Тихонъ Тимофѣичъ къ занятіямъ этимъ большое

пристрастіе чувствовалъ. У нихъ съ одной сельско-хозяйственной выставки золотая медаль въ рамкѣ на стѣнѣ висѣла, за усердіе въ произрастаніи злаковъ.

Четыркинъ прямо въ огородъ прошелъ и тамъ на скамеечкѣ, подъ акаціей они обо всемъ и переговорили.

Началъ Иванъ Захарычъ, понятно, издалека, что, молъ, вотъ въ нонѣшнее лѣто подсолнухъ, слыхать, весь въ листь пошелъ, такъ что на маслбойкѣ у Зазыкина даже половину рабочихъ разсчитали.

Тихонъ Тимофѣичъ, хотъ и понимаютъ прекрасно, что не въ подсолнухахъ тутъ дѣло, однако, виду не подаютъ.

— Что подѣлаешь? И надъ подсолнухомъ Божья воля.

— А вотъ въ третьемъ годѣ Лобовы двадцать десятинъ макомъ засѣяли, — такъ, будто, вовсе ничего не уродилось.

— Это обязательно отъ сѣмянъ: маковое сѣмя отъ мороза шелушится.

— А какъ вы, Тихонъ Тимофѣичъ, на щуку еще не ѣздили?

— Нѣтъ, на щуку еще рано.

— Такъ, такъ, такъ... А я вѣдь, между прочимъ, по дѣлу васъ обезпокоилъ: мнѣ бы поговорить гдѣ по тайности.

— Да вы, Иванъ Захарычъ, тутъ и говорите, потому мѣсто здѣсь самое тайное. Окромя, вонъ, энтихъ огурцовъ и слушать некому.

Четыркинъ оглянулся во всѣ стороны и въ полъ голоса говорить:

— О чемъ, бишь, это я... Да, Любку-то мою, вѣдь, того...

— Да что вы?

— Вѣрное слово! Какъ есть на восьмомъ мѣсяцѣ.

— Ахъ, Ты, Господи, грѣхъ-отъ какой... Не устерегли, стало быть? Да оно и то сказать: барышня Любовь Ивановна у васъ въ самой порѣ была, собой такая милостивенькая.

— Главное дѣло и кобеля-то никакого возлѣ не крутилось. Съ дѣвченокъ глазъ не спускали. Ума я не приложу, Тихонъ Тимофѣичъ, съ чего это и быть могло? Какъ вѣтромъ надуло, ей-Богу!

Тихонъ Тимофѣичъ головой покачалъ сомнительно.

— Вѣтеръ тотъ обязательно на двухъ ногахъ и въ брюкахъ ходить, Иванъ Захарычъ. Любовь-то Ивановна, стало быть, не признаются?

— Ни Боже мой! Подтяжки новыя вчерась объ нее, стерву, въ расходъ вывелъ. Жена нынче проснулась, — рукой правой не владѣеть! — А она, паскуда, хоть бы пикнула. Какъ рыба!

— Это такъ-съ. — Дѣвичье дѣло извѣстное! — Въ крайнемъ случаѣ, можно и безъ нихъ обойтись.

— Яви Божескую милость, Тихонъ Тимофѣичъ, постарайся! По гробъ жизни не забуду! Никакихъ денегъ не пожалѣю! Мнѣ бы злодѣя-то выяснить, — башку бы ему, сѹкину сыну, отмотать. — Обидно вѣдь... Ни за что дѣвченку испортилъ, анафема.

Тихонъ Тимофѣичъ, конечно, успокоили и обнадежили... Дескать, выяснить завсегда что угодно возможно, а въ этомъ дѣлѣ и хитрости даже никакой нѣту.

Сговорились въ тотъ же вечеръ приступить къ розыску незамедлительно, для чего Тихонъ Тимофѣичъ обѣщался притти на мѣсто происшествія, будто, чайку попить, по знакомству.

— Только вы ужъ, Иванъ Захарычъ, сдѣлайте одолженіе, Любовь Ивановну не замайте! Для пользы дѣла прошу васъ, потому дѣвица отъ бою пуще ожесточиться можетъ.

— Да ладно! Нешто я не понимаю? Ты думаешь, легко мнѣ самому-то чадо свое увѣчить?

— То-то, воздержитесь на время отъ увѣчья для пользы дѣла.

На томъ и разстались.

Въ подобныхъ дѣлахъ у Тихона Тимофѣича особый нюхъ былъ, даже, можно сказать, сверхъ-человѣческой. А тутъ еще и барышни-то Четыркины всѣмъ извѣстны были по своей миловидности и сами Тихонъ Тимофѣичъ неоднократно на нихъ любовались въ Липкахъ, на гуляньѣ. Но, какъ дѣвицы эти содержались въ строгости, то Тихонъ Тимофѣичъ, бывало, поглядятъ только имъ вслѣдъ, вздохнуть, да большими пальцами покрутятъ у себя на животѣ. Только и всего.

А теперича оказывается, что какой-то ловкачъ черезъ всѣ запреты перемахнулъ и ягодку прямо изъ-подъ листика выхватилъ. Такого стрекулиста даже и посмотрѣть интересно.

Очень горячо Тихонъ Тимофѣевичъ за дѣло это принялись и меня съ собой взять на слѣдствие пообѣщали.

— Полагаете, — спрашиваю, — тайну съ одного маха проникнуть?

— Съ одного, не съ одного, а не задержимся! На сколько дѣвицъ Четыркиныхъ я понимаю, секретовъ изъ нихъ никакой палкой вышибить невозможно, но, если обходцемъ, черезъ разговоръ или вообще, то съ умомъ до всего дойти можно.

— Неужто до всего?

— Обязательно.

Ровно въ шесть мы уже у Четыркиныхъ чай пили.

Младшія сестры вродѣ какъ бы въ тревогѣ находились и то краснѣли, то блѣднѣли; а Любочка сидѣла, какъ каменная, только бровками иной разъ подрагивала, да синячекъ отъ родительскаго внушенія батистовымъ платкомъ прикрывала.

Тихонь Тимофѣичъ шутятъ себѣ, балагурятъ, а сами нѣтъ-нѣтъ, да и оглядятъ украдкой барышень съ ногъ до головы.

Младшенькія до того стройненькія въ блузкахъ сидѣли, что хоть кого на искушеніе навести могли, а Любочка въ другомъ родѣ: полноты стана незамѣтно было, но грѣховность въ формахъ все же проглядывала.

Мы еще до чая съ самимъ обговорились, чтобы барышень безпремѣнно за чайнымъ столомъ попридержать на полчасика, для осмотра ихнихъ комнатъ. Такъ и сдѣлали.

Вызвалъ насъ хозяинъ изъ-за стола, будто бы, корову новую смотрѣть и прямикомъ мы въ дѣвичьи спальныя прошли.

Горницъ всего было двѣ: первая — проходная, для младшихъ сестеръ отведена, а за ней вторая, чуть поменьше, — Любочкина.

Окна обѣихъ комнатъ въ палисадникъ выходили и у самой какъ есть стѣны подъ этими окнами табакъ душистый на грядкѣ росъ.

Тихонь Тимодѣичъ очень внимательно по горницамъ прошли, постельки барышнины потрогали, даже простынки заворотили и подъ кровати наклонялись. Въ комодѣ бѣлье перебрали, одеколонъ ландышевый понюхали.

Отецъ замѣтилъ, что — дескать, одеколонъ-то, можетъ, и не любочкинъ; однако, Тихонь Тимофѣичъ строго такъ на него глянули и сказали внушительно:

— Впослѣдствіи все само собой обнаружится, а пока-что, вы ужъ мнѣ, почтеннѣйшій, не мѣшайте.

— Да я что же?... Хоть весь домъ перебуравь, — нешто мнѣ жалко?

Затѣмъ прошли въ палисадникъ и на дворъ.

Тихонъ Тимофѣичъ поинтересовались грядкой съ табакомъ, но на ней, окромя собачьихъ слѣдовъ, ничего не обнаружили.

— А сѣноваль, — спрашиваютъ, — у васъ есть?

— Какъ же безъ сѣновала? Вонъ онъ надъ коровникомъ. Только туда и ходить не стоитъ, потому это дворниково мѣсто: къ нему туда прачка его каждую ночь лазить.

— Да дворникъ-отъ у васъ хромый?

— Какъ есть на деревяшкѣ.

— Какъ же на сѣноваль-то онъ залѣзаетъ?

— Очень прачка у него румяная. Къ такой, говорить, я, не то что на сѣноваль, а хоть на самую колокольню залѣзу. Онъ у насъ страсть какой настойчивый.

Прошлись по двору, плетнемъ проломаннымъ поинтересовались, но оказалось, что это быкъ продавилъ.

Тогда въ баню направились. Баня была, какъ баня: раздѣвальня, мыльная съ полкомъ и рядышкомъ чуланчикъ махонькій.

Тихонъ Тимофѣичъ листикъ съ березоваго вѣника промежъ пальцевъ потеряли и понюхали.

Иванъ Захарычъ только головой покрутилъ: дескать, премудрость.

Воротились въ домъ. По дорогѣ въ залу Тихонъ Тимофѣичъ въ чуланъ подъ лѣстницу заглянули и въ сорѣ пошарили, а потомъ прямо къ фортепіанамъ подошли.

— Барышни, — спрашиваютъ, у васъ и музыку пре-взошли?

— Одна Люба польку играть можетъ и еще «Невозвратное время».

— А ну-ка, попросите сюда среднюю барышню.

Четыркинъ хотѣлъ было что-то сказать, но воздержался и закричалъ:

— Милка, подь-ка сюды!

Людмила Ивановна въ залу вошла совсѣмъ заробѣвши и глазки округлила.

— Вы на рояляхъ сыграть что-нибудь можете? — спрашиваетъ Тихонъ Тимофѣичъ и руку протянули, какъ бы для открытія инструмента, да замѣсто того Милочку, вродѣ какъ нечаянно, ладошкой задѣли.

Она ничего: посторонилась малость.

— Нѣтъ, — говоритъ, — на фортепьянахъ я не могу.

— Ну-съ, — говоритъ Тихонъ Тимофѣичъ, — пойдете теперь, Иванъ Захарычъ, въ кабинетикъ вашъ, потолкуемъ.

Прошли.

Четыркинъ, какъ только двери заперъ, такъ и устремился съ вопросами.

— Ну, какъ, — спрашиваетъ, — обнаружили что? Можетъ, Любку самое допросишь?

Тихонъ Тимофѣичъ въ кресло поплотнѣе сѣли и, не торопясь, начали:

— Не въ допросахъ тутъ сила, почтеннѣйшій! — Барышень вашихъ я и безъ допросовъ понялъ: страхомъ съ ними ничего не подѣлаешь. Но кое-что я, дѣйствительно, обнаружилъ. Завтра по утру надѣюсь до самага корешка добратся.

— Неужто завтра и злодѣя откроешь?

— Завтра тропочку къ нему откроемъ съ Божьей помощью, а тамъ ужъ и его самого.

— Чего жъ дѣлать-то теперича велишь?

— А больше ничего, какъ велите вы завтра, часамъ къ семи утра баньку истопить и всѣхъ трехъ барышень попариться отправьте. А мы съ Васей моимъ, — со мной то-есть, — изъ баннаго чуланчика свое наблюдене имѣть будемъ.

— Непремѣнно всѣхъ трехъ дѣвокъ въ баню гнать?

— Непремѣнно. Тутъ разговоръ промежъ сестеръ можетъ быть, потому отъ пару, сами знаете, душа въ человѣкѣ мякнетъ.

— Это что и говорить!

— А дѣвушки, которыя безъ одеждъ, къ откровенности болѣе склонны.

— Да я сгоню ихъ въ баню, мнѣ что же? — Главное, злодѣя бы обнаружить.

— На этотъ счетъ будьте благонадежны, — и не таковскія дѣла распутывали въ лучшемъ видѣ.

— Ужъ ты постарайся, Тихонъ Тимофѣичъ, яви Божескую милость.

— Говорю: уповайте и больше никакихъ!

Сговорились на счетъ баннаго наблюденія и пошли во-свои.

Состоя при Тихонѣ Тимофѣичѣ уже болѣе года, понималъ я тогда это дѣло такъ, что баня тутъ не болѣе, какъ для блезира, потому отчего же попутно и не посмотрѣть на хорошенькихъ дѣвочекъ въ натуральномъ видѣ. Какой у насъ ни есть Саратовъ, а все же купеческихъ дочерей родители въ баняхъ не показываютъ постороннимъ мужчинамъ. Что же касается до любовника этого, соображалъ я, то не иначе, какъ Тихонъ Тимофѣичъ уже что-нибудь да запримѣтилъ.

Пока шли мы до дому, про дѣло это разговаривали.

— Отчего это,— спрашиваю, —вы мужчинами домашними не поинтересовались?

— До нихъ чередъ еще не дошелъ. — Очень средняя дѣвочка мнѣ подозрительна.

— Въ какихъ, то есть, смыслахъ?

— Да вообще. Ладошкой я ее тронулъ маленько, — хоть бы покраснѣла.

— За столомъ обѣ младшенькія краснѣли отъ каждаго слова.

— Отъ словъ краснѣли, а отъ ладошки ни Бюже мой.

— Полагаете, что это что-нибудь да значить?

— А то какъ же?

— Черезъ баню можетъ обнаружиться?

— И очень даже просто. Когда дѣвочка до гола раздѣвается, то непременно вся обнаруживается.

— Въ душу-то все едино ей не заглянешь, хоть и голой.

— У дѣвицъ душа подъ кожей недалече, съ того онѣ и краснѣютъ.

Часовъ въ 11 вечера взялъ я кой-какой инструментъ и опять воротился къ Четыркинамъ, но уже по-тайности ото всѣхъ, окромя самого.

Прошли мы съ нимъ въ баню и тамъ я легонькія скваженки въ стѣнкѣ прорѣзалъ, для нашей обсерваторіи, значить.

А къ половинѣ седьмого утра мы съ Тихономъ Тимофѣичемъ уже были на мѣстѣ наблюденія, — на табу-реточкахъ въ тишинѣ притулились.

Сперва баба какая-то пришла, лавки окатила, соръ замела и шайки помыла. Пару вѣшниковъ въ кипятокъ положила распариваться, а сама ушла.

Потомъ и барышни пожаловали: заспанные, недовольныя всѣ чего-то, даже и не говорили другъ съ дружкой, почитай что, вовсе. Такъ, развѣ что по банному дѣлу.

Любочка такъ даже и не мылась и не раздѣвалась, а какъ сѣла въ капотѣ на скамейку въ раздѣвальной, такъ и просидѣла все время, не двигаясь. То ли она положенія своего передъ сестрами конфузилась, то ли синяковъ родительскихъ.

Младшенькія же мылись, какъ слѣдуетъ и мы съ Тихономъ Тимофѣичемъ насмотрѣлись на нихъ, можно сказать, вволю. Очень даже миловидныя были дѣвочки, суптильныя, да стройненькія, — такъ ножками и перебирали, такъ ручками и разводили.

По правдѣ говоря, и на табуреткѣ-то усидѣть было трудновато. А Тихонъ Тимофѣичъ, какъ приспособились, глазъ въ скважину нацѣлили, такъ и просидѣли все время въ сосредоточенности. Губами пожуютъ чего-то, вздохъ подавятъ и сидятъ, — не шелохнутся.

Подъ самый конецъ младшая барышня говоритъ Любочкѣ:

— Ты хоть бы волосы-то намочила, а то и дуракъ увидить, что ты не мылась.

А Любочка плечиками передернула:

— Наплевать мнѣ на все теперича.

Выждавъ время, пока барышни въ домъ ушли, и мы туда же тронулись, обогнувъ задами переулочъ.

Четыркинъ еще въ передней шепнулъ:

— Ну, какъ?

А Тихонъ Тимофѣичъ ему такъ же шопоткомъ:

— Есть.

И въ кабинетикъ прошли.

Глядимъ, а тамъ, на ломберномъ столѣ уже и закусочка собрана, — грибы на скороводкѣ шипятъ.

— Не рановато ли водку-то пить? — говоримъ.

— Да что вы? При такомъ-то дѣлѣ, да не закусить? Цѣлебную-то я самъ настаиваю по Афонскому рецепту, — ей Богу, право.

За ѣдой дѣйствительно говорить было куда легче.

Выпили за успѣшное завершеніе и Четыркинъ спрашиваетъ:

— Такъ какъ же?

— Имѣю, — говоритъ Тихонъ Тимофѣичъ, — знакъ одинъ и по нѣкоторымъ признакамъ предполагаю, что дѣло серьезное.

— Неужто серьезное?

— Похоже, что такъ. — Насчетъ Любовь Ивановны, до полного ея опростанія теперича и говорить нечего: свезите ее въ уѣздъ куда и ожидайте природнаго разрѣшенія. А за младшенькими сестрицами очень даже присматривать вамъ слѣдуетъ, — прямо скажу, очень.

— Да что ты? Неужто и эти паршивки...

— А вы, Иванъ Захарычъ, постоитъ. Ничего окончательно мы еще не обнаружили, но знакъ одинъ имѣется въ наличности.

— Да гдѣ же знакъ-отъ этотъ?

— У Людмилы Ивановны, на лѣвомъ плечикѣ.

— Чего-жъ тамъ у ней такое? Дѣвченки, кажись, чистыя, гладкія...

— Вотъ именно по причинѣ ихней гладкости и знакъ тотъ могъ быть обнаружень.

— Да какой знакъ-отъ? Не тяни, Христа ради.

— Ничего особеннаго, не болѣе, какъ царапки махонькія, но несомнѣнно имѣющія свое происхожденіе.

— Батюшки, что-жъ теперича будетъ? — До смерти запорю, коли что...

— Извольте повременить, почтеннѣйшій. Знакъ этотъ самъ по себѣ еще ничего не доказываетъ. Мало ли какъ барышня могли оцарапаться: ноготкомъ чиркнули — вотъ вамъ и царапина. Однако, въ данномъ случаѣ, одно обстоятельство навело меня на размышленіе...

— Батюшки... Запорю...

Четыркину кровь вступила въ голову и онъ стукнулъ кулакомъ по столу, расплескавъ водку изъ рюмокъ.

— Извольте повременить, я еще не кончилъ.

— Добивай ужъ сразу! Чего тамъ...

— Не о добоѣ рѣчь идетъ, Иванъ Захарычъ. Можетъ, и нѣтъ еще ничего. Выяснить все это надобно.

И, желая дать время оправиться хозяину, Тихонъ Тимофѣичъ, не торопясь, выпили рюмочку цѣлебной, потомъ, обдумавши, взяли кусочекъ стерлядки отъ середины и закусили.

— Ну, сказывай, чего еще обнаружилъ, чего выяснять?

— А выяснить мнѣ было бы желательно, не произошелъ ли этотъ знакъ на плечикѣ у Людмилы Ивановны, вотъ, отъ этого предмета.

Тихонъ Тимофѣичъ вынули изъ кармана порядочной величины мѣдную пуговицу.

Четыркинъ взялъ пуговицу, повертѣлъ ее въ пальцахъ и положилъ на столъ.

— Да откедова ты ее досталъ-то?

— Вчерась еще въ чуланчикѣ вашемъ подобралъ, подъ лѣстницей, въ прихожей.

— Такихъ пуговицъ у насъ въ домѣ николи и не было! — Военная она, что ли, какая?

— Не военная она, а графская.

— Чего?

— Графская это пуговица. — Видите, вотъ, коронка на ней съ шишечками, а подъ коронкой вродѣ дракона какого-то, съ саблей.

— Отколь же графья-то у насъ могли взяться? Что ты, въ самомъ дѣлѣ?

Четыркинъ даже усмѣхнулся и потянулся было къ рюмкѣ, но раздумалъ и съѣлъ грибокъ.

— На этотъ счетъ я ничего сказать пока еще не могу, потому прежде всего надо намъ убѣдиться, отъ этой ли пуговицы знакъ у Людмилы Ивановны.

— За этимъ дѣло не станется.

Четыркинъ всталъ и закричалъ въ дверь:

— Милку сюда! Живо!

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же барышню при постороннихъ мущинахъ конфузить? Вы сами извольте убѣдиться въ сторонкѣ. И, сдѣлайте милость, безъ рукоприкладства, потому мы еще ничего не знаемъ навѣрное.

Иванъ Захарычъ вышелъ, а я спросилъ:

— Ужли-жъ вы, дѣйствительно, на графа какого подозрѣніе имѣете?

— Графъ, не графъ, а какой-нибудь Евграфъ тутъ обязательно пофрыштыкалъ.

Мы еще по одной выпили и закусили, до прихода хозяина.

Вдругъ слышимъ визгъ какой-то, потомъ ровно что на полъ грохнулось и голосъ Ивана Захарыча прокричалъ:

— И ты, стерва... Убью...

Тихонъ Тимофѣичъ кинулся къ дверямъ, но въ ту же минуту самъ Четыркинъ на порогъ появился, краснѣе кумача и едва дышитъ. Повалился на диванъ и прохрипѣлъ:

— А шутъ ихъ разбереть, съ чего у нихъ плечи расцарапаны.

И пуговицу на столъ кинулъ.

Тихонъ Тимофѣичъ многозначительно подняли брови и только сказали:

— Напрасно вы до времени разстраиваетесь, Иванъ Захарычъ.

— Какъ же до времени-то? Одна на восьмомъ ужъ, — чего же ждать то, по твоему? Не правнуковъ же дожидаться, расшиби ихъ всѣхъ пополамъ?

— Касательно Людмилы Ивановны у насъ никакихъ точныхъ уликъ пока еще нѣту.

— А тебѣ какихъ же уликовъ еще надо? Нешто порядочная станеть тебѣ графскія пуговицы на плечахъ оттискивать?

— Ежели даже предположить, что знакъ тотъ у Людмилы Ивановны пуговочный, то одинъ оттискъ еще не есть доказательство грѣхопаденія. Можетъ быть, одно только объятіе или что нибудь въ этомъ родѣ.

— Объятія... За объятія эти и бьютъ ее, стерву. Ахъ, Ты, Боже-жъ мой, до чего дожили: подъ графскія пуговицы плечи подсовываютъ, трепохвостики. — Да откедова графъ-отъ этотъ могъ взятыся, да еще въ чуланѣ, подъ лѣстницей? — Навожденіе какое-то.

— Вотъ, къ этому вопросу мы сейчасъ и приступимъ, съ вашего разрѣшенія.

И Тихонъ Тимофѣичъ обстоятельно начали спрашивать насчетъ домашняго обихода: кто изъ муштинъ живетъ въ самомъ домѣ, кто въ службахъ, кто приходитъ. — Четыркинъ отвѣчалъ подробно, съ охотой, но все повторялъ:

— Главное дѣло, кобеля-то возлѣ нихъ никакого не крутилось, какъ передъ Истиннымъ...

Перебрали всѣхъ по порядку: старшій приказчикъ, дворникъ безногій, парнишка на побѣгушкахъ и брать нѣмой.

Первыхъ двухъ Тихонъ Тимофѣичъ сразу же откинули внѣ подозрѣнія, а брата и парнишку, пожелали видѣть, для чего ушли съ хозяиномъ куда-то.

За ихъ отсутствіе я двѣ рюмки успѣлъ выпить и доѣлъ всѣ грибы.

Вернувшись, Тихонъ Тимофѣичъ сказали:

— Ну, эти молодцы совершенно никакой самостоятельности не имѣютъ: одинъ глупъ еще, а другой очень ужъ мозглявать и тоже вродѣ дурака.

А Четыркинъ подтверждаетъ:

— Я-жъ тебѣ говорилъ! Кабы кобель какой стоящій въ домѣ крутился, ужли жъ бы мы его не замѣтили? Слава Богу, съ глазами, чай.

— Изъ приходящихъ, можетъ, кто?

— Какіе-жъ приходящіе-то? Ну, братья Лобовы заходятъ ко мнѣ иногда по дѣламъ или такъ, чаю попить. Канатчиковъ, Егоръ Егорычъ заглядываетъ. Стрекаловъ бывалъ послѣднее время. — Люди-то все солидные, не шантрапа какая.

— Какой это Стрекаловъ? Не Матвѣя Ильича сынокъ?

— Нѣтъ, дядя это Матвѣевъ, Зиновій Павловичъ, — старшина нашъ, по купеческому клубу, то ёсть.

— По клубу, говорите?...

Тихонъ Тимофѣичъ, вдругъ, на стулѣ своемъ отпрянули и по лбу себя — хватъ.

— Нашель! Ахъ ты, ѣдятъ его мухи съ комарами!..

— Кого нашель-то?

— Злодѣя, вотъ кого! И какъ это я сразу не догадался?

И заторопились уходить.

— Да постой, — взмолился Четыркинъ, — ты хоть назови стрекулиста-то, по крайней мѣрѣ! Какъ же такъ?

— Мы черезъ часъ какойнибудь воротимся, тогда и дѣло порѣшимъ, а пока мнѣ провѣрить кое-что надо-тъ. — А вы имѣйте въ виду: барышень не замайте, иначе я отъ дѣла прямо откажусь! Поняли? Никакого рукоприкладства что-бъ не было.

Иванъ Захарычъ съ разинутымъ ртомъ такъ и остался, а мы чуть что не бѣгомъ къ извозчику пустились.

— Въ купеческій клубъ, да поживѣ! Дуй въ хвостъ и въ гриву!

Я ужъ не спрашиваю, потому вижу, дѣло не на шутку пошло.

Подкатили къ подъѣзду, — швейцаръ Денисовъ двери распаиваетъ, — весь въ медаляхъ, — изъ гвардейскихъ унтеровъ взятъ былъ за представительность.

— Давненько не бывали у насъ, Тихонъ Тимофѣичъ.

— Да все, братъ, недосугъ было. Старшина дежурный есть?

— Никакъ нѣтъ еще, но съ минуты на минуту должны быть. Александръ Аверьянычъ нынче дежурятъ.

Вошли мы въ переднюю. — Тихонъ Тимофѣичъ оглядѣлись и спрашиваютъ:

— Народу-то никого нѣтъ?

— Рановато еще будетъ. Къ обѣду кое-кто подойдетъ-съ.

— Дай-ка ты мнѣ, братецъ, книгу вашу для записи посѣтителей.

— Сдѣлайте ваше одолженіе! Да вы сюда не пройдите-ли?

Денисовъ провелъ насъ въ комнату дежурнаго старшины и книгу подаетъ.

А Тихонъ Тимофѣичъ книгу рукой отстранили и говорятъ ему въ полъ голоса, прямо:

— Ты зачѣмъ же, сукинъ сынъ, Четыркиныхъ барышень испортилъ? — А?

Денисовъ такъ назадъ и попятился. Книгу выронилъ, глаза выпучилъ и челюсть нижняя у него запрыгала.

— Помилуйте-съ... Да нешто я смѣю-съ... Такое дѣло...

— Не крути, стервецъ, — отъ меня все едино не спрячешься! — Гдѣ вотъ эту пуговицу съ ливреи посѣялъ. — А?

Вижу я, что пуговицы, дѣйствительно, тѣ же самыя и одной не хватаетъ: въ аккурать съ правой стороны вторая сверху, — хоть аршиномъ вымѣряй.

Тихонъ Тимофѣичъ власть надъ нимъ почуяли и спуску не даютъ. Все грознѣе и грознѣе наступаютъ.

— По купеческимъ чуланамъ пуговицы раскиды-ваешь, прохвость? Дѣвицъ честныхъ порочишь, мерзавецъ? На именитую фамилію мораль пущать выдумаль? Ну, держись теперча! Я тебя распотро...

— Тихонъ Тимофѣичъ... не погубите... Какъ передъ истиннымъ Богомъ клянусь: вины моей въ этомъ дѣлѣ, почитай что, и не было вовсе...

Тихонъ Тимофѣичъ кулакомъ по столу пристукнули и закричали:

— Какъ это вины твоей не было, бугай гвардейскій...

— Дозвольте доложить все по порядку. Какъ на духу все безъ утайки расскажу, потому и грѣхъ мой тутъ прямо таки самый махонькій. Хоть кому доведись...

А Тихону Тимофѣичу только того и надобно. Приказали они подать себѣ пивка холоденькаго и дозволили говорить по порядку.

Исторія оказалась проще простого и, если по совѣсти разсудить, то вина Денисова и, дѣйствительно, была невелика, а, можетъ, и вовсе вины никакой не было, а такъ, одна галантерейность.

Четыркинъ въ купеческомъ клубѣ по хозяйственной части въ старшинахъ состоялъ и Денисовъ, швейцаръ постоянно къ нему на квартиру бѣгалъ: то съ бумагами, то за приказомъ какимъ, то за деньгами. — Ну, извѣстное дѣло, швейцаръ въ передней у лѣстницы и дожидается.

А передняя-то у Четыркиныхъ — проходная и постоянно всѣ черезъ нее шмыгаютъ.

Какъ-то разъ, передъ Рождествомъ, пришелъ Денисовъ вотъ такимъ же манеромъ съ бумагами, а самъ съ самой еще спали послѣ обѣда. Сѣлъ онъ въ передней на скамеечку и ожидаетъ.

Видитъ, барышни черезъ переднюю все чего-то бѣгаютъ. Пробѣжить которая, хихикнетъ и въ двери скроется.

— Ну, ладно, — думаетъ, — рѣзвятся дѣвицы отъ скуки и больше ничего. Даже забавно ему показалось и, когда опять какая вымырнетъ, да хихикнетъ, то и онъ улыбнется.

Дѣвочки-то милovidненькія, стройненькія и рѣзвущки.

Денисовъ и самъ, прямо надо сказать, молодецъ, — хоть медали съ него чекань. Ужъ въ купеческій клубъ швейцаромъ замухрышку какого не возьмутъ, будьте покойны! Иная купчиха лядащимъ швейцаромъ и въ сани ни по чемъ не подсаживается. Въ этомъ ремеслѣ прежде всего представительность требуется и чтобы рука отъ восьми пудовъ не дрожала.

Ну-съ, хорошо. — Сидѣлъ онъ, сидѣлъ такимъ манеромъ и опредѣленно видитъ, что старшенькая, Любочка хихикать перестала, а глазки на него между прочимъ, косить. И разъ прошмыгнула, — глянула, и два, — юбками по колѣнямъ его задѣла, и третій разъ ландышемъ отъ нея пахнуло.

Что вы станете дѣлать? Хоть и швейцаръ, а деликатность понимать можетъ и къ женскому полу привычный, — и въ Питерѣ и въ клубѣ поднаторѣлъ.

Въ четвертый разъ Любочка показала, — Дени-

совъ со скамеечки приподнялся, рукой дверцу въ чуланъ приотворилъ и посторонился. Она моментально туда — шмыгъ. Онъ за ней шагнулъ — и дверь на вертушку. Только и всего.

Такъ вотъ оно само собой и опредѣлилось.

Потомъ Денисовъ ужъ нарочно сталъ выбирать послѣ-обѣденное время. А Любочка въ чуланѣ малость соръ замела.

— Ну, хорошо, — говоритъ Тихонъ Тимофѣичъ, — насчетъ Любови Ивановны, пожалуй, дѣйствительно, большой вины за тобой нѣту, — потому кто-жъ себѣ врагъ? А какъ же ты на вторую-то покуситься дерзнулъ, на Людмилу Ивановну?

Денисовъ перекрестился.

— Икону со стѣны сниму: пальцемъ къ нимъ не прикасался.

— Ой, врешь!

— Разрази меня на этомъ самомъ мѣстѣ.

— А почему же плечико у нихъ поцарапано?

— Видитъ Богъ, я въ томъ не причиненъ. И близко меня возлѣ нихъ не было.

Тихонъ Тимофѣичъ призадумались, пиво допили и постановили такое мудрое рѣшеніе:

— Ну, вотъ что я тебѣ скажу: Иванъ Захарычъ поручилъ мнѣ это дѣло разобрать и я его разобралъ. — Воздаянія по дѣломъ своимъ ты никакъ не минуешь и морды твоей мнѣ не жалко, но въ уголовщину впутываться мнѣ съ вами — не рука и потому я тебя предупреждаю. Четыркинъ, самъ знаешь, человѣкъ вспылчи-

вый и на руку тяжелый, такъ что прошибить тебѣ башку ему ровно ничего не стоитъ. Поэтому, думаю, было бы для всѣхъ насъ безопаснѣе, если бы ты на время изъ города смылся. Понимаешь, мѣсяца хоть на два, на три? — Отпускъ я тебѣ потомъ оформлю, а бѣжать тебѣ надобно, часа не медля, ибо сегодня же вечеромъ Четыркинъ будетъ здѣсь со своей палкой. Понялъ?

Понялъ-съ. Покорнѣйше вамъ благодаримъ, вѣкъ не забуду...

На томъ мы и собираться стали. Тихонъ Тимофѣичъ хотѣлъ было за пиво заплатить, но Денисовъ не допустилъ.

— Что вы, какъ же это возможно? Я и счетикъ вашъ по буфету урегулирую передъ отъѣздомъ, не извольте беспокоиться. Мы тоже понимаемъ-съ...

Изъ клуба поѣхали мы не къ Четыркинымъ, а прямо къ Тихону Тимофѣичу на квартиру и тамъ, немедленно по прибытіи, они записочку написали такого содержанія.

«Достопочтенный Иванъ Захарычъ. Такъ какъ порученное вами мнѣ слѣдствіе, по извѣстному вамъ дѣлу, волею Божею приходитъ къ благополучному концу и я надѣюсь, какъ обѣщаль, сегодня же вечеромъ дѣло это съ вами закончить, то, покорнѣйше прошу васъ, для окончательнаго выясненія всѣхъ обстоятельствъ, не медля, отправить съ подателемъ сего вашу вторую дочь, Людмилу Ивановну, ко мнѣ на домъ, для снятія съ оной дѣвицы показанія по существу».

И я записочку эту отвезъ на извозчикѣ.

Но со мной Людмилу Ивановну почему-то не отпустили, а привезла ее сама маменька черезъ полчасика, примѣрно.

Тихонъ Тимофѣичъ барышню къ себѣ въ кабинетикъ провели, а маменькѣ предложили въ столовой обождать рѣшенія. Но та отказалась.

— Нѣтъ, ужъ, — говорить, — я лучше пойду. Дождайся, не дождайся, — а, видать, все едино ничего путнаго не дождешься. Прогнѣвили мы Бога-то.

Ее и не задерживали.

Тихонъ Тимофѣичъ къ себѣ ушли и меня на этотъ разъ съ собой не позвали.

Надо думать, серьезный допросъ у нихъ былъ, потому, не только двери, но и ставни въ окнахъ они прикрыли.

Я ужъ и такъ, и этакъ ловчился, хоть бы словечко какое перенять, но не тутъ-то было.

Часовъ, вѣрно, около двухъ допросъ продолжался и оба вышли изъ кабинета замѣтно взволнованные. Тихонъ Тимофѣичъ руки потирали и все больше въ сторону смотрѣть наровили, а Милочка такъ даже растрепалась и вовсе ни на кого не глядитъ.

Тихонъ Тимофѣичъ сами ее до дому провожать собрались, чтобы заодно ужъ и съ батюшкой дѣло прикончить по уговору, да тутъ задержка небольшая вышла.

Мать-то Милочкина, оказывается, и не уходила вовсе, а все время просидѣла въ палисадникѣ и все чудила по своему обычаю молоканскому. Сперва кадильную свѣчку зажгла и бормотала чего-то, а потомъ по землѣ, давай, кататься и пѣна у ней изо рта пошла.

Пришлось и ее на извозчика забрать.

Собственно говоря, и исторіи этой конецъ.

Тихонъ Тимофѣичъ, натурально, съ Четыркина гонораръ свой получили полностью, а Ивану Захарычу такъ и не удалось злодѣя искалѣчить, потому Денисовъ, не будь дуракъ, въ ту же ночь бѣжалъ на пароходъ въ Астрахань, гдѣ и пробылъ цѣлыхъ три мѣсяца. А потомъ все это малость попризабылось, да и скандала отцу подымать ужъ не захотѣлось.

Любочка благополучно родила въ Царицынѣ, а годъ спустя посватался къ ней богатѣйшій грекъ изъ Одессы, по фамиліи Самбураки. У него большое оптовое производство было, — халвы, рахатъ-лукума и шербета и домъ собственный на Ланжеронѣ.

Старуху Четыркину въ сумасшедшій домъ пришлось свезти, потому дважды она мало-мало пожара не устроила со своимъ еретиковскимъ куреніемъ.

А какъ мать изъ дому увезли, Милочка повадилась къ Тихону Тимофѣичу забѣгать, то днемъ, а то и вечеромъ. И все они въ кабинетикъ запирались.

Какъ-то года черезъ четыре довелось мнѣ быть проѣздомъ въ Одессѣ и, проходя мимо Самбуракина дома, подумалъ я: зайти, нешто, изъ почтенія?

Гляжу, а изъ воротъ ихнихъ Денисовъ, швейцаръ выходитъ. Только ужъ не въ ливреѣ онъ, а, какъ есть, въ самомъ французскомъ пиджакѣ и подковка даже въ галстукъ воткнута, бирюзовая.

— Батюшки, — машу ему, — ты что тутъ дѣлаешь?

Едва призналъ меня, анафема, а потомъ говорить:

— Мы уже второй годъ тутъ при должности стоимъ, у господина Самбураки.

— При какой же должности-то?

А онъ важно такъ ногу отставилъ и басить:

— Обыкновенно при какой: на ваканціи главнаго химика въ шербетовомъ производствѣ.

Вѣдь вотъ стрекулистъ какой отчаянный.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Часть 1. — На «Самолетъ»	5
Случай 1. — Сомнительная расписочка	10
Случай 2. — Дѣло объ убійствѣ чиновницы Мещериковой	29
Случай 3. — Воскрешеніе изъ мертвыхъ	45
Случай 4. — Марьяжное дѣло	63
Часть 2. — Антонина. (Повѣсть — діалогъ)	78
Часть 3. — Гербовая пуговица. (Разсказъ)	126

Кн. Маг. „МОСКВА“ въ Парижѣ

Изданія собственные, генеральн. представит. и складовыя:

Аничковъ. Язычница	1.—
Булгаковъ. Дни Турбиныхъ. Романъ т.т. I и II по	0.72
Бунинъ. Последнее свиданіе	0.80
Винаверъ. Недавнее	1.—
> Наше правительство	1.—
Волковъ. Около Царской Семьи	0.50
Грулевъ. Записки генерала-еврея	1.—
Гойеръ. Жестокосердный каменьчикъ	0.60
> Запретный хлѣбъ	0.80
Городецкая. Несквозная нить.	0.72
> Мара	0.80
Евреиновъ. Театръ какъ таковой	0.36
> Театръ вѣчной войны	0.60
Жаръ Птица № 14 журналъ	1.20
Заварзинъ. Работа тайной полиціи	0.60
> Жандармы и революціонеры	1.—
Изломова. Обломки. Романъ	1.—
Каннегиссеръ. Статьи Алданова и друг.	0.48
Кноррингъ. Стихи о себѣ	0.20
Корсакъ. Плѣнъ	0.80
> Забытые	0.60
> У бѣлыхъ	0.80
> Исторія одного контролера	1.10
Кошко. Очерки уголовного міра, т. III	0.80
Крамаржъ. Русскій кризисъ.	1.50
Купринъ. Повѣсти и рассказы	0.60
Лаппо-Данилевская. Къ счастью	0.60
> Поруганный	0.60
> Кровавый рубинъ	0.60
> Въ усадьбѣ	0.80

Ладинскій. Черное и голубое	0.36
Лозина. Письма къ Маріи о мірѣ	0.80
Маршанъ. Самоучитель франц. яз.	0.96
Мельгуновъ. Красный терроръ	0.85
Метельниковъ. Природовѣдѣніе	0.48
Нольде. Юрій Самаринъ и его время	1.—
Одоевцева. Изольда	0.85
Осоргинъ. Сивцевъ Вражекъ	1.40
» Тамъ гдѣ былъ счастливъ	0.90
» Чудо на озерѣ	0.80
» Свидѣтель Истории	1.40
Павловъ. Старыя пѣсни	0.80
» Бредъ	0.72
» Николай II	0.60
Пасманикъ. Революціонные годы въ Крыму	0.70
Пернэ. Самоучитель франц. яз., т. I	1.50
Петрищевъ. Великій лѣсъ	1.60
Полуэктовъ. Катехизисъ автомобилиста	1.40
Ремизовъ. Оля	0.72
Роспоповъ. Томи	0.90
» Когда говоритъ Азія	0.80
» Что было въ 1940 году	0.90
Розенталь. Будемъ богаты	0.40
Русская лѣтопись журн. №№ 1—7 по	0.60
Спиридовичъ. Исторія большевизма, фр. 16.—, за границу	1.10
Толстовъ. Отъ красныхъ лапъ въ неизвѣстную даль	0.80
Толстой. Фабрика молодости	0.40
Цвибакъ. Парижъ ночью	0.60
Черный. Несерьезные рассказы	0.80
» Кошачья санаторія	0.20
» Живая азбука	0.60
Шрейдеръ. Тетрадь о Достоевскомъ	0.40
Шульгинъ. Что намъ въ нихъ не нравится, II изд.	0.50
» Приключенія Князя Воронцакаго	1.—
Юсуповъ. Конецъ Распутина	1.20

Imp. « PASCAL »
13, r. Pascal. Paris.
